Один из величайших писателей нашего века.
Милан Кундера

Витольд Гомбрович

Впервые на русском!

Одержимые

Одержимые
Витольд Гомбрович

Аннотация
Витольд Гомбрович. Одержимые
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX

Глава XXI
Глава XXII
Эпилог

Аннотация

Двадцатилетний тренер по теннису приезжает в загородное имение, чтобы помочь юной барышне, известной теннисистке, поддержать спортивную форму. Между молодыми людьми с первого же дня устанавливаются странные отношения: оба чувствуют необъяснимое притяжение, несмотря на разницу в положении и тот факт, что барышня уже обручена. Ее жених служит секретарем у богатого князя, отпрыска старинного рода, и проживает с ним в мрачном замке неподалеку от имения. Говорят, в этом замке обитают потусторонние силы, а неприступные стены хранят невероятные богатства. Вскоре события приобретают воистину непредсказуемый характер…

Витольд Гомбрович – пожалуй, самый известный польский писатель XX века, мастер гротеска и «психологического шантажа» (так назвал своеобразный стиль автора Джон Апдайк). Гомбрович был номинирован на Нобелевскую премию четыре раза, его произведения известны по всему миру. «Одер-

жимые» – причудливый готический роман о любви и тайнах прошлого – вышел в свет незадолго до оккупации Польши немецкими войсками и в то время остался почти незамеченным. Лишь в 1990 году роман был издан полностью под настоящим именем автора, а вскоре приобрел широкую известность и был переведен на многие языки.

Впервые на русском!

Витольд Гомбрович
Одержимые

Witold Gombrowicz
OPĘTANI
Copyright © Rita Gombrowicz & Institut Litteraire
All rights reserved
Перевод с польского Ирины Адельгейм
Оформление обложки Ильи Кучмы

© И. Е. Адельгейм, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

* * *

Глава I

— Разве вы не видите табличку с надписью «Не высовываться»? Или для вас распоряжение властей ничего не значит?

Такое замечание сделал юноше, что высовывался из окна, пожилой блеклый господин в пенсне. Случилось это в поезде, где-то за Люблином. Молодой человек убрал голову из окна и обернулся.

— Не знаете, какая сейчас станция будет? — поинтересовался он.

— Если я спросил, известно ли вам о том, что запрещено высовываться из окон движущегося поезда, то, как мне кажется, следует сперва ответить на мой вопрос, а уж потом задавать свой, — еще строже заметил этот любитель порядка с рыбьим лицом, жесткой щетиной волос и поблескивавшей на животе золотой цепью карманных часов.

Молодой человек отозвался — мгновенно и беспечно:

— А, прошу прощения.

Эти мгновенность и беспечность вызвали в рыбоподобном господине еще большее раздра-

жение. Советник Шимчик чрезвычайно любил поучать и муштровать окружающих и терпеть не мог, когда те воспринимали его замечания недостаточно серьезно. Он окинул свою жертву неприязненным взглядом.

То был юноша со светло-русыми волосами, лет, вероятно, двадцати, на редкость ладно сложенный. Хотя лето подходило к концу и вечера случались прохладные, на нем были синяя сетчатая майка, серые брюки и теннисные туфли на босу ногу.

«Кто бы это мог быть? — размышлял советник. — Везет с собой аж две ракетки — сын, что ли, кого-то из местных? С другой стороны, кожа на руках огрубевшая, за ногтями не следит, как если бы занимался физическим трудом. Впрочем, и волосы не слишком ухоженные, да и речь скорее простонародная. Что ж тогда — пролетарий? Нет, откуда у пролетария возьмутся такие уши и глаза? Но опять же, губы и подбородок — совершенно крестьянские… И вообще, есть в нем нечто подозрительное… какая-то помесь».

Остальные пассажиры, похоже, были того же мнения, поскольку украдкой разглядывали молодого человека, который стоял, прислонившись спиной к стенке вагона. Советник Шимчик в кон-

це концов так заинтересовался этим вопросом, что решил покамест отказаться от дальнейшей полемики на тему недостаточно серьезного отношения к наставлениям и советам компетентных лиц. Теперь он приступил к выяснению анкетных данных незнакомца, что, впрочем, давалось ему тем легче, что, даже будучи в отпуске, советник всегда ощущал себя чиновником, привычно заполняющим графы в формулярах.

— Род занятий? — спросил он.

— Тренер по теннису.

— Возраст?

— Двадцать.

— Двадцать? Что — двадцать? Двадцать лет? Извольте отвечать четко! — Советник потерял терпение и вспылил.

— Двадцать лет.

— Куда едете? — подозрительно поинтересовался советник. Этот тип нравился ему все меньше. Шимчик всегда испытывал некоторое недоверие к людям, которые слишком поспешно и послушно отвечают на вопросы; многолетний канцелярский опыт учил его, что, как правило, у таких личностей либо уже имеется что-то на совести, либо вот-вот появится…

Парень ответил:

— Еду недалеко, в одно имение, куда меня наняли. Тренером.

— А! — воскликнул советник. — Не в Полыку ли к Охоловским? Да? Ну разумеется! Я сразу догадался, ведь панна Охоловская, скажу я вам, прирожденная теннисистка. Надолго вы туда?

— Не-е-ет… А впрочем, не знаю, как получится. Я должен починить ракетки, привести в порядок корт и начать тренировать барышню, поскольку ей, как я понял, не с кем играть.

— Я тоже туда еду, — счел нужным сообщить советник и, протянув руку, произнес в пространство: — Шимчик.

На что тренер, поклонившись, отвечал:

— Вальчак.

В этот момент к ним приблизился бодрый старичок, который с самого начала внимательно прислушивался к беседе.

— Господа, так вы в Полыку? — воскликнул он. — Какая удача, я ведь тоже туда направляюсь. Позвольте представиться, — обратился он к советнику. — Сколинский Чеслав, профессор. Если быть точным — историк искусства. Сколинский! Вы, верно, в пансион? Вам там понравится, голубчик, смею вас заверить! Усадьба в Полыке — это рай, а не пансион. Порой я даже испытываю

радость оттого, что помещики разоряются и вынуждены открывать в усадьбах пансионы, ведь нигде так хорошо не отдыхается, как в деревне. Я провел там уже две недели, а сейчас всего на денек заскочил в Варшаву и вот возвращаюсь обратно. Чудесное, чудесное место, голубчик! Кстати! — воскликнул он, обращаясь к молодому тренеру. — Панна Майя Охоловская, ваша будущая партнерша, тоже едет в этом поезде. С вашего позволения — Сколинский, профессор, если быть точным — историк. Я бы вас ей представил, но не хочу показаться неделикатным: она едет с женихом… Точнее, ее жених едет с князем Гольшанским — знаете, тот князь из Мыслочи? Это тоже рядом с Полыкой… Так вот, ее жених, пан Холявицкий, едет в одном купе с князем, у которого служит секретарем, а она, бедняжка, — в соседнем купе. Князь немного… того… — Он постучал пальцем себе по лбу. — И секретарь не имеет возможности отлучаться от него. Впрочем, нам в любом случае не стоит мешать молодой паре.

Мерно покачиваясь, поезд мчался по печальной местности, в свете заходящего солнца казавшейся темно-зеленой и плоской. Все чаще с обеих сторон подступали леса, все чаще состав стремительно прорезал мелкие сосновые перелески.

Господа углубились в беседу, а Мариан Вальчак, тренер люблинского клуба «Зеспул», насвистывал, глядя на проплывающие за окном пейзажи. Он скучал. Он вообще часто скучал. Порой на него накатывала такая скука, что просто невмоготу становилось. Вальчак решил прогуляться.

Вагон первого класса, по которому он сейчас шел, был почти пуст, но одно купе привлекло его внимание.

«Наверное, здесь едет этот князь», — подумал он и, притворившись, будто поправляет волосы перед висевшим на стене зеркальцем, заглянул внутрь.

Картина, представшая его глазам, и в самом деле оказалась любопытной. Огромные чемоданы чрезвычайно старомодного вида громоздились на полках; открытый несессер, помнивший, пожалуй, еще времена Наполеона, величественно покоился на дешевом грубом пледе фабричного производства. Трость, инкрустированная слоновой костью, соседствовала с весьма потрепанным зонтом; повсюду во множестве лежали свертки, пакетики с провизией, коробочки… Все это, вместе взятое, навевало мысли чуть ли не об эпохе дилижансов.

Среди разбросанных в беспорядке предметов

роскоши и дешевых вещичек дремал, положив голову на вышитую подушку, маленький тщедушный старичок в неправдоподобно ветхом костюме с огромной заплатой на правом колене. Но при всей возбуждающей жалость дряхлости в чертах его лица читалось нечто столь властное и утонченное, что любой, едва взглянув на него, понимал: сидящий напротив элегантный господин в отлично скроенном костюме — не более чем секретарь, находящийся в услужении у сей величественной особы. Секретарь держал в руках раскрытую книгу, но не читал, а задумчиво смотрел в окно.

Почтенный старец внезапно чихнул и открыл глаза — а открыв их и обнаружив уставившегося на него юношу, немедленно вытаращил и выпучил свои маленькие голубоватые глазки так, точно привидение увидал. Лицо его покраснело. Он попытался что-то сказать, пошевелил губами и вдруг тоненько вскрикнул:

— Франек! Франек! — И протянул руки вперед. Но его спутник тут же отвернулся от окна и быстрым движением опустил шторку на двери.

Вальчак, не очень понимая, что произошло, почел, однако, за благо удалиться и заглянул в следующее купе. Здесь он обнаружил картину

не менее любопытную и даже в чем-то схожую с давешней, но в чем-то и диаметрально противоположную. В купе находилась молодая девушка — и спала.

«Ага, — подумал юноша, — это небось та самая панна Охоловская».

Лица разглядеть он не мог, поскольку его закрывала рука, но Вальчака удивило то, как спала девушка: элегантно одетое, стройное и нежное тело было перекошено и небрежно пристроено в углу, а согнутые в коленях ноги закинуты на противоположную скамью таким образом, что оказались чуть ли не выше головы; попытайся кто-нибудь специально найти самую неудобную позу для сна, он и то не смог бы улечься более эксцентричным и даже бесчеловечным образом. Так и подмывало потрясти девушку за плечо и воскликнуть: «Да как это вы так спите?!»

— Она ведь спит, совершенно не заботясь о себе, — пробормотал он. — Точно вовсе себя не уважает. Как будто ей все равно, голова у нее ниже ног или ноги ниже головы… А ведь вроде такая элегантная…

Поезд катился, монотонно погромыхивая, все вокруг тряслось и подскакивало, в том числе и спящая девушка. Вальчак разглядывал ее с таким

любопытством, что совершенно забыл, где находится и куда едет.

В сущности, она не слишком ему нравилась, он предпочитал женщин постарше и попышнее, но было в ней нечто такое, что он глаз не мог оторвать. И вдруг его осенило:

— Да ведь она спит в точности как я!

Действительно, всякий раз, проснувшись ночью, Вальчак обнаруживал себя в подобной позе — он спал точно так же, и товарищи даже не раз смеялись над ним. Ну ладно, он — это понятно, но чтобы столь утонченная барышня спала эдак вот, позабыв о самоуважении…

«Она спит, словно на лавке в полицейском участке, — подумалось Вальчаку. — Интересно, это и есть Охоловская?»

Ее легкое пальто висело на вешалке рядом с дверью. Из кармана торчал белый конверт. Юноша заколебался, но любопытство взяло верх над порядочностью: он вытащил письмо и, поглядывая на спящую девушку, начал читать. Да, это была она. Письмо, адресованное Майе Охоловской, гласило:

Моя дорогая Майечка!
Если ты захочешь пробыть в Варшаве

еще пару дней, то пожалуйста, я тут вполне справляюсь, а постояльцев – увы – очень мало. Ужасно, что нам приходится пускать чужих людей в наш милый старый дом. Но ничего не поделаешь! Если бы это, по крайней мере, окупалось! Однако я хотела написать тебе о другом. О твоей помолвке с паном Генриком.

Мое дорогое дитя, ты знаешь, как сильно я желаю тебе счастья. Я предоставляю тебе полную свободу решать, поскольку знаю, что ты все равно меня не послушаешься, но твоя скрытность мучает меня ужасно. Смешно писать об этом в письме, когда мы через пару дней увидимся, но честно признаюсь, что не умею с тобой разговаривать.

Разве может это не печалить мать – невозможность взаимопонимания относительно предметов столь важных и сокровенных? Однако отношения между нами сложились таким образом, что иные вопросы я готова обсудить скорее с совершенно посторонним человеком, нежели с тобой.

Доченька моя дорогая, не сердись на

мои слова. Я знаю, что ты меня любишь, и ты знаешь, что я готова за тебя жизнь отдать, но нет у нас с тобой общего языка. Поэтому хочу воспользоваться тем, что мы сейчас далеко друг от друга, и попытаться в письме сказать тебе то, что лежит у меня на сердце. Прими это к сведению, и не будем более этого касаться, хорошо?

В последнее время я боюсь за тебя настолько, что это отравляет мне всякую спокойную минуту.

Я боюсь твоей красоты, твоей молодости, я предпочла бы, чтобы ты была менее самоуверенна… Как бы это сказать? Я ощущаю в тебе ожесточенность, честолюбие, ненасытную жажду счастья. Мне кажется, ты так охоча до жизни, так теснит тебя наше скучное деревенское существование, что ты готова на все, лишь бы получить доступ к богатой столичной жизни.

Ты полагаешь, Генрик даст тебе все это? В самом ли деле ты к нему привязана или просто хочешь с его помощью вырваться отсюда? Быть может, ты

уже и сейчас знаешь, что спустя пару лет оставишь его?..

Впрочем, даже если ты ощущаешь к нему симпатию, не объясняется ли это чувство как раз родством ваших натур, этой ненасытной жаждой жизни? Порой мне кажется, что ни он тебя не уважает, ни ты его, – что это просто расчет и союз двух совершенно диких зверей. Боже, что я такое пишу! Ну да ладно. Если я ошибаюсь, если это просто отсутствие понимания со стороны старой женщины, каковой я являюсь, воспитанной в другие времена и на других идеалах, то не держи на меня зла.

Однако пойми, как мучительны для меня подобные предположения. Мир с каждым днем становится для меня все более страшным и загадочным. Вы, молодые, не обладаете чувством собственного достоинства, не уважаете ни себя, ни других – вот что хуже всего.

Деньги, которые ты взяла в Варшаве, можешь потратить полностью, поскольку я неожиданно получила 1300 злотых: Липковские расплатились. Я настолько отвыкла от крупных сумм, что, ей-богу, боюсь держать такие деньги дома! Пока положила в твой шкаф, в левый ящик. Пожалуйста, не экономь, купи себе из гардероба все, что требуется, на это мы всегда найдем средства, всенепременно. Ужасно, что я сама поощряю в тебе тягу к роскоши, но ты мне слишком нравишься! Это худшая из моих слабостей! Надеюсь, ты подшлифовала свою игру за эти несколько дней в Варшаве. Не сердись на меня, детка, подумай о том, что я написала, и сделай вид, будто не получала этого письма. Ты любишь меня?

Мама

Вальчак сунул письмо обратно в карман пальто.

Да, это была панна Охоловская, талантливая теннисистка, которую начиная с завтрашнего дня ему предстояло «подтягивать», — его будущая партнерша. Ага, значит, она мечтает удачно

выйти замуж — ну разумеется, кто ж не мечтает, все эти барышни желают удачно выйти замуж и жить в свое удовольствие.

«Прямо как я!» — подумал он и рассмеялся.

Поезд замедлил ход. Вальчак вернулся в свой вагон, где советник Шимчик и профессор Сколинский уже снимали с полок чемоданы и надевали пальто. Вагоны качнулись и замерли.

— Выходим! — воскликнул профессор. — Стоянка всего две минуты!

Глава II

— Лошади из Полыки?

Такой вопрос советник Шимчик обратил в пространство, выйдя на крыльцо станции. Носильщик тащил за ним два чемодана и тюк с постельным бельем.

Не получив ответа, советник повторил вопрос громче, но компания юных зевак восприняла его с полнейшим равнодушием.

Спроси Шимчик кого-нибудь из них лично, он моментально получил бы всю необходимую информацию, но поскольку вопрос был обращен в пространство, парни смотрели на советника как на бесплатное представление.

— Вот как голосит! — даже воскликнул младший из них, ковыряя в носу.

Это раздосадовало советника, и он покраснел. Но тут же остыл и успокоился… как вдруг кто-то толкнул его сзади.

— Прошу прощения, — сказал он, оглядываясь. — Поосторожнее, будьте так любезны! Вы задели меня сумкой.

— Что? Я? Вас? Сумкой? Ах, тысяча извине-

ний! — воскликнул профессор, ибо это именно он случайно толкнул Шимчика в спину своей сумкой. — О, кого я вижу! Панна Майя! Господа, позвольте вас представить. Пан… как же это… Шимон…

— Советник казначейства Шимчик, — представился советник и добавил: — Я телеграфировал о своем приезде.

— Тысяча извинений. Шимчик. А это пан Миньчик… Он по части тенниса…

— Прекрасно! — сказала панна Охоловская, по очереди протягивая мужчинам руку. — Мы все поместимся, для вещей есть отдельная бричка.

Подъехал экипаж, они с профессором уселись сзади, а советник с Вальчаком устроились на скамье. Грязная дорога вела сквозь редкий лес; за ним то и дело открывалась плоская равнина, печальная и широкая.

Солнце уже село, от тишины звенело в ушах. Все молчали. Лесá ни на миг не исчезали из поля зрения, хотя теперь путники катили по лугам; кое-где виднелись низкорослые деревья.

— Что за места! — произнес наконец советник.

— Да, глушь, бедность и тоска, — рассмеялась барышня, и Вальчаку показалось, что смех этот ему знаком. Он внимательно посмотрел на нее.

Майя говорила очень тихо, то ли из кокетства, то ли по другим причинам, но это придавало ей некоторую таинственность. Однако… откуда он знает этот смех? Кто из его знакомых так смеется? Внезапно и без всякой видимой причины сердце у него забилось.

«Что за черт?» — подумал юноша.

Темнело, и вуаль надвигающейся ночи постепенно окутывала кроны деревьев… Большая луна поднималась над лугами. Вдали, в деревне, лаяли собаки. Вальчак не мог избавиться от чувства странного беспокойства, он напрягал зрение, пытаясь преодолеть опускающийся мрак, и вдруг юноше показалось, будто он видит сон… Огромная старинная карета (какие уже лет сто как вышли из употребления), запряженная четверкой лошадей, с грохотом, скрежетом и лязгом, едва не задев их, с невероятной скоростью промчалась мимо и исчезла в клубах пыли.

— Что это было?! — воскликнул советник.

Профессор высунулся и с любопытством посмотрел вслед удаляющейся карете.

— Это князь из Мыслочи, — сообщил он.

— Да, — сказала Майя. — Он, бедняжка, тоже возвращается из Варшавы. Вы ведь не знаете главной достопримечательности этих мест, — об-

ратилась она к советнику. — Мыслочь находится в нескольких километрах от Полыки. Мы едем сейчас по владениям князя.

— Но почему он пользуется таким средством передвижения? Словно при царе Горохе! — удивился Шимчик. — Ведь это неудобно и шумно.

— Почему? Да потому что он чокнутый! — воскликнул профессор. — Вот почему, голубчик вы мой! Старик с незапамятных времен чудит, и это еще мягко сказано. Меня удивляет, что князь вообще выбрался в Варшаву, он ведь обычно носа из своей фортеции не кажет. Пан Генрик, должно быть, с ним натерпелся, — обратился он к панне Охоловской.

— Еще бы, — ответила та. — Генрику с трудом удалось уговорить князя, но дела того требовали. В Варшаве он Генрика ни на шаг от себя не отпускал.

— Смотрите, смотрите, голубчик! — воскликнул профессор, обращаясь к советнику. — Отсюда виден замок, хотя, наверное, сейчас слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

Но луна уже заливала своим светом бескрайние равнины, кое-где отмеченные причудливыми силуэтами деревьев. В бледном сиянии что-то белело — это Мухавец медленно и лениво катил

свои воды по долине, едва продвигаясь вперед и образуя огромные разливы…

Обширную водную гладь, открывшуюся взору советника, можно было бы назвать озером, если бы из нее в самых неожиданных местах не торчали камыши, тростник и лоза. Больше, чем озеро, это напоминало наводнение или скопление отдельных прудов. Кое-где суша и вода смешались настолько, что трудно было понять, какая стихия здесь главенствует.

Удивляло в этом безнадежно плоском пейзаже присутствие высокого холма, что вырос неведомо откуда и как и теперь возвышался над залитой водой равниной. Но еще больше поражало величие строения, располагавшегося на вершине этого холма.

Деталей Шимчик, который, впрочем, был близорук, не различал, однако же ощущал присутствие каменной громады — из нее вздымалась вверх столь же исполинская башня, насчитывавшая около шести этажей, с полуразрушенной и изъеденной временем верхушкой. Она царила над всем пейзажем, одинокая, величественная, властная… Подножие замка постепенно окутывал туман.

— До чего грандиозное сооружение! — восклик-

нул советник.

— Еще какое! — отвечал профессор. — Сто семьдесят ветхих комнат, залов и так далее и тому подобное! Но для историка искусства это не представляет никакой ценности. Эклектика, понимаете, голубчик? Разруха, запустение — типичная господская усадьба в состоянии полного упадка. Польша, да будет вам известно, — продолжал он наставительно, — небогата архитектурными памятниками. В давние времена здесь стояли великолепные замки, но почти все они были разрушены во время шведских войн, а уцелевшие погубили небрежность и бескультурье их владельцев. Сколько памятников архитектуры просто разобрали, чтобы использовать камень для строительства!.. Теперь самым красивым замком в Польше считают Ланьцут. Но Ланьцут — дитя, сопляк с короткой памятью! Да, там есть роскошь, оранжереи, мраморные конюшни и бог знает что еще, но патины — патины нет! История Мыслочи хотя бы насчитывает шесть столетий!

— Шесть столетий? — удивился советник. — В здешних краях?

— Да, — ответил профессор. — Это был еще древний град князей Гольшанских-Дубровицких. Здесь с незапамятных времен располагалось по-

селение… Этот замок, — добавил он не без нотки ностальгии, — может похвалиться славными страницами своей истории, но теперь… теперь это просто куча камней и больше ничего, да, вот оно как! Меланхолическое пристанище безумца и могила угасающего рода… Там уже сто лет живут одни сумасшедшие.

Они снова въехали в лес. Сделалось темнее, поскольку лунный свет лишь изредка пробивался сквозь ветви, и безмерная тоска сжала сердце Вальчака. К тому же его вдруг охватило такое беспокойство, что он едва сдержался, чтобы не выпрыгнуть из экипажа и не скрыться в чаще.

Печаль этих мрачных мест передалась и профессору — он умолк, и лишь советник продолжал рассуждать о типично польских пороках, а именно об анархии, неряшестве и неопрятности, а также об отсутствии надлежащей заботы и организации в деле сохранения памятников былого. На него никто не обращал внимания, поскольку все прислушивались к лесу, к прошлому, а может, и к своим собственным тайным тревогам.

Внезапно панна Охоловская обратилась к Мариану:

— Мы будем играть! — заявила она.

— Разумеется! — ответил тот и рассмеялся.

Показалось ему или она действительно взглянула на него очень внимательно? Да, он поймал ее изучающий взгляд, украдкой скользнувший по его лицу. Вальчаку пришло в голову, что, возможно, она заметила его манипуляции с письмом, — но нет, не может этого быть, она ведь спала.

Тогда отчего же она так его рассматривает?

Юноша очнулся от своих дум, когда профессор объявил:

— О, подъезжаем.

И экипаж вкатился через ворота на просторную лужайку, где вновь прибывших немедленно окружили собаки.

Усадьба в Полыке представляла собой большой старый дом с характерной высокой крышей и маленьким крылечком. Мариан отошел в сторону, ожидая, пока закончатся первые любезности и приветствия.

— Ага, — сказала наконец пани Охоловская, которой Майя что-то шепнула. — Прекрасно, что вы приехали. Моя дочь уже давно о вас мечтает. Марыся, проводи господина наверх и отнеси ужин в его комнату.

Она приязненно протянула юноше руку и исчезла вместе с остальными гостями.

Вслед за девушкой, державшей в руке свечу, Вальчак поднимался по узким скрипучим ступеням. «Его комната» оказалась крошечной каморкой на чердаке. Горничная была необычайно опрятна и, несмотря на юность, рассудительна. Она сказала:

— Вот таз и вода, а полотенце я сейчас принесу. Если вам что-то понадобится, пожалуйста, звоните, но, кажется, здесь и так все есть.

— Много у вас постояльцев? — спросил Вальчак, садясь на кровать.

— Да нет… Кроме тех, что приехали сегодня, еще одна докторша из Львова и еще одна дама. Сезон только начинается.

Она пожелала ему спокойной ночи и вышла. Вальчак шагнул к окну и попытался его открыть, но поддалась только форточка. Старые деревья в парке легонько шелестели, а сразу за ними начинался лес, безмолвный и глухой. Мариан снова ощутил тревогу. Ему казалось, что он зря сюда приехал и что еще не поздно сбежать, хоть бы даже и пешком. Но куда ему возвращаться? Вся его прежняя жизнь была цепью случайностей.

В десятилетнем возрасте он случайно стал подавать мячи в люблинском теннисном клубе. Отец, по профессии слесарь, был рад этой «должности»

сына, который нередко приносил домой больше чаевых, чем он сам получал за день тяжелой работы. Мальчикам в клубе полагалось небольшое вознаграждение за каждый час игры, но нередко кто-нибудь из клиентов побогаче давал сверху пятьдесят грошей, а то и целый злотый. Правда, Мариан вскоре научился оставлять эти дополнительные доходы при себе.

Отец, заметив, что суммы уменьшились, но не имея возможности контролировать сына, начал его лупить, отчего мальчик только еще больше утвердился в решении прятать деньги от родителя. Мариан возненавидел его и даже под страхом смерти не отдал бы ему ни гроша. Он подрастал, и с каждым годом отношения с отцом ухудшались. Парень приспособился не ночевать дома, спал у друзей, а домой — где почти всегда получал головомойку — являлся раз в несколько дней.

В клубе же — красивые корты, посыпанные красной крошкой, солнце, господа и дамы в белых одеждах, шутки, возгласы, веселье — ах! Мариан освоился, выучился при помощи озорных шуток и доли наглости выманивать чаевые, а в перерывах между сетами брал у игроков ракетку и пробовал делать основные удары. Стареющий тренер и управляющий клубом в одном лице,

Мечковский заметил способности мальчика и решил выучить его на тренера. Он выдал ему в постоянное пользование видавшую виды ракетку. К шестнадцати годам Вальчак уже умел правильно подавать мячи начинающим любителям «белого спорта» и часами тренировал школьников и гимназисток. Он также научился натягивать струны на ракетках и преуспел в умении тянуть с гостей деньги, внушая им, будто они обладают необыкновенным талантом.

Когда же его отец уехал в провинцию на заработки, мальчик окончательно перебрался к Мечковскому. Он стал подрабатывать в клубном ресторане, а точнее, в закусочной, которую Мечковский постепенно и незаметно превращал в «ресторан» — и не только для членов клуба.

Но Вальчак пустился во все тяжкие — и на корте, и в ресторане. Ему наскучило тренировать дилетантов, он хотел играть сам — и начал больше заботиться о собственной игре, чем о партнере, «добивая» мячи убийственными драйвами, вместо того чтобы аккуратно подавать их сопернику, да и вообще сделался неприятен, упрям, непослушен, угрюм, недоволен, капризен. Он скучал. Почему — и сам бы не сумел объяснить. Ходил в кино, читал дешевые бульварные

романы и мечтал о другой жизни. Ему казалось, что он лишь теряет здесь время — один час за другим; что вместо того, чтобы болтаться у Мечковского, он мог бы что-то сделать: куда-то поехать, что-то начать, придумать что-нибудь такое, что позволило бы ему наконец достичь чего-то большего…

По вечерам на него иногда накатывала такая тоска, что буквально хотелось руки на себя наложить. Юноше чудилось, будто он тратит себя впустую и может бесследно исчезнуть. Он почитывал «Спортивное обозрение», знал на память имена всех выдающихся игроков и представлял себе их заграничные вояжи, турниры, успехи, овации… Почему, черт возьми, он должен сидеть в провинциальном городишке, в жалком клубе, вместо того чтобы путешествовать и побеждать, как они? Да, у них был талант — они были настоящими игроками… А он, хоть и обыгрывал всех местных неумех, настоящей игры в глаза не видел.

Вальчаку настолько все опостылело, что, когда знакомый инженер предложил ему съездить на пару недель в Полыку, юноша моментально согласился и стал умолять Мечковского отпустить его. О панне Охоловской в «Спортивном

обозрении» писали как об одной из наиболее перспективных теннисисток молодого поколения.

— Я бы хотел поехать! — упрашивал он Мечковского. — Она же сидит в деревне, там в округе никаких игроков нет, играть ей не с кем! Буду ее тренировать и ракетки чинить, да еще и на всем готовом. Какие-то несчастные две недели вы без меня точно справитесь! Хоть что-то новое!

Так он вырвался из города… А теперь, глядя в окно на неподвижные деревенские липы, начинал жалеть, что вырвался. Может, эта старая усадьба, а может, печаль, какой веяло от этих глухих мест, рождали в нем беспокойство и какое-то странное чувство горести. Он вспоминал все, что случилось с ним в дороге: загадочное восклицание князя, письмо, которое он прочитал, сон панны Охоловской, ее смех, ее взгляд, деньги, спрятанные где-то здесь, в шкафу… и сам не понимал, что же могло так его взволновать.

Вальчак сладко потянулся — так, что суставы хрустнули. А-а-ах! — и тихо, беззаботно рассмеялся при мысли о неожиданных событиях, великое множество которых еще ждет его в жизни.

В этот самый момент панна Охоловская в своей комнате, полураздетая, тоже потягивалась — с такой же улыбкой на губах, размышляя о неко-

торых своих планах и проектах на ближайшее будущее. Поднялся легкий ветерок, и липы за окном зашумели.

На следующее утро Вальчак и панна Майя медленно шли по лужайке к теннисному корту, откуда уже доносились голоса детворы, которую позвали подавать мячи. День был чудесный, безветренный, только белые перистые облачка плыли по бледно-голубому небу.

Оба были в белых теннисных костюмах, у каждого под мышками две ракетки.

Вальчак, прекрасно разбиравшийся в закулисной жизни «белого спорта», знал, что панне Охоловской неофициально (она еще не участвовала в крупных турнирах) случалось одерживать победу над ведущими ракетками, причем среди мужчин. Знатоки не раз отмечали ее на редкость разносторонний стиль игры, сулящий большие надежды и обещавший громкий успех за рубежом.

Что касается Вальчака, в клубе никто и мечтать не мог выиграть у него сет, но ведь там ни одного высококлассного игрока и не было. Поэтому с панной Охоловской он решил ограничиться только подачей мячей и отработкой отдельных ударов. Впрочем, барышня, похоже, и не ждала

ничего из ряда вон выходящего. Хмурая и рассеянная, она шла молча, глядя себе под ноги, и, казалось, думала о чем-то своем. Выйдя на корт — отличный, как сразу оценил Вальчак, — девушка не проронила ни слова, лишь быстро отошла за заднюю линию.

— Форхенд! — крикнула она.

Юноша ударил по мячу, тот попал в сетку. Второй ушел в аут. Третий удар у него наконец получился, но панне Майе пришлось подбежать, чтобы отбить. Следующие мячи падали беспорядочно — то слишком близко, то слишком далеко. В конце концов она крикнула:

— Да как вы так играете?!

Он, не задумываясь, парировал:

— Как кто умеет, так и играет.

Она остановилась.

— Жаль, что вы не умеете лучше, — сказала она, пожимая плечами. Еще серия ударов — она возвращала мячи красивыми, отточенными движениями.

Вальчак поклялся себе, что не станет отбивать, но продемонстрированное девушкой пренебрежение слишком сильно задело его за живое.

Теперь панна Охоловская начала отрабатывать бэкхенд, особенно высокие мячи, которые отби-

вала с поворотом корпуса, заводя ракетку обеими руками почти за спину. Ее удары под заднюю линию были так хороши, что Вальчак не выдержал и, когда мяч оказался у него на ракетке, ударил. Мяч пролетел в дюйме над сеткой. Партнерша согнула колени, отвела ракетку далеко назад и молниеносно отбила кроссом.

Он бросился за мячом чуть ли не до того, как тот был отбит, и только благодаря этому сумел его принять.

Удар.

— Что-о-о?! — воскликнула она уже на бегу, наклонившись.

Между ними завязалась серия молниеносных кроссов с бэкхенда — ракетки зазвучали ритмично и быстро. Панна Майя сама не заметила, как оказалась вытеснена с корта мощными ударами партнера. Вальчак же подбежал к сетке и, когда девушка попыталась вывернуться при помощи высокого лоба, выдал убийственный смэш, против которого она оказалась совершенно бессильна.

— Играем сет! — крикнула она.

Для самого Вальчака его успех тоже был неожиданностью. Он понимал, что розыгрыш оказался исключительно удачным… но похоже — о диво! —

особой разницы в их игре нет? Он сосредоточился и правильно принял ее резкую и точную подачу. Ракетки снова зазвенели. Первые пятнадцать очков были его!

«Либо она играет хуже, чем я думал, — мелькнуло у него в голове, — либо я играю лучше…»

И вдруг он ощутил где-то в самой глубине своего существа почти мистическое единение с природой; его посетило то чувство уверенности и непогрешимости, которое знакомо удачливому игроку — спортсмену или картежнику. Он понял, что действительно находится в отличной форме. Прищурился и «убил» ее мяч безошибочным ударом в самый угол, выиграв первый гейм.

В следующем гейме панна Майя начала играть осторожнее: мяч долго летал над сеткой, успех оказывался то на одной стороне, то на другой. Тем временем на скамейках у корта появились гости пансиона, привлеченные звуками игры. Присутствие зрителей еще больше возбудило теннисистов, и партия незаметно превратилась в одно из тех исключительных, стихийных состязаний, которые в равной мере пьянят игроков и публику. Что касается Вальчака, то у него к увлеченности и самозабвенности примешивалась безумная радость открытия собственного

таланта: теперь он уже не сомневался — каждый удар подтверждал это! — что превосходит панну Охоловскую, что у него есть «класс», что он на пути к подлинному мастерству! Вдобавок юноша ощущал некое удовлетворение оттого, что именно Майю он «бьет как хочет».

Внезапно Вальчак, неизвестно отчего, испытал чудовищное ожесточение по отношению к партнерше; стиснув зубы, он бил по мячу, словно бил по ней самой, напряженным взглядом ловил все ее движения, со звериным чутьем предугадывал ее действия.

Но и в панне Майе, помимо изумления, появилось такое граничащее со злостью ожесточение, что она сама поразилась.

Пара сражалась в совершенном молчании, а публика на скамейке, хоть и не разбиралась в технических деталях игры, была настолько захвачена ее яростью, что даже перестала аплодировать.

Во время решающего розыгрыша в полной тишине отчетливо прозвучала негромкая реплика одной из наблюдавших за игрой дам:

— Как они похожи!

— В самом деле, — отозвалась другая. — Это поразительно!

И тут панна Охоловская не побежала за мячом. Она остановилась и вышла с корта.

— Спасибо, — сказала она. — Хватит.

— Как так? — удивился Мариан. — Сет доигрывать не будем?

Оба тяжело дышали. Она взглянула на него:

— Нет.

Она была бледна. Вальчак тоже побледнел и с трудом сдержался, чтобы не чертыхнуться. Что с ней? Но он промолчал.

Публика встретила их возгласами:

— Почему вы прервали игру? Это было невероятно захватывающе!

— Вы прекрасно играете! — воскликнула пани Охоловская, обращаясь к Вальчаку. — Уж я-то немного в этом разбираюсь… Где вы прятались? Кто вас учил? Вы делаете элементарные ошибки, но талант поразительный! Вы не тренер, вы игрок — вам самому нужен тренер!

— Феноменальный удар! — вскричала одна из дам, полная блондинка с глазами навыкате. — Особенно эти косые удары… Исключительные!

— Потрясающие! — вынесла вердикт другая дама, худая, даже костлявая. — Хотя, на мой вкус, слишком сильные. Моя дочка с подругой держат мяч гораздо дольше. Конечно, это не аргумент

— вы играете великолепно, а ваша дочка, — обратилась она к пани Охоловской, — играет ангельски, ангельски!

— Дьявольски, пожалуй! — возразила толстушка. — Что за темперамент!

— Ну-ну, — заметил советник Шимчик, — не стоит преувеличивать. Не следует злоупотреблять похвалами. Знай мы, как сильно похвалы кружат голову, были бы осторожнее. Атмосфера здоровой критики гораздо полезнее, — добавил он, протирая пенсне. — И не надо преувеличивать значение спорта!

— Вы играли восхитительно! — воскликнула, экстатически вздохнув, дородная докторша. — И вообще, прелестная пара! И как похожи — можно подумать, брат и сестра.

— Не вижу никакого сходства, — холодно ответила пани Охоловская.

— Разумеется, разумеется, голубушка, как же иначе! Естественно! И все же есть у них нечто общее: схожий темперамент, схожая ожесточенность, азарт — конечно, это лишь поверхностное впечатление, голубушка… Не надо понимать это буквально.

Пани Охоловская тихонько вздохнула. Чрезмерный критицизм и назидательность советника

Шимчика — ничто в сравнении с проблемами, которые создавали ей эти дамы. Худая любезничала кисло и холодно, а толстая — приторно и горячо, но ни та ни другая не упускали случая уколоть хозяйку и сказать что-нибудь обидное.

Обе были убеждены, что пани Охоловская, помещица, которую финансовые проблемы вынудили открыть в имении пансион, считает это унизительным и испытывает к своим гостям неприязнь. Поэтому (хотя пани Охоловская никакой неприязни никогда не проявляла и даже в глубине души была им искренне благодарна) они на всякий случай решили занять оборонительную позицию и дать помещице понять, что тоже не лыком шиты.

Обычно Охоловская воспринимала их саркастические реплики абсолютно невозмутимо, но на сей раз замечание толстой докторши задело ее за живое. В нем была доля правды! Майя действительно чем-то походила на тренера, и это сходство встревожило мать, поскольку заключалось оно не в чертах лица, а в чем-то ином, неуловимом… Мать, что так тряслась над дочерью, ощущала в этом сходстве нечто дурное, хотя никак не могла понять, в чем заключается связь между Майей и этим… как его… паном Вальчаком.

О, в ее чувствах не было никакой спеси — мать Майи совершенно не страдала всякого рода шляхетскими заскоками, она слишком хорошо понимала суть великих социальных переворотов, которые медленно, но неумолимо стирали границы между классами и кастами. Так что если ее это встревожило и даже задело, то не из-за неуместного снобизма, а по причинам нравственного порядка.

Ей казалось, что связывает их некая общая черта характера, родство натур… Что-то неуловимое, но определенно дурное, даже зловещее. Пани Охоловская провела рукой по лбу: а может, ей только кажется?

— Пойдемте обедать, — сказала она.

— Ах, обедать, душечка вы моя! — разливалась соловьем расплывшаяся пучеглазая докторша. — Представляю себе эти деликатесы! Уж в деревне-то умеют покушать — право, тут едят с утра до вечера!

— Сколько людей умирает с голоду, пока мы тут обжираемся, — кисло заметила худая дама, поднимаясь со скамьи.

— Регламентация питания, — заговорил советник. — Реорганизация и нормализация как поглощаемых, так и выделяемых веществ с точки

зрения экономики является государственной необходимостью, которая должна быть реализована посредством специальных норм. Каждый гражданин обязан потреблять ровно столько, сколько требуется для надлежащего выполнения обязанностей перед государством.

Они медленно направились к дому.

Вальчак, который сразу после игры отошел на другую сторону площадки, чтобы немного успокоиться, не слышал, о чем они говорили, но ощущал на себе их взгляды. Однако теперь он почувствовал, что за ним наблюдает кто-то еще. И это была не Майя.

Панна Охоловская разговаривала чуть поодаль с высоким, широкоплечим и очень тщательно одетым мужчиной, в котором он сразу узнал господина, сопровождавшего в поезде князя Гольшанского.

Видимо, он приехал верхом, так как был в соответствующем костюме и постукивал хлыстом по голенищам сапог. Вот этот-то хорошо выбритый, рослый, холеный секретарь князя Гольшанского, жених Майи, и смотрел на него. Разговаривая со своей невестой, он не сводил с Вальчака глаз, держась с бесцеремонностью человека, весьма уверенного в себе и не заботящегося о чужом

мнении. Вальчаку была знакома эта бесцеремонность, свойственная золотой молодежи, иногда посещавшей клуб и ресторан Мечковского.

«Чего он на меня уставился?» — подумал он зло.

Вальчака трясло от ярости. Игра с Майей скорее разозлила его, чем ошеломила. Причем больше всего разозлило юношу то, что после девушка не сказала ему почти ни слова, а теперь беседовала с женихом так безмятежно, будто не она четверть часа назад билась из последних сил на корте.

Но за обедом (на сей раз Вальчак ел вместе со всеми внизу, в столовой) равнодушие панны Охоловской перестало его раздражать. Наоборот, оно начало его забавлять.

Должно быть, девица в бешенстве из-за того, что он ее победил и явно превосходит в игре. Это было не равнодушие, а как раз наоборот — злость и чувство унижения оттого, что он, простой тренер, оказался лучше.

«Переживает!» — подумал юноша, и это буквально опьянило его и одновременно сблизило с панной Охоловской.

Сидя на дальнем конце стола, он вдруг почувствовал себя ближе к этой девушке, чем все остальные — даже чем жених, и отчего-то его

охватила уверенность, что она нарочно притворяется, будто не обращает на него внимания, хотя на самом деле вся сосредоточена на том, что он делает.

Чтобы проверить, он взглянул на нее через стол — она не смотрела в его сторону, но мгновенно покраснела как маков цвет.

Она опустила голову, однако в этот момент жених, пан Холявицкий, начал рассказывать какую-то смешную историю, и все рассмеялись.

Непонятно. Почему она покраснела? Только ли из-за проигрыша?

А почему она смотрела на него в экипаже? А почему разглядывал его Холявицкий?

А почему остальные украдкой переводили глаза с нее на него и с него на нее, словно не в силах удержаться? То один, то другой будто случайно бросал взгляд на него, потом на нее или наоборот, даже пани Охоловская…

Сразу после обеда Мариан отправился в лес и быстро зашагал вперед по заросшей тропинке среди молодых деревьев, отмахиваясь от тяжелых, крупных мух, которые садились на его голые плечи.

Безумная радость распирала юношу. Он не мог думать ни о чем, кроме этой партии в теннис,

вновь и вновь переживая все моменты игры; в голове у него звенели струны ракеток.

Неужели он и в самом деле талантлив? Почему никто прежде не говорил ему этого? Правда, в клубе он играл небрежно и у него просто не было возможности продемонстрировать, на что он способен, — ни себе, ни окружающим. А ведь у него всегда было предчувствие, что он лучше их, — оттого-то он и был недоволен! Оттого и чувствовал, что зря тратит время! Оттого и хотел вырваться в большой мир! Ах, надо любой ценой добраться до Варшавы, пусть его увидят, оценят его возможности, подучат немного — а потом он станет колесить по миру, как Тлочинский! Его обдало жаром, и от этой нахлынувшей волны счастья юноша даже остановился.

И снова разгоряченное воображение напомнило ему о нескольких великолепных ударах, которые он сделал в моменты почти безнадежные. Нет, он играет определенно лучше ее! На класс выше! Чтó она в сравнении с ним! Вальчак решил вечером поговорить с Майей и попросить оказать содействие в знакомстве с варшавскими теннисистами. Вряд ли она будет долго ревновать к его игре, она ведь женщина — какая между ними конкуренция…

Вальчак неожиданно оказался у реки, лениво катившей свои воды через лес. Он разделся и погрузился в теплое, медленное течение. Проплыл немного, выбрался на маленькую песчаную отмель, где солнце сильно припекало. И вдруг почувствовал себя совершенно обессилевшим.

И уснул…

Когда Вальчак проснулся, солнце уже клонилось к закату. Вода в реке сделалась зеленоватой, фиалковой с серебристыми бликами, лес благоухал. Мариан вплавь вернулся обратно и оделся. Он направился к усадьбе, но мысли о карьере, поездках, путешествиях, триумфах не оставляли его ни на мгновение, шагали вместе с ним по этому редкому высокоствольному лесу.

Его охватила бешеная жажда действия. В конце концов он побежал, чтобы выплеснуть энергию, помчался вперед, словно удирая от самого себя…

Так он бежал километра два, пока в изнеможении не остановился у подножия большого дуба, где, рухнув наземь, уткнулся лицом в сырой мох.

И вдруг сверху донеслось:

— Там кто-нибудь есть?!

Парень в изумлении задрал голову. На дубе, где-то очень высоко, среди ветвей, виднелась человеческая фигура. Голос раздался снова:

— Помогите!

— Что случилось?! — закричал он.

— Помогите мне спуститься. Я не могу спуститься, голова кружится.

Вальчак с легкостью вскарабкался на дерево и, добравшись до середины, обнаружил… профессора, который, сидя верхом на ветке почти у самой вершины, судорожно цеплялся за ствол.

Зрелище было настолько комичным, что Мариан фыркнул.

— Сейчас! — крикнул он.

— Быстрее, не то я упаду! Ради бога, спасите!

Однако это оказалось не так просто. Ветви наверху были такими тонкими, что вряд ли выдержали бы двоих. Хрупкий ствол опасно раскачивался, к тому же профессор, вцепившийся в Вальчака обеими руками и впившийся в него ногтями, дрожал всем телом. Парень начал спускать Сколинского вниз, перебираясь с ветки на ветку и нимало не заботясь о том, какие следы это путешествие оставит на одежде несчастного, который лишь стонал:

— А-а-а!

Упав на мох, профессор несколько минут не мог прийти в себя, но наконец воскликнул:

— Где мой бинокль?

— Вот он, — ответил Вальчак, гадая, что старик делал на дереве с биноклем.

— Юноша, — торжественно произнес профессор, — если бы не вы, я бы упал, потому что не переношу высоты.

— Зачем же вы туда полезли? — спросил Вальчак, прикинувшись дурачком. — На замок хотели посмотреть? — вдруг догадался он.

Проследив за взглядом профессора, он увидел начинавшиеся за лесом болота; подальше, в нескольких километрах, высились стены и две угловые башни, над которыми громоздилась главная часть замка с островерхой крышей. Примерно из середины строения торчала самая высокая — четырехгранная — башня, замеченная юношей, когда они ехали со станции. Кое-где виднелись черные проемы узких окон; изъеденные временем грубые стены дышали надменным, мертвым одиночеством. Отсюда замок выглядел еще величественнее и как-то еще более фантастично…

— Гм… в том числе… — осторожно сказал профессор. — В том числе хотел и замок рассмотреть. А вы откуда здесь взялись?

— Я был в лесу и заблудился.

Профессор внимательно разглядывал его.

— Вы здесь чужой, — сказал он, словно размышляя о чем-то.

Вальчака забавляла его сморщенная, румяная физиономия, находившаяся в постоянном движении.

— Юноша, — наконец произнес ученый, — прежде всего знайте, что я разбираюсь в людях и сразу понимаю, с кем имею дело. Характер человека записан в его конституции — конечно, если уметь читать. Вы куда более опасный тип, чем кажетесь на первый взгляд. Хотите спросить, из чего я это заключаю? Да вот отсюда! — И он коснулся пальцами лица собеседника. — Сочетание ваших скул с линией губ, комбинация носа и глаз… Будьте осторожны, ибо, если не обуздаете свои страсти, окажетесь на скользкой дорожке, с которой… гм… Впрочем, не в этом дело. Мне кажется, нрав у вас буйный, но благородный. Итак, я готов посвятить вас в одну тайну, при условии, конечно, что вы ее сохраните. Я намерен попасть в замок, и, если вы мне поможете, я вас отблагодарю.

— А что, в замок разве нельзя войти?

— Вот именно что нельзя! В этом-то все и дело, что нельзя! — страстно воскликнул профессор. — Старый князь — сумасшедший, и отец его был

сумасшедший, и дед. Уже сто лет никто не может попасть в этот замок, тем более что… тамошние секретари недоброжелательно относятся к людям, которые… Я хотел войти туда обычным образом, через ворота, но мало того, что они крепко заперты, так еще и выглянувший из окошка старый камердинер, полнейший склеротик, буркнул, что князь не велел впускать чужих. Во всем этом здании живут всего три человека — князь, секретарь и этот камердинер, и больше никого. Остальная прислуга не имеет доступа внутрь и ютится в уродливых лачугах, вон там, слева. Никого чужого в замок не пускают, а мне туда позарез нужно — всенепременно, хоть бы меня даже собаками вздумали травить.

— А зачем вам? — Вальчак с любопытством наблюдал за тем, как старик сердится. Тот скривился и посмотрел на Вальчака презрительно:

— Да что толку объяснять! Вы же и за сто лет не поймете! Юноша, если мои предчувствия, подозрения, выводы и знаки, на которые я наткнулся во время своих исследований, меня не обманывают, то этот замок — бесценное сокровище, единственное во всей Польше! В нем таятся залежи, слышите, залежи чудес! Это уникум! Раритет! Сенсация!..

От волнения у него перехватило дыхание.

— Понимаете, наружные стены были возведены для обороны. Этот замок строился не для красоты, вот почему снаружи он выглядит как древняя крепость: суровая, военная… Я и сам всю жизнь думал, будто замок в Мыслочи ничем особенным не выделяется, кроме разве что своей древностью, — да будет вам известно, что возраст северного крыла исчисляется едва ли не шестью столетиями. Но однажды в римской библиотеке я наткнулся на письма нунция Альмари, это семнадцатый век. И оказалось, что нунций во время своих путешествий по Польше навестил в Мыслочи князя Гольшанского. Так вот, рассказывая о замке, Альмари упоминает великолепные росписи, которые он якобы там видел. Это меня поначалу не слишком заинтересовало, так как я решил, будто итальянец попросту льстит магнату. Однако в архиве рода Радзивиллов, близких родственников Гольшанских, я нашел, тоже случайно, документ «Реестр выплаченных сумм», составленный в Мыслочи в восемнадцатом веке, и обнаружил там — господи боже мой! — вот какие пункты: «Художнику за обновление двух древних плафонов, расписанных Долабеллой… Реставрация и украшение двух картин Йордан-

са… одна из которых изображает Поклонение, а другая — Цереру»… Уверяю вас, когда я это прочитал, меня прямо-таки в дрожь бросило… Ладно, юноша, не буду вам объяснять, вы все равно не поймете! Скажу лишь, что стулья Габриэль д'Эстре, знаменитые стулья, которые она получила от своего любовника, французского короля Генриха Четвертого, также фигурировали в этой описи. А кроме того, шкафы Гуго Самбена! Представляете? А ведь там было перечислено только то, что надлежало реставрировать. Так сколько же еще бесценного антиквариата скрывается за этими стенами?! Что там внутри?! Какие чудеса?! Какие шедевры кисти и резца?!

Профессор, который только что упрекал Вальчака в страстности, теперь сам оказался в ее плену. Он был близок к слезам. Страсть старца и страсть юноши взглянули друг другу в глаза, не в силах понять друг друга, обе поглощенные лишь собой, почти незрячие…

— О! — воскликнул профессор. — Я должен это увидеть, должен прикоснуться к этому, должен точно выяснить, что там внутри. Ведь все это пропадает, разрушается с каждой минутой… Надо спасать, спасать!

— Сколько же может стоить такая картина? —

спросил Вальчак.

— Смешной вопрос! — воскликнул профессор. — Такие вещи не оцениваются в деньгах. Но я вам скажу. Одна такая картина может стоить целый миллион!

— И что же — никто не знает, что там столько ценностей?

— Это-то меня и поражает! Каким образом в Польше сохранился такой оазис, такой никем не обнаруженный заповедник? Но я все понял, когда узнал, что на протяжении ста пятидесяти лет ни одно цивилизованное существо не допускалось за ворота замка. И что последние три поколения этой семьи — пьяницы, картежники, гуляки, люди, не имеющие ни малейшего представления о том, чем владеют, неспособные отличить ренессанс от готики. А раньше? Да разве эти господа хоть вот столечко разбирались в искусстве? Шедевры переходили от отца к сыну, и постепенно Гольшанские настолько привыкли к их присутствию, что просто перестали обращать на них внимание. Вдобавок всегда найдется секретарь, у которого имеются собственные причины не пускать в замок компетентного человека — под тем предлогом, что, мол, князь категорически это запретил!

Он понизил голос, подмигнул Вальчаку и вновь поинтересовался:

— Так где же мой бинокль?

— Говорят, секретарь князя — это пан Холявицкий, — заметил Вальчак, окидывая взглядом величественную резиденцию.

От подножия замка уже поднимались белесые испарения, отчего стены казались еще выше. Вдали небо окрашивалось последними лучами солнца, а внизу сгущалась плотная тьма.

Парень вздохнул, и неизвестно почему его снова охватила печаль.

— Пан Холявицкий, секретарь, кузен, администратор, уполномоченный, доверенное лицо, домочадец и управляющий имением! — насмешливо перечислил профессор. — Типичный экземпляр изысканного хама! Хам в обличье щеголя! Неотесанный франт! Хотя, может, там ничего и нет, может, все мои предположения ошибочны, — вдруг испугался он и выпучил глаза на замок, который, истаивая в надвигающейся ночи, одновременно отдалялся и словно бы увеличивался в размерах.

Собачий лай донесся от построек, разбросанных по склону замкового холма. А влажный воздух делался все более плотным и тяжелым, наливался

туманом и, казалось, вот-вот был готов сгуститься в белесое марево.

Пронзительная окрестная пустота, малярийный, нездоровый климат, печаль и запустение заросших камышом болот, кое-где перерезанных гатями, — все это еще более усиливало ощущение трагизма и мистической таинственности древнего гнезда, обители вымирающего рода чудаков, медленно дряхлеющего и вымирающего вместе со своим замком.

Вальчаку делалось все более страшно, он боялся то ли призраков, то ли темноты, то ли еще чего-то, что могло неожиданно подкрасться к его ногам или выскочить из мрака и зарослей. У него была такая особенность — от радости он внезапно переходил к тоске, и тогда грусть и страх овладевали им безраздельно. А профессор тем временем не сводил глаз с темневшей громады замка, словно пытаясь взглядом преодолеть толщу стен.

Внезапно в одном из продолговатых окошек угловой башни вспыхнул свет. Странное дело, этот один-единственный, слабый, сиротливый огонек на фоне грандиозного строения еще более усилил ощущение пустоты: юношу передернуло при мысли, что на полторы сотни комнат там

всего три человека — князь, секретарь и камердинер; три человека, которые бродят по пустым, темным, сырым покоям, среди ветшающих богатств...

— В этом окне всегда горит свет, — сказал профессор. — Это, должно быть, комната князя. Что ж, надо идти, мы и так опаздываем к ужину. Отсюда до усадьбы почти четыре километра. Теперь вы понимаете, юноша, — спотыкавшийся о камни Сколинский бурно жестикулировал, — зачем мне нужна ваша помощь. Наверняка есть какой-нибудь другой вход, не только через ворота; я знаю, что с западной стороны сте́ны сильно повреждены, а кое-где даже обрушились. Но вся трудность в том, что близко туда не подойти — увидят из окон. Я не хочу будить подозрений. Поэтому, юноша, вы должны мне помочь, за что, впрочем, получите награду. От вас требуется ночью подобраться к замку под прикрытием тумана и хорошенько разведать пути подхода. На следующую ночь мы отправимся туда вместе, и, если получится, я осторожно проинспектирую эту свалку рухляди. По крайней мере, буду знать, стоит ли предпринимать дальнейшие шаги.

— А если нас поймают?!

— Тьфу! — сказал старик. — Что, уже праздну-

ете труса?

Парень искоса взглянул на профессора, бодро семенившего рядом.

Он не воспринял предложение Сколинского всерьез. Нет, не стоит ему ввязываться в подобную авантюру — если его поймают, он навсегда себя скомпрометирует, и прощай тогда карьера теннисиста.

Поэтому если он и не отказал сразу, то лишь оттого, что испытывал к профессору симпатию; вдобавок все эти россказни раззадорили его дерзкое воображение. Черт возьми! Кабы не теннис…

«Надо сегодня же вечером поговорить с этой Майей, — решил он. — Узнать, что она думает о моей игре».

— Обсудим это позже, — сказал Вальчак профессору, когда они заканчивали оставленный для них в столовой ужин.

Часть гостей играла в бридж в маленькой гостиной. Оттуда доносился голос худой чиновницы, которая перемежала торговлю кислыми замечаниями о неуместности подобных развлечений, когда, возможно, в эту самую минуту кто-то безнадежно больной мучается в агонии… и так далее.

— Тогда зачем вы играете? — поинтересовался наконец выведенный из себя советник Шимчик.

— Ну уж извините! Что ж, я одна должна лишиться всех удовольствий? — возразила та и сварливо объявила малый шлем.

Майя стояла у окна с женихом, который что-то шепотом ей втолковывал, — похоже, они ссорились.

При виде нее нетерпение Вальчака возросло, он хотел поговорить с девушкой сейчас же, немедленно… Хотя, возможно, лучше было бы обождать до завтра — вдруг у нее еще не прошло то настроение, которое она демонстрировала ему утром?

Лицо Майи не сулило ничего хорошего, на нем читались высокомерие и презрение.

Но он должен с ней поговорить! Должен непременно и тотчас же узнать, каковы его шансы, как ему действовать!

Внезапно панна Охоловская оборвала Холявицкого на полуслове, отошла от него и, попрощавшись с гостями, покинула гостиную. Стремительно.

Вальчак догнал ее наверху, в маленькой прихожей, когда она открывала дверь в свою комнату.

— Минутку! — воскликнул он.

— Что такое? — спросила она негромко. — Чем я могу быть вам полезна?

Тон был злой, неприятный. Вальчак момен-

тально растерял всю свою уверенность.

— Послушайте, — запинаясь, проговорил он, — я бы хотел кое о чем попросить… Мне нужно сказать вам… У меня есть просьба…

— Это срочно? — спросила девушка, взглянув на часики. — Хотя ладно, говорите, — нетерпеливо добавила она. — Уже поздно.

— Я бы хотел поехать в Варшаву и показать свою игру! Вдруг кто-то заинтересуется. Вы там в правлении клуба всех знаете, может, дадите мне рекомендательное письмо или что-то в этом роде… Хозяйка говорила, что у меня талант.

Он чувствовал, что его слова звучат ужасно глупо.

Панна Майя, не отпуская ручку двери, внимательно смотрела на него.

— И что ж, если у вас талант?

— Как — что?.. — Он запнулся. — Тогда все было бы совсем по-другому.

— Разумеется, — сказала она. — Совсем по-другому.

— Разумеется…

— Сейчас вы жалкий тренер, а могли бы стать знаменитым игроком! Перед вами открылись бы все дороги. Мир… Слава… Деньги… Женщины… Путешествия… Удовольствия…

Она сказала это так жадно, так понимающе и так по-свойски, что Вальчак вдруг ощутил с ней какую-то связь. Они посмотрели друг другу в глаза.

Майя рассмеялась тихим и нервным смехом. Он тоже рассмеялся, смущенный и возбужденный одновременно.

Как же она понимает его желания!

И вдруг девушка побледнела, лицо ее стало злым.

— Почему вы смеетесь?!

Он остолбенел.

— Но вы тоже смеялись! — пробормотал он, не зная, что ответить.

— Мне можно, а вам… вам… Вы слишком много о себе возомнили. Еще чего! Талант! Вы играете чуть лучше среднего, так что выбросьте всю эту ерунду из головы! У меня сегодня просто не было желания играть!

И она, не оглядываясь, сбежала вниз.

Он замер как громом пораженный. Не поверил ни одному ее слову.

Но каким тоном она с ним разговаривала!

Если бы мог, он поколотил бы ее за эту злобу и презрение! Она обращалась с ним, как… как с холопом! Что бы такое ей сделать, что бы такое

сделать, чтобы запомнила… Да ничего он не может сделать!

И тут через приоткрытую дверь он увидел в комнате шкаф и вспомнил о том, что прочитал в письме, — что там лежат деньги, около полутора тысяч злотых.

Отлично!

«Раз она надо мной смеется, то я стащу у нее эти деньги. Играть не умею, а обокрасть смогу!»

Он огляделся. Из прихожей в гостевые комнаты вели застекленные двери — везде темно, значит никого нет. Все внизу.

И Мариан вошел в комнату панны Охоловской.

Ему доставило удовольствие вот так, без разрешения, переступить порог ее обиталища: это их словно бы уравнивало… Прежде всего он проверил, есть ли отсюда другой выход. Да. Вторая дверь вела в одну из гостевых комнат.

Если кто-нибудь появится, он сможет через ту комнату вернуться в прихожую.

Однако Мариан колебался.

За всю свою жизнь он гроша чужого не взял.

Но у нее — возьмет! Украдет!

Это единственное, чем он может отомстить!

И непременно отомстит!

Вальчак на цыпочках подкрался к массивному гардеробу, стоявшему у стены, и открыл его: в глубине на вешалках висели платья Майи, занимавшие примерно половину шкафа.

Деньги должны находиться в одном из двух нижних ящиков — но вот в каком? Оба оказались заперты.

Вдруг на лестнице послышались голоса. Вальчак бросился в соседнюю комнату, чтобы выбраться оттуда в прихожую, но его ждала катастрофа: вторая дверь была заперта на ключ с той стороны!

Он молнией кинулся обратно в комнату Майи и только и успел заскочить в шкаф. Спрятался среди платьев и плотно прикрыл дверцы.

Вошли Майя и Холявицкий. Вальчак слышал каждое их слово и даже мог видеть их сквозь щелку.

Они ссорились…

— Пожалуйста, оставь меня! — Майя, как всегда, говорила тихо, но голос выдавал ее бесконечное раздражение. — Я устала. Довольно.

— Я не уйду, пока ты не объяснишься!

— Мне нечего объяснять! Ты смешон.

— Знаю, что смешон, — прошипел он. — Это же нонсенс — устраивать сцены из-за этого плебея!

С ума сойти: я, ты и тренер, пан Вальчак! Потрясающее трио! Но это бросается в глаза! По-твоему, я не видел, как ты покраснела за столом? Да и на корте просто голову потеряла. Почему ты прервала игру? Думаешь, я не замечаю, как ты за ним наблюдаешь? А теперь ты говорила с ним наверху и вернулась вся взвинченная! Что это значит?

— Подумай, что ты говоришь. Ты оскорбляешь меня! И вообще, это некрасиво, что ты мне не доверяешь. А уж ревновать к… — Она запнулась. — Ты должен проявлять больше уважения.

— Я? К тебе? Уважения? Ты думаешь, я не знаю, почему ты со мной обручилась? Ты уже все просчитала — что есть резон несколько лет побыть женой Холявицкого, поскольку этот Холявицкий вот-вот может разбогатеть, а ты не мыслишь жизни в нищете. При этом я достаточно элегантен и довольно красив, с хорошей фамилией — вполне подходящий муж для красивой женщины, у которой… есть потребности… и которая хочет… блистать. Как же мне тебя уважать, зная, что ты выходишь за меня по расчету, ради состояния?

— А ты думаешь, мне неведомо, каким образом ты хочешь разбогатеть?

Он на мгновение растерялся.

— То есть ты все знаешь и все равно со мной

обручилась?!

В его голосе слышалась ярость.

— А ты знаешь, что я знаю, и все равно со мной обручился?

Оба помолчали.

— Я-то знаю, какая ты!

— Какая? Какая я?! Если ты меня не уважаешь, то зачем женишься?

— Сказать тебе, какая ты? Ты!.. Ты вроде бы изысканная, а на самом деле вульгарная, как девка! Вульгарная! Ты обижаешься, что я ревную к этому парню… Живя с тобой, можно ревновать к кому угодно. Ты сама знаешь, почему я ревную! Ты знаешь, что, если бы не была так на него похожа, мне бы и в голову не пришло…

— Я? Похожа? На него?

— Не ври, ты сама это понимаешь! Потому так на него и смотришь! Вы же будто из одного теста слеплены — все это заметили! У него твоя улыбка, твой взгляд, твои движения — это просто чудовищно! Какой-то… какой-то Вальчак! Все это видят! Да ты и сама все видишь, оттого и злишься!

— Уходи!

— Хорошо, я уйду!

Панна Майя осталась одна. Прислонилась спи-

ной к стене, смотря прямо перед собой…

На ее прелестном личике застыло какое-то не поддающееся разгадке выражение. Майя тяжело дышала.

Так вот оно что!

Значит, и он тоже обнаружил ее дикое, непостижимое, идиотское сходство с Вальчаком.

Это было невероятно! Еще в экипаже, когда они ехали со станции, она заметила в нем нечто настолько родственное, что это ее даже напугало… А потом на корте, когда они сражались с одинаковой яростью…

И ее ужаснуло, что для других людей это тоже очевидно. Она, Майя Охоловская, похожа на тренера до такой степени, что это бросается в глаза!

Она прекрасно знала каждую деталь своей внешности. Понимала, что это сходство не связано с подобием черт. У них были разные губы, глаза, волосы, разный цвет лица.

Нет, это подобие являлось более глубоким, типическим, заключавшимся в выражении лица, взгляде, смехе и еще в чем-то более неуловимом, сущностном.

Неизвестно, в чем тут дело, но она отдавала себе отчет, что все их сравнивают, что взгляды гостей пансионата постоянно переходят с нее на

него и с него на нее, выискивая причины этого сходства…

Ах, это было невыносимо. Майя не была особо впечатлительной, она бы легко стерпела факт случайного внешнего сходства… Но такое родство с парнем, который ее совершенно не интересует, который для нее никто, родство с тренером — просто смешно!

Это ее компрометировало! Ставило в дурацкое положение, вынуждало по-дурацки краснеть, против ее воли делало зависимой от него!

Это же абсурд — чтобы такая оптическая иллюзия могла настолько подчинить себе сознание окружающих и ее собственное!

Майя подошла к зеркалу. Снова кровь прилила к ее щекам. Больше всего ее мучило то, что она настолько этого стыдится! Она, которая никогда не краснела, теперь выдавала себя румянцем.

— Интересно, не будь этого сходства, посмел бы он сказать, что я вульгарна?! — прошептала она.

Холявицкий нанес удар по больному месту. Она знала, что ее тип красоты очень изыскан, что у нее изящные руки и ноги, она обожала свою элегантность, и, возможно, именно это заставляло ее стремиться к браку с Холявицким — только он один сумеет одеть ее должным образом.

Она просто налюбоваться не могла гармонией и изяществом своих движений. И все это оказалось схожим — с кем?!

Этот Вальчак выставлял ее на посмешище! Компрометировал! Делал ее красоту забавной и пошлой! Она с ужасом глядела на себя в зеркало.

И вдруг нахмурилась. На лестнице послышались шаги жениха. Он возвращался!

Майя бросилась к двери, чтобы запереть ее на ключ. Она категорически не хочет его видеть, он ей отвратителен!

Но, вспомнив, что ключа в замке нет, Майя резко отступила.

И повела себя абсолютно так же, как Вальчак полчаса назад. Лихорадочно огляделась в поисках укрытия, бросилась к двери в соседнюю комнату, но в последний момент отпрянула, рывком открыла шкаф и, прежде чем юноша успел что-либо предпринять, встала рядом с ним. Дверца захлопнулась.

В этот момент Холявицкий, несколько раз постучав и не дождавшись ответа, вошел в комнату.

— Майя! — окликнул он.

В ответ — тишина.

Уверенный, что Майя вышла ненадолго и ско-

ро вернется, Холявицкий уселся на стул и стал нетерпеливо барабанить пальцами по столу. Ему непременно нужно поговорить с ней перед возвращением в замок, нужно помириться с этой девушкой, которая нравилась ему тем сильнее, чем больше доставляла хлопот!

Он решил подождать.

…Майя не сразу осознала этот невероятный, неправдоподобный факт: она в шкафу не одна. Здесь было совершенно темно. Она стояла так близко к Вальчаку, что тыльная сторона ее ладони касалась его руки. Девушка невольно шевельнулась и нащупала чьи-то пальцы.

Кто это?!

Она отпрянула, вся сжалась. Может, она сошла с ума? Оба замерли, затаили дыхание.

Вальчак был уверен, что Майя сейчас закричит, Холявицкий бросится к шкафу — и разразится оглушительный скандал.

Но панна Охоловская так боялась попасть в смешное положение, что эта боязнь ее остановила. Теперь она больше всего опасалась того, что неведомый сосед взвизгнет и выскочит из шкафа, испугавшись ее. Кто бы это мог быть?

Вор?

А может, тут все же никого нет? Может, ей

показалось?

Она ужасно боялась снова его коснуться. Однако чувствовала чужое тепло и почти слышала учащенное сердцебиение, совсем рядом. Впрочем, ее собственное сердце стучало так сильно, что, казалось, еще немного — и шкаф взорвется. Майя снова начала лихорадочно прикидывать, кто бы это мог быть. В темноте ничего нельзя было разглядеть.

Она вспомнила про деньги в ящике. Так вот оно что! Вор!

Холявицкий взял со столика какую-то газету и принялся ее листать. Потом, видя, что Майя задерживается, несколько раз взглянул на часы и решил оставить ей записку. Достал из кармана перо и начал нервно писать, сильно затягиваясь сигаретой.

Дорогая Майя!

Я не принимаю всерьез твои последние слова. Отношу их на счет раздражения, вызванного моими замечаниями. Признаю, впрочем, что и я вспылил. Возможно, мои подозрения были несправедливы и обидны. Если так, то прошу прощения. В последнее время я очень нерв-

ничаю.

Ты, похоже, совершенно не понимаешь, в каком трудном положении я сейчас нахожусь, – продолжал он. – *Если бы ты проявила ко мне больше внимания, то не раздражала бы такими нелепыми сценами.* («Правда, это я ей устроил сцену, – мелькнуло у него в голове. – Ну да какая разница».) *Ради своего же собственного блага ты должна понять, что сейчас, когда ситуация – ты знаешь, о чем я, – приближается к развязке и требует напряжения всех моих сил, я не вправе отвлекаться на размолвки с тобой, так как это может отразиться на деле! Наверное, с моей стороны ошибка – придавать излишнее значение твоим капризам, но раз уж есть у меня такая слабость, ты должна отнестись к ней с уважением! Поверь, я тружусь также и ради твоего будущего.*

Разумеется, я ни на секунду не верю, что ты можешь меня бросить. Ты слишком во мне заинтересована, и мы слишком подходим друг другу. Ты относишься ко мне глубоко эгоистично, но ты нужна

мне, а я нужен тебе – и я даже рад, что наши отношения основаны на взаимной выгоде, а не на сантиментах. Это прочная основа. Впрочем, речь сейчас о другом. Хотя я знаю, что ты сожалеешь о своем поступке, но все-таки подозреваю, что буду вынужден чересчур много думать о нем завтра и в последующие дни.

Тебе известно, что я пока не могу надолго отлучаться из замка. Князь становится все более несносен по мере того, как слабеет, а эта поездка в Варшаву его совершенно измучила. Мне приходится постоянно дежурить при нем. В ближайшее время я не смогу приехать в Полыку. Поэтому я не хочу – и имею на это право! – не хочу нервничать из-за нашей с тобой размолвки. У меня и так хватает забот. Вот почему я прошу тебя непременно (это слово он подчеркнул) *прийти завтра ко мне в замок. Разумеется, не через главные ворота, а через подземный ход. Я буду ждать тебя ровно в 9. Это, конечно, не слишком приятно…*

Он остановился было, подумав, что нехоро-

шо подвергать девушку опасности, заставляя ее пробираться по темному коридору. Однако иначе-то нельзя! И Холявицкий вновь склонился над бумагой.

Тем временем Майя, стоявшая как изваяние в темном шкафу, все больше проникалась уверенностью, что рядом с ней — Вальчак.

Они находились так близко друг к другу, что она была вынуждена изо всех сил напрягать мышцы, сжиматься и съеживаться, чтобы не соприкоснуться с чужим, незнакомым телом.

Ум ее в эти минуты работал безостановочно, лихорадочно: он или не он, Лещук[1] или не Лещук… Если он… тогда что? Что? Ведь это ужасно! Так что же делать?..

Тем временем Холявицкий писал:

> *Это не слишком приятная прогулка, но зато тебя никто не увидит ни с той, ни с другой стороны и мы избежим сплетен.*

---

[1] Сноски: 1

Поскольку выяснилось, что в реальной жизни существует тренер по теннису по фамилии Вальчак, мы по договоренности с автором будем отныне именовать героя романа Лещуком. Поистине удивительное совпадение!

Прошу тебя, непременно приходи – я рискнул написать тебе, и если ты не придешь, я буду думать, что ты всерьез обиделась и порвала со мной, а в этом случае могу еще больше разозлиться. Но если все же ты решишь не приходить, то напиши мне – хотя это также нехорошо, поскольку князь сразу начнет расспрашивать и беспокоиться. Сама видишь, какие муки я вынужден терпеть с этим человеком, так что не удивляйся, если нервы мои иногда не выдерживают. Жду!..

г.

Холявицкий встал и потянулся за конвертом. А Майя прижалась к Лещуку, хоть и не была уверена, что это он, — слегка, но совершенно осознанно. Чтобы прижаться, потребовалось совсем немного — достаточно оказалось лишь слегка расслабить мышцы. Но какое счастье она ощутила, когда шершавая ладонь сжала в темноте ее руку.

Майя в ответ сделала то же самое — с безумной, тайной радостью.

Холявицкий запечатал письмо, написал на конверте имя адресата и снова сел, барабаня

пальцами по столу. Где же она? Ждать еще? Он посидел минут пять, затем вышел.

Когда его шаги затихли, Майя выскочила из шкафа и, не оглядываясь, выбежала из комнаты. Лещук тоже поспешно удалился и заперся у себя на чердаке.

Глава III

Спускаясь на следующее утро к завтраку, юноша не знал, что его ждет. Велят немедленно убираться из дома? Или придумают что-то похуже? Он был готов ко всему.

Однако его опасения не оправдались. Пани Охоловская дружески кивнула ему, а после завтрака появилась и Майя — с ракетками.

— Играем! — сказала она.

— Голубушка, сколько же азарта у вашей дочки! — восторженно воскликнула толстая докторша, обращаясь к пани Охоловской. — Ах, молодость, молодость!

— Не всем дано быть молодыми, — сухо отвечала тощая чиновница.

Публика уселась на скамейку, собираясь понаблюдать за игрой. Лещук с Майей обменялись несколькими ударами, после чего девушка предложила играть сет, — но даже советник Шимчик вскоре понял, что смотреть тут не на что, а велеречивая докторша заметила:

— Как странно они сегодня играют! Просто ужасно, голубушка! И дочка ваша что-то неважно

выглядит. Не захворала ли?

— Они оба плохо выглядят, — неожиданно сказала чиновница.

Пани Охоловская поднялась, и все медленно двинулись по парковой аллее. Лещук и Майя продолжали играть.

Он принимал удары все хуже и все нетерпеливее. В голове лихорадочно бились мысли. «Холявицкий еще в усадьбе? Нет, видимо, уехал в замок. А почему я хотел украсть деньги? Почему я хотел украсть? Что со мной приключилось? Почему я хотел украсть? Что на меня нашло? Ведь все равно все сразу догадались бы, что это я!»

Но над всем этим царила одна великолепная очевидность — *она никому ничего не сказала*! Все сохранила в тайне! Более того, сама предложила ему играть сет, как будто ничего не произошло!

Лещук заметил ее усталость, бледность после бессонной ночи, рассеянность в игре — и мечтал о минуте, когда окажется с Майей наедине. Его нетерпение росло с каждым мгновением, и он пропустил несколько самых что ни на есть легких мячей.

У Майи же мяч шесть раз ушел в аут или попал в сетку. Наконец девушка покинула корт.

Лещук догнал ее в тот самый момент, когда

деревья закрыли их и от мальчиков, которые собирали мячи, и от дома.

— Постойте! — крикнул он.

Майя обернулась.

— Мы… мы будем играть после обеда?

— Нет.

— У вас другие дела? — задал он совершенно идиотский вопрос. Лещук не знал, как с ней разговаривать, как вернуться к тому, что произошло вчера в шкафу.

Майя взглянула на него удивленно:

— Нет.

Ее равнодушие было настолько естественным, что Лещук почти усомнился — не приснилось ли ему вчерашнее. Он схватил ее за руку, но Майя воскликнула:

— Вы что, с ума сошли?! — И изо всех сил ударила его ракеткой.

К счастью, он успел отпрянуть и удар пришелся по левому плечу. Панна Охоловская ушла.

Что это было? Значит, она считает, что между ними ничего… Так вот как она это восприняла!

Парень потер ушибленное плечо и углубился в парк.

Никогда в жизни он не был более несчастлив. Все смешанные чувства, которые он испытывал

к ней ночью, превратились в ненависть и ярость. Он подошел к дереву и начал ломать ветки, одну за другой…

Тем временем Майя в своей комнате положила ракетки на кровать, села и устремила пустой взгляд на стену.

— Наглец, — прошептала она. — Что он себе позволяет, этот… вор?

Вор!

У нее не было сомнений — Лещук хотел украсть деньги из шкафа. Совершить обычную кражу и скрыться с добычей. Да-да, он — заурядный воришка!

Майю изумляло, что внезапное открытие истинной натуры Лещука — плебейство, пошлость, грубость его поступка — могли так потрясти ее. Он стал ей настолько отвратителен, что пришлось пересилить себя, чтобы находиться с ним на корте.

Все в девушке содрогалось при мысли о нем. Возможно, именно это злополучное сходство между ними и делало его жалкую, пошлую бесчестность столь личной — Майя ощущала ее буквально кожей!

Когда они только познакомились, он не показался ей ни нечестным, ни вульгарным, ни

расчетливым. Она думала, что тренер — парень хоть и простой, но порядочный. А теперь…

— Что он вообразил? Что?! Что я?..

Нечто подобное должно было случиться; минута слабости, которой она вчера, сама не зная как и почему, поддалась, должна была вскружить ему голову, распалить его, разнуздать и сделать фамильярным… В этом Майя была уверена.

Уверена потому… ну, потому что на его месте она и сама дала бы себе волю. Но девушка не допускала мысли, что он осмелится так нагло…

«Что ж, получил по заслугам, — с удовольствием подумала она. — Теперь будет знать».

Самое ужасное было то, что сегодня они *оба* имели бледный, невыспавшийся вид — и снова оказались удивительно схожи, теперь уже по причине одних и тех же переживаний.

Заметили ли постояльцы эту объединявшую их бледность? Связали ли одну усталость с другой?

«Надо сказать, чтобы он уехал, — думала она. — Надо дать маме понять, что он держался со мной неподобающе, а уж мама найдет способ быстро от него избавиться — тактично и учтиво. Да, одно мое слово — и уже сегодня его здесь не будет. Так и следует поступить! Мама не станет меня расспрашивать».

Но она знала, что ничего не скажет. Нет!

Майя не могла взять в толк, как могла вчера настолько забыться.

При воспоминании об этих мгновениях девушку охватывала такая злость на себя, что она начинала до крови кусать губы и сжимать кулаки… И где?! В шкафу! В шкафу с этим Лещуком! Нет, это был верх нелепости!

Да к тому же все длилось так долго… не меньше десяти минут! До самого ухода Холявицкого… Целых десять минут! Это даже хуже, чем если бы она с ним целовалась… Потому что поцелуй — это был бы каприз, обыкновенная скандальная выходка… а они стояли, держась за руки, в упоении, в забытьи… Это было всерьез… совсем как любовь…

Любовь с Лещуком!

И в довершение всего он слышал сцену, которую устроил ей жених! Узнал об их сходстве, если уже раньше и сам этого не заметил.

Значит, он должен остаться еще на несколько дней! Остаться, чтобы она смогла отплатить ему за все, что натворила! Показать ему, всем и самой себе, что он для нее пустое место!

— Он за это ответит!

Майя умылась холодной водой и спустилась

вниз, уже равнодушная и ожесточенная. Когда она остановилась у окна в столовой, кто-то осторожно тронул ее за плечо. Девушка обернулась и встретила встревоженный, смущенный взгляд матери.

— Майя, — сказала пани Охоловская, опуская глаза, — мне кажется, от этого тренера мало пользы, а я бы в его комнате Марысю поселила.

Она возразила:

— Я бы предпочла, чтобы он остался еще на пару дней.

Пани Охоловская вздохнула. Этот постоянный, беспрерывный страх за дочь, такую красивую и такую непростую… Порой ей даже хотелось, чтобы та вышла замуж за Холявицкого, до такой степени пугали ее самостоятельность, скрытность и упрямство девушки.

Но мать не осмелилась расспрашивать и вернулась к хозяйственным делам, которые занимали почти все ее время. Издалека она видела, как Майя медленно и внимательно читает какой-то документ. Ах, и откуда только взялась эта пропасть между ними: ни поговорить, ни помочь, ни посоветовать…

А Майя в третий раз перечитывала письмо Холявицкого. Идти или не идти? Прежде она бы

лишь пожала плечами… Но на сей раз что-то заставляло ее считаться с просьбой жениха.

Она хотела поладить с ним, восстановить отношения, обрести в нем опору. Холявицкий все же такой утонченный, это человек из ее мира — Майя остро ощутила потребность примириться с этим благопристойно выглядящим мужчиной своего круга.

К тому же ее распирало желание действовать. Ей требовалось что-то делать, такова уж была ее натура. Разволновавшись или испугавшись, девушка непременно должна была претворить энергию в конкретные действия. Поэтому она решила пойти; после ужина, когда уже стемнело, выскользнула из дома, накинув габардиновый плащ и положив в карман электрический фонарик.

Собак ей нечего было бояться, они ее знали, так что она могла вернуться даже глубокой ночью, не привлекая внимания: служанка Марыся, с которой Майя приятельствовала, обещала впустить ее через окно, когда та постучит.

Майя углубилась в лес; вокруг стояли ночные, совершенно черные сосны. Насвистывая, девушка быстро и взволнованно шагала вперед, окруженная тайнами темного леса. Она вдруг

пришла в прекрасное расположение духа. Ночь и лес возбуждали ее, радовали и одновременно успокаивали, притупляя муки уязвленного самолюбия.

Но когда Майя оказалась на краю заболоченной равнины, окружавшей замок, по спине у нее пробежала легкая дрожь. Девушку поразила безысходность пейзажа.

Белесые клубы тумана стелились над разливом, над поросшими камышом топями, над островками кустарников. Не было конца этому смешению стихий — земли, воды и тумана, — в котором взгляд тонул и терялся, не умея найти опоры.

Туман поднимался почти к подножию стен, как всегда одиноких и горделивых. Слышавшийся в отдалении собачий лай звучал тоскливо, словно голос самого страдания.

Майя не боялась ничего, что можно встретить в жизни, но она боялась смерти. А этот замок, почти пустой и необитаемый, возвышавшийся среди вод, туманов и болот, был для нее как сама смерть; он казался существом угасающим, обреченным на гибель, обезумевшим от собственного величия, рушащимся под бременем веков, и воплощал собой дотлевавшую старость.

Майя не без тревоги вгляделась в одинокий

огонек в окне угловой башни. И все же двинулась вперед.

Теперь девушка шла по гати, и ее окутывала совершенно особая туманная влажность. Здесь требовалась осторожность. Легко было сбиться с дороги и найти свою смерть в тех коварных местах, где твердая почва незаметно переходила в трясину.

Лишь спустя три четверти часа нелегкого пути Майя подошла наконец к замковой горе. В сущности, горой ее можно было назвать лишь по сравнению с абсолютно плоским пространством, над которым она возвышалась. Холм высотой метров пятьдесят, не более. Но хоть исчезли лужицы, в которых вязли ноги.

Вблизи замок, проглядывавший сквозь туман, казался еще более зловещим — что-то непостижимое таилось в этом фантастическом средневековом строении с его эркерами, зубцами, бойницами и крытыми дранкой башнями. Кое-где в стене виднелись застекленные оконца, как в обычных домах, и выбивающиеся из общего стиля уродливые детали лишь подчеркивали дряхлость замшелой громады.

Теперь Майя двигалась еще осторожнее. Чем выше она поднималась, тем реже становился

туман, и при лунном свете ее силуэт можно было легко заметить.

К счастью, вскоре она подошла к зарослям, где находился вход в подземный коридор, другой конец которого соединялся с подземельями замка.

Когда-то Холявицкий показал ей это место — скорее в шутку, чем с серьезными намерениями. Первоначально выход находился гораздо дальше, в лесу, — но та часть коридора была уже давным-давно заброшена. Кто-то из более поздних владельцев замка вывел подземный ход во внешний мир именно здесь, в этом идеально замаскированном кустами и почти недоступном месте.

«Зачем? — подумала Майя. — Может, его навещали женщины?»

Она продиралась через заросли до тех пор, пока не нащупала ногой узкие ступени. Зажгла фонарик — и оказалась в темном, сочащемся влагой подземелье. Девушка ускорила шаг, пугая крыс. Снова ступеньки, теперь уже ведущие вверх, — и вот наконец сводчатые подземелья замка. К ней тут же подбежал Холявицкий.

— Спасибо, — прошептал он.

Майя остановилась, чтобы перевести дух, — дорога все же стоила ей нервов. Затем Холявицкий

повел невесту наверх по винтовой лестнице.

Они миновали несколько комнат на первом этаже — совершенно обветшавших, с голыми стенами, а потом снова поднялись по лестнице, настолько узкой, что вдвоем и не уместиться.

Еще один зал, огромный, пустой и холодный — и они очутились в небольшой комнате, освещенной керосиновой лампой. В камине догорал огонь. Два шкафа, столик, несколько стульев, кровать в углу — вот и вся спартанская обстановка. Но, во всяком случае, эта комната была обитаемой — и Майя с облегчением остановилась посреди нее.

— Пьешь? — спросила она, увидав на столе несколько бутылок.

Холявицкий подошел к двери и приоткрыл ее.

— Тише, — сказал он вполголоса. — Ты понимаешь, где мы находимся? Эта комната расположена примерно в середине южного крыла. Шесть больших залов отделяют ее от комнаты князя в так называемой Доротке, то бишь юго-западной башне. Я нарочно оставляю дверь приоткрытой — никогда не знаешь, не выйдет ли он. Тогда тебе придется спуститься вниз. Гжегож, камердинер, живет совсем в другой стороне.

— У тебя на зависть крепкие нервы, — сказала

девушка, прислушиваясь к жуткой тишине.

— Ну вот, а ты удивляешься, что я пью! — воскликнул он. — Не пил, так лишился бы рассудка, подобно старику! Ты себе не представляешь, что такое находиться днем и ночью в этом проклятом месте и зависеть от прихотей безумца. К счастью, осталось уже недолго!

Последние слова Холявицкий произнес с такой радостью, что Майя отвернулась от огня в камине и взглянула на него.

— Неужели все так плохо? — спросила она.

— Да, — ответил Холявицкий. — Состояние его нервов явно ухудшается, а это свидетельствует о том, что организм слабеет. Вчера ночью, когда я вернулся из Полыки, князь устроил мне жуткий скандал: плакал, стонал, что я его бросаю… Теперь мне нельзя отлучиться из замка даже на час — приходится безвылазно сидеть здесь. Но это ненадолго — и уж тогда мы свое возьмем!

Он притянул девушку к себе.

— Я знал, что ты придешь! Ни на мгновение не допускал, что ты могла всерьез поссориться со мной! Ты привязана ко мне! Наверняка привязана, потому что мы друг друга понимаем, — мы оба трезвомыслящие, хитрые и смелые. Мы — пара! Если мы за что-то беремся, у нас непременно по-

лучается! Я именно тот, кто тебе нужен! Не стоит обращать внимание на мелочи.

Майя осторожно высвободилась из его объятий.

— Не ждет ли тебя разочарование? — спросила она. — Я имею в виду князя. Ведь он не в своем уме.

— Завещание составлено. Никаких наследников или родственников. И речи быть не может, чтобы он что-то изменил.

Тут Холявицкий прислушался.

— Мне показалось, что он зовет. Ты даже не представляешь, каким невыносимым князь сделался после поездки в Варшаву. Это его просто подкосило — постарел сразу лет на десять. Да, завещание составлено, и формально ни у кого не может быть оснований его оспорить. Впрочем, кому охота ввязываться в судебные тяжбы — долгов полно, и только я один знаю, что с этого еще можно кое-что поиметь. Остальные думают, будто князь совершенно разорен. Ну что, ты не сердишься?

Холявицкий взял ее за руку, но Майя резко отстранилась.

— Что такое опять? — спросил он, нахмурившись.

— Ничего.

— Ты меня не любишь?

— Нет.

— Тогда зачем ты здесь?

— По делу!

Холявицкий рассмеялся. Ему это нравилось. Нравились жесткость Майи и ее безапелляционность — это его будоражило. Холявицкий ни на мгновение не сомневался в ее любви — он был слишком уверен в своих достоинствах. Но ему импонировало, что она никогда не «млеет» и не поддается сантиментам.

А Майя, знавшая его безграничную самонадеянность, с большим удовольствием нередко говорила ему пренеприятнейшие вещи. Впрочем, она безусловно предпочитала холод, трезвомыслие и откровенность с женихом тому ужасному, позорному «млению» в шкафу!

Он снова взял ее за руку, и на сей раз Майя не стала вырываться. Но воспоминание о Лещуке вдруг овладело ею с такой силой, что она побледнела, прикрыла глаза и другой рукой судорожно ухватилась за стол.

— Ты любишь! — шепнул Холявицкий, притягивая ее к себе. — Любишь!

— Оставь меня! — вскрикнула она.

В этот момент до них долетел слабый зов:

— Генрик! Генрик, голубчик!

Дребезжащий старческий голос, доносившийся откуда-то из глубины пустого замка, напугал ее.

— Это князь! — прошипел Холявицкий. — Мне нужно идти. Жди здесь!

Он поспешно вышел. Майя осталась одна. Она села и некоторое время смотрела на догоравшее в камине пламя, от которого на лицо ее ложились розовые отсветы.

Лишь когда Холявицкий ушел, девушка поняла, что он прав: долгое пребывание в замке не может не сказаться самым пагубным образом даже на уравновешенном человеке. Ни ночной лес, ни подземный ход не пугали ее так, как это бесчисленное множество нежилых комнат.

Слух, напряженный до предела, улавливал каждый шорох, доносившийся из самых отдаленных уголков здания, которое жило своей собственной жизнью… Что-то осыпалось… что-то поскрипывало… огромная крыса показалась в полуоткрытых дверях и тут же исчезла.

«Ах! — подумала Майя. — Зачем я здесь?!»

Теперь она уже боялась не только замка, но и жениха. До сих пор девушка не особенно задумывалась о целях его пребывания здесь. Она

знала, что Холявицкий — секретарь князя и единственный человек, кроме камердинера Гжегожа, которого старый чудак терпит. Знала, что Холявицкий надеется получить в наследство несколько сот фольварков — остатки мыслочских владений, которые были разорены вовсе не так сильно, как считалось. Это еще ладно. О своем женихе Майя думала как о человеке жестком и беспощадном, но в целом порядочном.

Он может изображать преданность князю, чтобы завладеть его состоянием, но вряд ли способен на что-то такое… На поступки, которые подсказывала мрачная и демоническая атмосфера замка.

В самом деле, стоит здесь задержаться, как на ум сами собой начинают приходить мысли о преступлениях и жестоких злодеяниях. Чтобы просто не рехнуться в этих стенах, требуются невероятная стойкость и одновременно невероятная страсть.

Майя осознала, что недооценивала внутреннюю силу Холявицкого.

Ее пробрала дрожь. Через приоткрытую дверь она заглянула в соседнюю комнату: там царила темнота, лишь в окна сочился слабый свет. В углах шуршали крысы, и веяло запустением. Майя прислушалась к замку, к целой гамме та-

инственных шепотов и шорохов. Летучие мыши кружили за окнами.

«Стены… — подумала девушка. — Они, должно быть, толщиной метра полтора».

Вдруг вдали блеснул свет. Майя поспешно отпрянула.

Это возвращался от князя Холявицкий — спустя мгновение он вошел в комнату, держа в руке фонарь.

— Ну что? — спросила она.

— Ничего! Он дремлет почти круглые сутки. Просыпается каждые несколько часов и тогда зовет меня, чтобы убедиться, что я его не бросил.

— Значит, ты должен ходить к нему и по ночам?

— Конечно! Но уже недолго осталось! — Он наполнил свой бокал. — Может, ты тоже хочешь?

— Давай, — сказала она.

Он взял бутылку, но вдруг замер с бокалом в руке. Побледнел.

— Что с тобой…

— Ш-ш-ш… В замке кто-то есть.

— Где?

— Тише. У меня хороший слух. Здесь точно кто-то есть — чужой.

Рука его задрожала так, что вино выплеснулось

из бокала. Майя напрягла слух, но ничего особенного не услышала.

— Тебе кажется, — прошептала она, но Холявицкий бросил на нее безумный взгляд.

— Точно… точно кто-то есть…

Внезапно они оба вздрогнули. В тишине пугающе отчетливо прозвучал крик князя — пять или шесть восклицаний, исполненных безумия, пронзительных, визгливых:

— Франек! Франек! Франек! Франек! Франек!

— Что это?! — вскрикнул Холявицкий. Он схватил браунинг и фонарь.

Майя побежала за ним — она ни за что больше не останется здесь одна! Они стремительно пересекли пустые залы. Холявицкий добежал до комнаты князя и скрылся за дверью.

Она услышала его успокаивающие интонации и протяжный, хриплый, беспомощный старческий плач, который быстро перешел в кашель. Майя спряталась в оконную нишу, чтобы никто не смог подойти к ней сзади. И снова услышала стон:

— Франек! Франек!

Холявицкий вышел из комнаты, сделал ей знак ждать и побежал вглубь замка. Спустя некоторое время он вернулся, и на лице его было написано

сильное беспокойство.

— Здесь кто-то был. Князь кого-то видел! Потому и закричал. Этот *кто-то*, должно быть, вошел в его спальню, разбудил, а когда старик начал кричать, убежал. Это наверняка молодой парень. У князя такая мания — ему вечно мерещится какой-то Франек! Он терпеть не может молодых парней, потому что они напоминают ему этого Франека. Впрочем, вот доказательство того, что кто-то приходил. Смотри, я нашел перочинный нож.

Он положил на стол маленький складной нож с несколькими лезвиями.

Майя сразу его узнала. Этим самым ножиком Лещук чистил вчера после обеда яблоко.

— Ага!

Она моментально отвела взгляд и только тогда поняла, что сделала это нарочно, чтобы не сказать Холявицкому, чей это нож. Нет, это уж слишком!

— Я знаю, чье это, — назло себе в бешенстве сказала она. — Это ножик Лещука.

Холявицкий вздрогнул всем телом.

— Что ты говоришь?! Ты уверена, что это его?

— По крайней мере, у него точно такой же.

— В таком случае все еще хуже, чем я думал.

Майя усмехнулась.

— Ты не преувеличиваешь? — спросила она насмешливо.

Она была готова к новой сцене ревности и даже желала ее спровоцировать — но, к ее великому удивлению, Холявицкий лишь пробормотал:

— Ты ничего не понимаешь. Идем со мной.

Он снова повел ее через те покои, где они недавно побывали, однако, не доходя до комнаты князя, свернул направо в боковую галерею. Она была длинной и с высокими сводами — в слабом свете фонаря Майя разглядела наверху остатки потускневшей росписи. Спотыкаясь о выбоины в каменном полу, они прошли по еще одной небольшой открытой галерее, затем свернули налево — и Холявицкий отпер тяжелую дубовую дверь.

На Майю дохнуло затхлостью. Холявицкий включил фонарь.

— Смотри! — сказал он.

Большой зал, своды которого опирались на центральную колонну, казался тесным, настолько его убранство контрастировало с тем запустением, что Майя видела в замке прежде. Вдоль свода тянулся широкий фриз, кое-где стершийся, с изображением батальных сцен. Стены были увешаны

гобеленами, а на полу лежали два больших персидских ковра, посеревших от пыли. Вдоль стен стояли тяжелые ренессансные шкафы и резные сундуки, покрытые таким слоем пыли, словно их сотню лет не касалась человеческая рука. Несколько небольших полотен старых мастеров дополняли картину, которая, впрочем, совершенно не производила впечатления роскоши, — от нее, скорее, веяло тоской барахолки.

— И что? — спросила Майя, глядя на резные гербы над камином.

— А то, — ответил он, — что если я мучаюсь здесь уже два года, так только ради этой вот чертовой рухляди! Я раньше не говорил тебе о ней, потому что было незачем. Мыслочские владения действительно разорены, и из них уже ничего не вытянет даже сам дьявол. Но это — или я очень ошибаюсь — стоит миллионы. Говорю тебе — миллионы!

— Вот это вот — миллионы? — Майя скривила губы. — Ты уверен?

— Вот именно, что не уверен! — взорвался Холявицкий. — Я ничего в этом не смыслю, а нужно быть настоящим знатоком, чтобы хоть приблизительно оценить стоимость вон той, к примеру, картинки. Мебель — точно антиква-

риат, она находилась здесь лет двести. Но стоит это несколько десятков тысяч или несколько миллионов — этого я сказать не могу.

— Несколько миллионов?!

— Да! По крайней мере — по некоторым признакам — можно это предположить. Слухами, знаешь ли, земля полнится. Однажды Гжегож — камердинер, который помнит еще отца нынешнего князя, — сказал мне нечто в этом роде. Что, мол, старый князь, еще до того, как сойти с ума, хотел вывезти за границу несколько картин, чтобы покрыть долги по закладным. Я нашел упоминание об этом в его письмах — довольно туманное, но все же. И старичок мой к этим вещам относится странно — словно бы с неким лукавством, будто скрывает от меня их ценность. Эдакая причуда безумца. Говорю тебе, у меня есть серьезные основания полагать, что все мыслочские фольварки вместе взятые не стоят и одного этого зала. А таких залов здесь восемь.

— Почему бы тебе не пригласить какого-нибудь сведущего человека? — спросила ошеломленная девушка.

— Я же не дурак! Стану я приглашать торговца, чтобы он всем разболтал! Да назавтра уже вся польская пресса будет трубить, что в мыслочском

замке найдены сокровища. Набросятся кредиторы, дальняя родня, словом, все те, кто сейчас меня не трогает. Ну нет! Я веду слишком тонкую игру, чтобы позволить себе такой скандал. Я уже не раз подумывал о том, чтобы отвезти какую-нибудь из этих картин в Варшаву — оценить. Но если случайно мне попадется что-то слишком хорошее, работа какого-то знаменитого мастера, — опять-таки выйдет сенсация, а я не знаю никого, кому мог бы полностью довериться. Сам же я в этих полотнах совершенно не разбираюсь. Нет, нельзя полагаться на милость или немилость торговцев и специалистов: я слишком хорошо знаю, что они ни с чем не посчитаются, если почуют этакий ценный товар! Лучше соблюдать осторожность. Я займусь оценкой всего этого лишь тогда, когда стану здесь полноправным хозяином!

Голос Холявицкого дрожал. Майя поняла, в какой узде ему приходилось себя держать, столько лет находясь среди этих предметов и опасаясь разрешить обуревавшие его сомнения. Кончиками пальцев секретарь князя коснулся одного из полотен.

— Нет-нет, это наверняка что-то ценное, — прошептал он. — Наверняка! Сколько? Как ты думаешь? Может, как раз эта картинка — двести

или триста тысяч? А этот ковер?

Майя подумала, что, если вдруг выяснится, что все это копии, которые ничего не стоят, Холявицкий точно сойдет с ума. Она ужаснулась его бледности.

Жених все больше пугал ее. Насколько же иначе Холявицкий держался в Полыке, чем здесь, в замке! Девушку встревожили его слова. Вся эта история, оказывается, выглядит совсем не так, как она думала прежде. Дело не в фольварках, а в мебели.

— Почему ты никогда мне об этом не говорил? — спросила она.

— Я не хотел тебя посвящать. Чем меньше людей знает, тем лучше! И если говорю сейчас, то потому, что положиться могу лишь на тебя, один-то я, чувствую, не справлюсь!.. Теперь ты понимаешь, что для меня значит ночной визит этого парня?! — вырвалось вдруг у Холявицкого. — Да еще этот профессор у вас в доме засел!

— Профессор?!

— Именно! Ведь он человек знающий, историк искусства. Думаешь, он просто так сюда приехал — воздухом подышать? Нет, вероятно, что-то учуял. Он уже обращался ко мне, хотел осмотреть замок.

Холявицкий плотно прикрыл дверь. Девушка взглянула в окно и замерла: замковый двор, оплетенный паутиной полуразрушенных галерей и освещенный луной, казался призрачным. Майя уже и сама начинала верить в сокровища.

Но тут Холявицкий резко дернул ее за руку.

— Пошли! — прошипел он.

Они вернулись в его комнату.

— Ты должна мне помочь! Помни, это не только меня касается! Это наше общее будущее!

— О чем ты?

— Ты должна выяснить, догадывается ли о чем-нибудь Сколинский. Точно ли здесь побывал Лещук? Если да, то что у него за намерения, и главное — не действовал ли он по наущению профессора. Это самое главное! Делай что хочешь, но выясни! Тебе этот парень наверняка все расскажет!

— С чего это он станет мне рассказывать?

— Тебе будет легче договориться с ним, чем мне, — буркнул Холявицкий, и взгляд, который он на нее бросил, выдал истинный смысл его слов. Ах да, они же похожи!

Майя насмешливо поинтересовалась:

— Ты больше не ревнуешь?

— Что за глупости! — вскинулся он. — Не драз-

ни меня! Я не в том настроении. Никто, кроме тебя, не сумеет это сделать. Ты должна вытянуть из него все, что можно…

— Не хочу!

— Что?! Что?! Не хочешь? Почему? Даже такую мелочь не хочешь для меня сделать?! Все приходится самому. Почему ты не хочешь?!

— Не хочу — и все!

Майя отвернулась, чтобы он не увидел ее лица. Мысль о том, что ей придется сблизиться с Лещуком, чтобы что-то выведать, была ей в высшей степени отвратительна. Ввязываться вместе с ним в какие-то темные дела?..

— Не требуй этого от меня, — тихо сказала девушка.

— Почему?

— Ты же понимаешь, что после того, что ты мне вчера сказал, я не хочу с ним разговаривать, особенно об этих делах и таким образом!

— Ты с ума сошла! Считаться с каким-то Лещуком! Да он для тебя должен быть никто, пустое место! Нечего тут стыдиться, пусть даже весь мир твердит, будто ты на него похожа. Какое тебе до этого дело?

— Ну хорошо. Я поговорю.

— Только аккуратно!

— Постараюсь аккуратно…

— И осторожно, чтобы самой не навести его на какие-нибудь мысли.

— Постараюсь осторожно…

— Приходи завтра в это же время. Если узнаем что-то конкретное, решим, что делать дальше.

— Не знаю, успею ли я к завтрашнему дню что-то выяснить.

— Все равно приходи! Я здесь словно в тюрьме, это ужасно.

Глава IV

Лещук решил не рассказывать профессору о своем вчерашнем визите в замок. Даже сейчас его бросало в дрожь при воспоминании о безумных воплях старого князя и своем паническом бегстве по лабиринту лестниц и комнат. К счастью, внезапно разбуженный Гольшанский, видимо, принял его за кого-то другого, раз назвал Франеком. Юноша надеялся, что ему удастся выйти сухим из воды, — при условии, что он не проронит ни слова. Никому ни слова.

Собственно, он вообще не собирался туда идти. Но, отправившись вчера после ссоры с Майей в лес, он как-то незаметно оказался возле замка, и ему вспомнились слова профессора о том, что с западной стороны сте́ны сильно повреждены.

«Схожу!» — подумал Лещук. Нужно было что-то делать, чем-то заняться — он был точно пьяный, ему было все равно, лишь бы не думать обо всей этой истории с Майей.

Ему дважды пришлось раздеваться и дважды плыть по грязной, заиленной воде. Выглядевшая гладкой стена замка вблизи действительно ока-

залась покрыта трещинами и сколами, а кое-где, примерно на уровне второго этажа, даже обнаружились большие бреши от выпавших камней. До одной из них — с трудом, не всегда удачно цепляясь за выбоины — юноша сумел добраться.

И вот он в замке. Лещук огляделся по сторонам и сказал себе:

— Раз уж я здесь, надо осмотреться…

Он осторожно углубился во двор, а затем дальше, в сам замок с его зияющими тьмой провалами окон. Пустота. Нигде никаких сокровищ. Большие комнаты, сырые, пустынные, с облупившимися стенами. Ни единой живой души. Только крысы.

Лещук шел все смелее, пока наконец не нажал на ручку какой-то двери — и тогда-то все и случилось: в комнате горела свеча, а на кровати сидел старик, который, увидав его, закричал. Лещук захлопнул дверь и как безумный бросился назад, к выходу. К счастью, ему удалось не заблудиться. Через несколько минут он был уже за пределами замкового двора, а через два часа — в Полыке.

Вот и все.

«Зачем я в это ввязался? — думал юноша, шагая по аллее парка и грызя травинку. — Проклятое стечение обстоятельств! Сначала этот шкаф, теперь замок! Я уже дважды оказывался здесь на

волосок от скандала… А ведь за всю жизнь ни у кого и гроша не взял! Что со мной происходит? Самое лучшее — собрать вещи, уехать и покончить со всем этим».

К Майе он испытывал глухую неприязнь. В сущности, он бы предпочел, чтобы тогда, в шкафу, она подала голос, повела себя как нормальная женщина. Была бы хоть какая-то ясность. Но вот так!..

Лещук и сам не понимал — порядочный он человек или уже нет. И это его мучило. В то же время он был глубоко возмущен поведением Майи. Приличные девушки так себя не ведут. Это все из-за нее!

Понимать-то он не понимал, однако же знал: все из-за нее.

Лещук обернулся.

Рядом стояла Майя и лукаво улыбалась.

— Хочу вам кое-что вернуть, — сказала она и показала ему перочинный нож.

— Где вы его нашли? — удивился юноша.

— В замке.

Он замер.

— Тогда это не мое!

Майя опять улыбнулась.

— Не притворяйтесь, — сказала она своим

тихим голосом. — Я знаю, что вы там были… Я вас видела. Я тоже была там вчера. Не бойтесь, я никому не скажу.

— Не скажете?

— Не-е-ет…

Глаза ее сверкнули, и Лещук вдруг почувствовал, что она действительно никому не скажет. Как будто они уже давно в сговоре. Майя шагнула вперед.

— Зачем вы туда ходили? — спросила она, подойдя к нему вплотную и опершись рукой о дерево. Снова улыбнулась — задрала голову, посмотрела на крону, а потом опять на него. Все это было так доверительно, как если бы она подтолкнула его локтем.

Лещук медлил с ответом, и Майя повторила — тихонько, едва шевеля губами, но весьма настойчиво:

— Я никому не скажу. Не затем ли… зачем вы залезли в мой шкаф?

Сказать, что он хотел взять деньги просто со злости, чтобы отомстить ей? Нет, все равно не поверит. Впрочем, было в ее голосе нечто такое — жадное, ненасытное, — что Лещук почувствовал: ему нет нужды оправдываться. Вместо того чтобы ответить, он рассмеялся, и Майя мо-

ментально ответила ему тем своим дразнящим смешком, который он уже однажды слышал, — в маленькой прихожей, когда панна Охоловская поинтересовалась: не помышляет ли он о спортивной карьере?

— Вы просто… — начал Лещук, сам не зная, что собирается сказать.

Смеясь словно против воли, оба с любопытством разглядывали друг друга — действительно ли они так похожи? И это сходство отчего-то доставляло молодым людям огромную радость, сближало, объединяло, делало сообщниками.

— А откуда вы знали, что в шкафу есть деньги? — спросила панна Охоловская так, словно была не хозяйкой шкафа и денег, а соучастницей в краже.

— Когда вы спали в вагоне, я вытащил из вашего пальто письмо и прочитал его.

— А, вы прочитали письмо моей матери. Да, она писала о деньгах. А зачем вы его вытащили?

— Из любопытства.

Снова смех. Они так хорошо понимали друг друга. Но тут Майя небрежно спросила:

— Однако с чего вы взяли, что в замке есть чем поживиться? Кто вам сказал? Профессор Сколинский?

— Откуда вы знаете?

Она прищурилась.

— Меня это дело интересует. Ведь мой жених живет в замке и служит у князя секретарем. Я — лицо за-ин-те-ре-со-ванное. Но… Будем говорить абсолютно откровенно?

— Давайте.

— Руку?

Они обменялись рукопожатием.

— Так это пан Сколинский послал вас в замок?

— По сути, да. Он сказал мне, что там, возможно, находятся огромные сокровища; где-то он это вычитал, в каких-то старых бумагах. Вот и отправил меня проверить, действительно ли там что-то есть. А я подумал — схожу на всякий случай. Но вы обещали никому не говорить.

Лещук коротко рассказал ей о своей вылазке.

— И что?

— Ну… Я видел только несколько комнат, но они были пусты. Голые стены. Может, сокровища хранятся где-то в другом месте. Так что ж, есть они в замке или нет? — спросил он с любопытством, но Майя ему не ответила.

— Вы говорили со Сколинским после возвращения?

— Еще нет. Только собираюсь.

— Не говорите ему ничего… пока, — сказала она. — Подождите до завтра. Я еще поразмыслю над этим. Так не скажете?

— Могу не говорить.

— Тогда пойдемте играть! Уже сухо!

Майя сорвалась с места. Они побежали наперегонки, но неподалеку от дома Майя сбавила темп.

— Тихо, — прошептала девушка.

Они взяли ракетки и мячи.

Уже первые удары показали, что на этот раз матч будет превосходным. Оба играли с огромным удовольствием, позабыв обо всем на свете, радостно. Майю поражало, что она чудом отбивает сложнейшие мячи, о чем раньше и мечтать не могла, а он с каждым ударом открывал в себе новые возможности. Никто за ними не наблюдал. Благодаря сходству стиля и родству темпераментов они понимали друг друга с полужеста, действовали согласованно и словно бы извлекали один из другого на свет божий максимум умения и ловкости.

Майя проигрывала. Проигрывала все заметнее — по мере того как Лещук смелел, раскрывался, по мере того как в нем пробуждались силы, — но сопротивлялась отчаянно, не уступала.

В какой-то момент, когда они менялись местами, Мариан с вызовом спросил:

— Ну что?!

А она ответила, запыхавшись, шепотом, едва слышно:

— Отлично!

Но в конце сета вдруг швырнула ракетку на землю и убежала домой. Лещук остался на корте, не понимая, что между ними произошло. Как вышло, что он ей все сразу рассказал? Почему они вдруг стали разговаривать так, будто знают друг друга добрый десяток лет? Каким образом игра у них вдруг заладилась? И почему Майя убежала, какая муха ее опять укусила? Он ничего не понимал. Чувствовал себя дураком, и в то же время его сердце переполняла радость, к которой примешивался страх.

Когда после обеда профессор заговорил о замке, Лещук ответил первое, что пришло в голову: мол, да, вчера он пытался найти проход, но не сумел добраться до цели, потому что вокруг сплошная вода или грязь.

— Сегодня вечером еще раз попробую, но внутрь не пойду. Если хотите осмотреть замок, ступайте сами! Я вмешиваться не желаю.

— Ну-ну, — сказал профессор. — Обойдусь без

вашей помощи, молодой человек.

Но мысли Лещука унеслись уже далеко. Он пытался найти Майю, однако ее нигде не было, а за обедом девушка ни разу на него не взглянула.

Вечером Майя тайком отправилась к жениху. Сунув руки в карманы плаща и опустив голову, она быстро шагала по гати. С обеих сторон виднелась заросшая тростником и камышами спящая вода, на небе восходила луна.

«Генрик, верно, будет доволен, — думала девушка, взволнованно ступая по скользкой тропинке. — Я выяснила все даже быстрее и легче, чем предполагала. Завоевала его доверие, и теперь он шагу без меня не сделает. Да, Генрик будет доволен! — повторяла она, а вода плескалась у ее ног. — Доволен!»

Сама Майя, однако, довольна не была. Нисколько не была! Когда она вспоминала разговор с Лещуком, свои улыбки, легкость, с которой они сразу нашли общий язык, их дружную беготню с ракетками, кровь приливала к ее щекам и девушка ускоряла шаг, будто пытаясь скрыться; она стискивала зубы и кулаки, будто изгоняя из памяти допущенную неловкость, и тщетно убеждала себя, что все это было лишь хитро задуманной игрой с более слабым противником. До

чего же нелепой она себе теперь казалась! И до чего похожей на него! Все более похожей!

Нет, так с ума можно сойти!

Холявицкий ждал ее в подвале и сразу провел в свою комнату. Она кратко рассказала ему все, что услышала от Лещука.

— Я не ошибся, — в ужасе прошептал секретарь князя. — Значит, профессору что-то известно! Я с самого начала подозревал нечто в этом роде. Что же нам делать?

— Если я пожелаю, Лещук не скажет ему, что был здесь. Он мне обещал!

— Вижу, вы нашли общий язык.

И Майя ответила:

— Нашли.

— Нет-нет, это все ерунда! — Холявицкий нервно расхаживал по комнате. — Разве можно ручаться, что он не проболтается? Да и вообще — думаешь, этот любопытствующий эстет перестанет разнюхивать? Плохо же ты знаешь таких, как он! Надобно отвадить его раз и навсегда.

— Что ты задумал?

Холявицкий рассмеялся.

— Я просто собираюсь убедить профессора, что здесь ему поживиться нечем, что никаких сокровищ в замке нет — и точка. Он ведь не уверен на

сто процентов. Вот! Придумал! Смотри, как мы поступим.

Секретарь князя, опрокинув в себя рюмку водки, с минуту прислушивался. Да и потом он тоже время от времени умолкал и настораживал слух: не проснулся ли князь, не отправился ли на свою ночную прогулку по залам? Но все было в порядке.

— Надо спрятать все предметы, которые могут показаться ценными. В первую очередь картины и гобелены. В конце концов, шкаф или другая мебель — все это может быть лучше или хуже, но уж точно не предмет искусства с большой буквы. На это он не позарится. Убедится, что ничего тут нет, и оставит нас в покое. Надо сделать так, чтобы он пришел и сам все увидел.

— Как?

— Это не так уж сложно. Тсс…

Кто-то ходил по замку — послышалось шарканье, а через мгновение в дальнем конце анфилады комнат раздался сухой старческий кашель. Потом Майя услыхала приглушенный, беспомощный зов:

— Генрик, Генрик…

Холявицкий чертыхнулся и вышел.

Майя осталась одна. О, как она ненавидела эти

минуты одиночества в замке! Пока жених был рядом, пока они говорили о делах, еще можно было терпеть и все казалось более-менее логичным и нормальным, хотя и рискованным. Конкретные опасности или трудности Майю не пугали.

Но когда она оставалась одна, когда тишина, меланхолия и запустение замка словно начинали расти, надвигаясь на нее из всех щелей и провалов, — тогда вся эта цепь событий, которая опутала Майю, казалась ей отвратительной и зловещей, грешной и страшной, и девушка содрогалась от мучительного предчувствия, что ступает на скользкий путь, который постепенно и незаметно приведет к чему-то совершенно ужасному.

Она боялась замка, боялась жениха, но более всего боялась самой себя, страшась тех опасностей, что таились в глубинах ее натуры, слишком смелой, слишком беспокойной и слишком жаждущей счастья. Древние мрачные стены, живущие своим прошлым, словно шептали: горе тому, кто столь легкомысленно гонится за призраком счастья.

Но Майя так хотела быть счастливой! Она должна, должна обрести счастье! Все, что она делала, было лишь ради того, чтобы стать счастливой и

в полной мере насладиться радостью, которую дарят красота и молодость.

«Все это затягивает, словно трясина!» — с ужасом думала девушка, замерев посреди комнаты.

Она боялась пошевелиться — казалось, эти молчаливые, зоркие стены подмечают и запоминают каждое ее движение.

«Да-да, я будто тону! Вот я уже и сообщница Генрика! А этот Лещук? Чем все это кончится? Может, поговорить с мамой?» — мелькнула было мысль, но Майя тут же ее отвергла. Искать помощи у матери? Нет, она справится сама.

Тем временем Холявицкий постучался к князю и, не дожидаясь ответа, довольно бесцеремонно вошел — руки в карманах, вид хмурый и недовольный.

Комната князя отличалась от всех прочих. Не слишком просторная, с низким сводчатым потолком, круглая, поскольку находилась в башне, с тремя окнами в толстенных стенах — глубина оконных ниш достигала местами двух метров. Все стены были до середины обшиты потрескавшимися дубовыми панелями с едва различимым узором.

В центре стояла огромная кровать с балдахином; также в комнате имелись два кресла,

умывальник и множество разнообразнейших мелочей — бесчисленное количество пустых пузырьков, коробочек, предметов гардероба, туалетных принадлежностей, баночек из-под варенья, блюдец, безделушек и всяких диковинных вещиц.

Князь годами не разрешал ничего выносить из своей комнаты, ибо, будучи слишком слабым, чтобы навести порядок самостоятельно, опасался, как бы при уборке не выбросили чего-нибудь такого, что еще может пригодиться. Ну а поскольку камердинер Гжегож был не только стар, но и немощен, то в княжеских покоях царила фантастическая грязь. Постельное белье посерело, так как князь уже несколько месяцев не мог решиться отдать его в стирку. Он ненавидел любые перемены.

Сидевший на кровати маленький худой старичок с аристократическим птичьим лицом испуганно взглянул на Холявицкого.

— Князь, вы меня звали? — резко спросил секретарь.

— Да нет же, нет, Генрик, милый, тебе послышалось. Разве я стану звать, я же знаю, что ты этого не любишь!

— В чем дело?

— Да ни в чем, право, ни в чем.

— Князь, я спрашиваю, в чем дело. Скажите, я же знаю, что стоит мне выйти, как вы снова меня кликнете. Лучше скажите прямо сейчас.

— Ну ладно, ладно, скажу! — визгливо вскрикнул он, заметив, что Холявицкий готов уйти. — Видишь ли, Генрик, голубчик, я хочу навести порядок, тут скопилось страшно много всякого хлама. Вот, начал с этого пузыречка, но не знаю — вдруг еще пригодится?

— Тогда не выбрасывайте.

— Но, может, лучше все же выбросить? Для чего бы он мог понадобиться?

— Тогда выбросьте.

Князь расплакался.

— Беда мне с тобой, Генрик! Ни в чем, никогда, нигде никакой помощи, понимания, утешения, облегчения, отрады!

— Князь, если вы станете меня донимать, я съеду из замка! — Холявицкий, уже не скрывая ненависти, глядел на старика, превратившего его жизнь в ад. Нет, не годится он в сиделки! И не выносит все эти идиотские разговоры — до чего же они его изматывают!

— Генрик, милый, не бросай меня! — вскрикнул князь в панике. — Один я тут ни за какие

сокровища не останусь! В замке? Один? Никогда в жизни! Это нехороший замок, — добавил он тише и словно бы задумчиво.

— Почему? — спросил Холявицкий.

Он все еще надеялся, что князь проболтается о сокровищах. Порой секретарь подозревал, что Гольшанский разбирается в делах куда лучше, чем представляется со стороны, но нарочно — то ли по причине каких-то старческих бредней, то ли из вредности — прикидывается дурачком.

— Почему этот замок нехороший?

— В целом он хороший. Хороший. Но в нем есть одно нехорошее место.

— Какое?

— Есть одна… одна комната.

Тут князь стоял насмерть. Он ни за что не желал раскрыть, какая именно комната «нехорошая» и почему. Холявицкий думал, что здесь кроется какая-то тайна, и не раз пытался выведать у старика подробности, даже следил за ним, когда тот бродил по замку, но так ничего и не понял.

Место это, видимо, было связано для князя с каким-то страшным воспоминанием, потому что, говоря о нем, старик всегда закрывал глаза — верный признак крайнего ужаса. Вот и теперь он тоже зажмурился и долго ловил воздух блед-

ными губами.

Наконец, словно невзначай, князь пробормотал:

— Да тут, знаешь ли, нечисть водится.

Холявицкий вздрогнул. Это была вторая излюбленная тема безумца. Он постоянно намекал на привидения, причем твердил об этом злорадно и настойчиво, хоть и с долей лукавства.

Холявицкому иногда казалось, что старик забавляется страхом своего секретаря, который тот не умел скрыть, — нервы его действительно были на пределе, и он жил в постоянной тревоге перед чем-то… неизвестным… таившимся в пустых залах. Так может, князь просто из вредности дразнит его, по-детски запугивая «страшным замком»? Но нет, видно было, что князь и сам боится по-настоящему, — неизвестно, что он себе нафантазировал и что ему мерещится, но выглядел он человеком, раз и навсегда напуганным до смерти и преследуемым неизбывным страхом.

Даже смех князя был излишне визглив — и, смеясь, он постоянно озирался, беспокойно обшаривая глазами темные углы.

Впрочем, Холявицкий знал, что и сам выглядит не лучше. Загадочная и гнетущая атмосфера замка действовала на них обоих.

Однако, наблюдая за князем с его вечной боязливостью, видя уловки, к которым тот прибегал из страха, и ужас в стариковских глазах, Холявицкий не мог избавиться от мысли, что в прошлом знатного чудака кроется нечто чудовищное. Его безумие, вероятно, имело свои конкретные причины, а не было одним только следствием постепенно прогрессирующего слабоумия.

Что же могло с ним случиться? Почему он кричит «Франек»? Что это был за Франек? О прошлом князя Холявицкий знал лишь то, что в молодости тот шумно и весело кутил по всем столицам Европы. Потом он женился, но жена умерла в родах. Тогда Гольшанский поселился в замке и с тех пор живет жизнью отшельника. Дали о себе знать наследственные черты натуры. Когда Холявицкий познакомился с князем несколько лет назад, тот выглядел уже точь-в-точь как сейчас и так же страдал от приступов ужаса.

Чего он так боится? Секретарь пытался расспросить Гжегожа, но от него толку было мало; впрочем, слабоумие князя было Холявицкому только на руку. Ведь именно поэтому хозяин замка, заметив ночью Лещука, принял его не за вора, а за «Франека», — видимо, любой молодой парень казался старику этим самым «Франеком»,

о котором он ни за что не хотел говорить.

— Князь, вам надо принять капли, — посоветовал секретарь. — Опять у вас нервы расшалились.

Он налил старику двойную дозу сильного снотворного и вернулся к Майе. Холявицкий был уверен, что после капель князь проспит до утра и можно будет перенести картины, не опасаясь привлечь его внимание. Он еще долго беседовал с Майей, а когда та ушла, спустился вниз и окликнул вполголоса:

— Гжегож!

— Чего? — отозвался старый камердинер из своей каморки у главной лестницы.

— Гжегож, пойдем со мной. Есть работа.

— Сейчас, только облачусь. Однако! Ночью-то…

— Быстрее!

— Сейчас, сейчас… Что еще за фокусы…

Камердинер терпеть не мог Холявицкого, но видел в нем будущего хозяина, поэтому предпочитал особо не задирать. Он вообще придерживался, так сказать, политики строгого нейтралитета. С князем не делился своими подозрениями относительно «махинаций» секретаря, однако и Холявицкому никаких сведений не выдавал.

— Откуда ж мне знать, — отвечал Гжегож, когда секретарь пытался что-нибудь выведать. — Я в господские дела не лезу, вот и не знаю ничего!

Холявицкий предпочел бы обойтись без помощи камердинера, но не хотел, чтобы тот заподозрил, будто нечто «замышляется» втайне от него.

— Поможешь мне, — сказал секретарь. — Нужно снять несколько картин и перенести в другое место.

— А на кой ляд? Столько времени себе висели, так и дальше пускай висят.

— Не спорь со мной! Я сказал — и точка! А князю ничего не говори. Я должен показать эти картины одному человеку. Они в плохом состоянии, надо бы подновить.

— Как же, подновишь такую мазню!

Тем не менее он принялся снимать картины, указанные Холявицким. Они убрали со стен почти все полотна, кроме нескольких — настолько уродливых, что никто бы и подумать не мог, будто они представляют какую-то ценность. Свернули пару гобеленов и ковров.

— Куда класть? — хриплым от пыли голосом спросил Гжегож.

Холявицкий задумался. Хорошо бы не таскать

все это добро далеко, а спрятать где-нибудь поблизости, в надежном месте. Он вспомнил об угловой комнате, которую называли старой кухней.

Это было помещение, расположенное чуть в стороне, так что никто туда не заглядывал, но при этом в «кухне» имелись тяжелые дубовые двери, обитые железом и запиравшиеся на ключ.

— Пошли, — сказал секретарь. — Отнесем в старую кухню.

— В старую кухню? А почему в старую кухню?!

— А почему бы и нет? Что с тобой такое?

— Там… грязно.

— Да тут везде грязно. Ну, пошли. Ключ есть?

Он взял лампу и зашагал по узкому коридору; старик следом. Но когда они приблизились к дверям, камердинер заговорил снова:

— Может, лучше в Арианский зал?

— Открывай давай! — воскликнул Холявицкий, который что-то заподозрил.

Однако Гжегож протянул ему ключи:

— Сами открывайте.

— Что-о-о?!

— Ничего…

Холявицкий повернул в замке огромный ключ.

— Послушайте, лучше не надо открывать, — лихорадочно зашептал Гжегож.

— Но почему?

— Там… нечисто.

«Ага, — мелькнуло в мыслях у Холявицкого. — Так это и есть та самая *нехорошая* комната?»

И он открыл дверь. Взгляду его представилось довольно большое побеленное помещение, в прошлом, видимо, действительно служившее кухней: здесь сохранились печь и дымоход с решеткой.

Воздух в кухне оказался не такой уж спертый — несколько стеклышек в окне было выбито. Холявицкий с удивлением разглядывал стоявшую у стены обычную железную кровать, накрытую пледом, а дальше — умывальник, шкаф… Такое впечатление, будто здесь не так давно кто-то жил… На полу валялись старые газеты.

Он хотел войти, но Гжегож схватил его за руку.

— Послушайте, — предостерег он, — не трогайте… оставьте. Это нечистое место.

— Что ж за привидение здесь обитает? — с любопытством спросил Холявицкий. — Ты сам-то его видел?

— Боже упаси! Но на моей памяти двое здесь сгинули от страха. Лет пятнадцать назад пан Рудзянский, практикант с фольварка, тоже говорил, что не боится привидений, и нарочно заночевал

здесь — так утром я его под лестницей нашел. Сидел и раскачивался, а волосы дыбом, как щетка. Ни слова больше не вымолвил, совсем рехнулся. Переночую, говорил, посмотрю. Вот и переночевал, и посмотрел… Теперь сидит в желтом доме и все лицо руками закрывает — говорят, даже язвы на нем сделались. А второй — сын повара, Вицек. Тоже умом повредился и вскорости через это помер.

— Чушь какая. Может, им что-то померещилось?

— Померещилось, не померещилось… Уходите отсюда. Да и признаки разные есть, всякому ясно, кто понимает. Нечисто здесь. Сразу видно.

— А что видно-то?

— Не стану говорить.

Холявицкий поднял лампу повыше, но ничего особенного не заметил. Благодаря побеленным стенам помещение даже казалось довольно приятным и светлым по сравнению с другими.

И все же было здесь нечто анормальное… Постепенно у секретаря возникло ощущение, будто в комнате происходит что-то противоестественное, хотя и непонятно, что именно.

Наконец Гжегож тронул его за плечо и молча, едва заметно указал на серое от пыли полотенце,

висевшее на старом железном крюке. Оно слегка дрожало — вероятно, из окна дуло.

Но движение это было странным. Полотенце не колыхалось на сквозняке, а *напряженно* дрожало, будто снизу его придерживала незримая рука. Это не могло быть просто движение воздуха — это было *другое* движение.

— Что такое?.. — пробормотал Холявицкий, разглядывая странное явление.

Вид напряженного, дрожащего полотенца вызывал отвращение, было в нем что-то мерзкое. Но когда Холявицкий, преодолев брезгливость, захотел подойти ближе, Гжегож схватил его за плечо:

— И не думайте!

— Чушь! Должна быть какая-то причина.

— Так есть она, причина-то! — пробормотал седой камердинер, незаметно крестясь.

— Какая же?

— Да уж есть.

Холявицкий понял, что ничего не добьется. Никакая сила не заставит Гжегожа рассказать подробности. Впрочем, ему и самому, хоть он и не верил в привидения, стало не по себе. Секретарь засмеялся:

— Ладно, успокойся. Замков без призраков не

бывает. В конце концов, можем сложить все в другом месте, хотя здесь было бы идеально — крыс нет.

— Конечно нет. Сюда ни одна крыса не сунется, — с суеверным страхом ответил Гжегож, закрывая дверь. — Они умнее людей.

— А князь сюда заходит?

— Никогда.

Они перенесли вещи в одну из соседних комнат. Но Холявицкий еще долго не мог избавиться от мерзкого чувства — то ли ужаса, то ли отвращения, — отчего тишина и пустота в замке показались ему еще более невыносимыми, чем прежде.

Глава V

Профессор Сколинский шел по лесной тропинке — вроде как прогуливался, но на самом деле хотел еще раз взглянуть на недоступные и столь притягательные стены.

Он шагал неспешно, обдумывая, как бы проникнуть в замок, и время от времени с отвращением сплевывал на лесной мох. Кто бы мог подумать что ему, профессору, интеллигенту, на старости лет придется играть в такие игры! Тьфу! Тьфу! Все это чревато чудовищным позором! Профессор чувствовал, что не создан для роли взломщика.

И все же он был убежден, что правда на его стороне. Разве можно допустить, чтобы несметные богатства и великие творения человеческого духа пропадали по прихоти выжившего из ума аристократа?

«Вот все у нас так гибнет! — с горечью размышлял Сколинский. — Ведь эти сокровища увеличили бы национальное достояние! Разве в критические моменты государство не берет займы под залог произведений искусства? И разве это не государственный запас — ничуть не

хуже золотого? Значит, нельзя оставаться равнодушным к судьбе этих предметов. Даже если пренебречь их духовной ценностью, а ограничиться исключительно финансовой стороной…

Но нет, у нас все пропадает зазря. И хотя положение дел, несомненно, улучшается, тем не менее до сих пор… Даже люди пропадают, что уж говорить о картинах… Взять, к примеру, Лещука! Жизненная сила так и брызжет, но парень он несобранный, неорганизованный, можно сказать — лишенный морали, да-да, именно так, аморальный. С одинаковой легкостью решается на поступки как полезные, так и дурные… Как пойдет, как обстоятельства сложатся.

А Майя? Точно такая же. Бешеная энергия, неукротимая река, которая выходит из берегов и затапливает поля, вместо того чтобы вращать мельницы. Прямо как Висла…

А эти две дамочки — одна худая, другая толстая. Одна горькая, другая сладкая, но обе одинаково ограниченные. А советник Шимчик? Вот именно! С одной стороны — необузданная стихия, с другой — бюрократия, умозрительность, бумажная душа, все бы ему препоны чинить. А картины в замке тем временем гибнут…»

— Тьфу, тьфу… О, добрый день! Откуда вы здесь

взялись?

Последнее восклицание относилось к Майе, которая внезапно вышла навстречу Сколинскому из зарослей. Девушка выглядела смущенной, но в то же время серьезной.

— Как хорошо, что я вас встретила, профессор, — сказала она. — Мне нужно с вами поговорить.

— Со мной?

— Да. По поводу… одного строения, которым вы интересуетесь.

Профессор не стал отпираться.

— Ага, — сказал он, внимательно ее разглядывая. — Значит, Холявицкий рассказал вам, что я хотел осмотреть замок?

— Я не только от него об этом знаю.

И она вкратце рассказала ему о своем вчерашнем визите в замок и о криках Гольшанского.

— Генрик ничего не заподозрил и списал это на галлюцинации князя, но я нашла перочинный нож Лещука и догадалась, что это был он. Я не сказала об этом Генрику, но сегодня поговорила с Лещуком. Он признался и… я так понимаю, это вы его подговорили?

Профессор прикусил губу. Значит, Лещук проболтался. Что ж, этого следовало ожидать.

— Видите ли, — с достоинством сказал он, —

мне нечего стыдиться и нечего скрывать. Я в самом деле хочу попасть в замок, но движут мною исключительно благие намерения. Если бы ваш жених мне не препятствовал, не было бы нужды прибегать к подобным уловкам.

— Именно об этом я и собиралась поговорить, — сказала Майя. — Генрик не хочет никому показывать эти вещи.

— Ах, так вы и об этом знаете? Значит, вещи все-таки есть.

— Есть. Мебель в нескольких залах… Но я не знаю, насколько она ценная… И если вы хотите осмотреть ее втайне от Генрика, я готова провести вас в замок. Я знаю, как это сделать. Никакого риска, нас никто не увидит.

Сколинский с растущим удивлением глядел на Майю. Как так? Она сама предлагает показать ему ценности, причем втайне от жениха? Что это может означать?

Профессор инстинктивно не доверял подобным девушкам, они пугали его своей независимостью, ранней взрослостью и не знающим границ свободолюбием. Не пытается ли она обвести его вокруг пальца? Если Холявицкий хочет скрывать, то отчего же панна Охоловская готова показать?

Майя стояла под деревом, покусывая травинку.

— Пожалуй, — сказала она небрежно, почти по-детски, — я вам все расскажу. Генрик рассчитывает на наследство князя, вот почему я с ним обручилась. Мне нужны деньги! — Последние слова она выкрикнула с каким-то нетерпением. — Большие! Если у него не будет очень больших денег, я за него не выйду, потому что терпеть его не могу!

Профессор вытаращил глаза. Что? Такие сокровенные вещи выкладывать совершенно постороннему человеку?.. Но голос ее звучал искренне:

— Я его не выношу! Он меня раздражает. Он мне совершенно безразличен! Я бы вышла за него, но мне нужны гарантии, что его состояние будет действительно огромным. Я слышала легенду о богатствах, хранящихся в замке, но от него не могу добиться ничего конкретного. Вдруг эти вещи не представляют особой ценности, а он намеренно скрывает правду, опасаясь, что я его брошу? Он любит меня, — вставила она с некоторой гордостью, словно между прочим. — Но я не дам себя обмануть! Я проведу вас, и вы посмотрите. Вы ведь в этом разбираетесь?

В наивный цинизм этой девушки профессор не слишком верил. Было во всем этом нечто неправ-

доподобное.

— Голубушка, да что вы такое говорите! Вы его не любите?

— Нет. Он подозрительный тип! А я вообще никого не люблю, — вырвалось вдруг у девушки.

— Никого?

— Нет! Ни мать, ни его, никого… Не-е-ет, только себя!

Услыхав это «не-е-ет», профессор тут же вспомнил Лещука. Его уже давно поражало и тревожило странное, неуловимое сходство их натур. Но на сей раз оно проявилось еще явственнее… и старый профессор, к собственному изумлению, почувствовал, что краснеет.

Майя тоже залилась краской и проговорила тихо, сквозь зубы:

— Не-е-ет… Я никого не люблю, я просто похожа! Похожа на… на одного человека!

Было видно, что девушка огромным усилием воли сдерживает слезы, но те все же полились по щекам, а губы Майи скривились. Она плакала, не закрывая лицо, не пытаясь спрятать слезы от профессора.

Тот взял ее за руку:

— Голубушка, голубушка, успокойтесь…

— Вы тоже знаете, на кого я… Он вор! Он хотел

залезть в мой шкаф, обворовать меня! Но я такая же! Мы с ним одинаковые! Вы удивляетесь, что я говорю это открыто? Но почему я должна стыдиться, если я совершенно, абсолютно такая же…

Профессор, объятый ужасом, пытался подыскать нужные слова.

Теперь у него не осталось ни малейших сомнений: все, что говорит эта девушка, — правда. Она ненавидит жениха. Хочет показать ему, профессору, вещи. Откровенничает с чужими. Все это правда, потому что она похожа на Лещука. И скажи она ему сейчас, что кого-то ограбила, он бы тоже сразу поверил, — до такой степени эта история с Лещуком делала в остальном приличную и добропорядочную барышню непредсказуемой и эксцентричной.

Но как же она презирает Холявицкого!

— Не следует никого презирать! — прошептал наконец Сколинский и ушел. Он больше не мог это слушать — ему нужно было все обдумать.

Едва профессор скрылся за деревьями, Майя почти в голос рассмеялась. Не удержалась — настолько ее рассмешили собственные слезы.

— Получилось! Теперь можно будет показать ему вещи! Генрик останется доволен. Советник поверил. Он думает, что я влюблена в Лещука.

Отлично! Что мне с того? Теперь я смогу внушить им все, что захочу.

«Хотя… хотя я ведь по-настоящему плакала, — подумала Майя с удивлением, вытирая слезы. — Ну да, это сходство все-таки выводит меня из себя. Но тем лучше. Пока я была обычной, нормальной барышней Охоловской, я не могла себе позволить то, что может позволить себе барышня… похожая на Лещука!»

— Все равно я уже выгляжу смешно! — прошептала она.

По дороге домой она встретила толстую докторшу и тощую чиновницу. Завидев Майю, дамы умолкли, будто только что ее обсуждали.

Девушка моментально об этом догадалась по тому, как они на нее смотрели. О, за последние дни Майя научилась узнавать эти оценивающие, украдкой бросаемые взгляды. Она подошла улыбаясь.

— Вы не видели Лещука?

— Нет! — воскликнула докторша. — А что, милочка? Хотите поиграть?

— Не-е-ет… Просто хотела с ним поговорить.

Майя сказала это легкомысленно и одновременно нагло, наслаждаясь тем, какое впечатление ее слова произвели на обеих дам. Она знала, что

«сходство» придает подобной реплике особый смысл, — и в самом деле: когда девушка отошла, докторша и чиновница понимающе переглянулись.

Обе были убеждены (хоть и не имели никаких доказательств), что между барышней и тренером вот-вот завяжутся какие-то отношения, и отсутствие конкретных оснований для подобного утверждения лишь усиливало их интуитивную уверенность.

Профессор, впрочем, был того же мнения. Однако он после разговора с Майей, не колеблясь, называл это словом «любовь». Шокирующее поведение панны Охоловской потрясло Сколинского до такой степени, что он почти забыл о замке.

У него не осталось сомнений, что девушка либо уже безумно влюблена в тренера, либо близка к этому.

«Удивительно! — думал он. — Как это я сразу не догадался! Ведь они созданы друг для друга! Достаточно только взглянуть! Это не просто сходство, это совпадение, какая-то внутренняя гармония их натур — что-то, что влечет их друг к другу вопреки всему. Они нашли друг дружку! Сошлись! Такое случается редко, но уж если случается, ничто не может этому помешать. Ай

да Ромео и Джульетта! Интересно, а он тоже уже?.. Наверняка! Вот так история! Бедная пани Охоловская!

В ней идет борьба, — продолжал он размышлять о Майе, — между амбициями и роковой силой притяжения. Бедняжка напугана *сходством*, а может, еще больше тем, что она против своей воли ему подчиняется. Майя презирает Лещука. Как она сказала — *вор*? Неужели он действительно хотел что-то украсть? Это оскорбляет ее, задевает достоинство, и такое подсознательное, но унизительное чувство может подтолкнуть барышню к ужасным поступкам — при ее-то характере!

Да! Но как же мне поступить?! Согласиться ли на ее предложение и пойти в замок? Ни в коем случае! Я не могу ввязываться в такую историю. Да! Но тогда я упущу единственный шанс осмотреть антиквариат, который меж тем — как она утверждает — в замке есть!»

Поразмыслив, профессор все-таки решил пойти. Возможно, он преувеличивает серьезность ситуации. Потом еще будет время подумать, как и в какой степени можно помочь Майе.

После ужина девушка подмигнула Сколинскому, и вскоре они встретились за воротами

усадьбы, у леса.

— Идемте! — сказала она.

Луна сияла. Вода поблескивала среди камышей. Туман окутывал подножье замка.

Сколинский несколько раз пытался заговорить с Майей, но та, молчаливая и загадочная, отвечала односложно. Профессору все это казалось более чем странным — мрачная барышня ведет его к замку, который постепенно вырастает перед ними в ночной мгле. Но чем ближе они подходили к стенам, тем больше страсть исследователя брала верх над всеми прочими чувствами.

Майя провела профессора по подземному коридору. Наконец-то они в замке — и вот профессор уже поднимается по узкой лестнице в залы первого этажа. Маршрут был согласован с Холявицким — через восточное и северное крыло, находившиеся в противоположной стороне от комнат секретаря и князя.

Пришельцы старались не шуметь.

Глаза профессора быстро привыкли к темноте, тем более что через окна внутрь проникал лунный свет. Но залы, которые он видел, были пусты, разорены, заброшены… Лишь кое-где следы ренессансного фриза над дверьми, конструкция свода или остатки развалившегося камина ука-

зывали на былое благородство этих интерьеров, теперь грубо обнаженных и запущенных.

Сколинский подошел к окну и несколько минут рассматривал аттик двора и пропорции галерей. Майя с любопытством наблюдала за ним. Несмотря на свои заботы, она прониклась его страстью знатока.

Лицо профессора словно бы стало мудрее, сделалось внимательным и сосредоточенным. Временами он совсем забывал о необходимых мерах предосторожности, но потом вдруг испуганно оглядывался. Некоторые архитектурные детали, вроде бы незначительные, привлекали его внимание, но в целом он не проявлял особого восторга.

Лишь когда они добрались до самой старой части замка — до маленьких тесных комнат с чудовищно толстыми стенами под высокими сводами, — он несколько раз одобрительно причмокнул.

Майя открыла запертую дверь в анфиладу из восьми ренессансно-барочных залов, где хранилась мебель, и зажгла керосиновую лампу, стоявшую на круглом столике.

— Вот эти вещи, — сказала она.

В углу зашуршала крыса.

Профессор глубоко вздохнул — от волнения у него перехватило дыхание. Он окинул взглядом помещение, словно хотел залпом выпить его содержимое. Первый зал не производил особого впечатления. Видимо, его когда-то переделали из двух меньших комнат, так как изрядно потемневший плафон состоял из двух частей, а посередине его подпирала довольно неумело сработанная колонна.

Сколинский подошел к столику, на котором стояла лампа.

— Это Буль, — пробормотал он, разглядывая инкрустации.

— Что значит Буль?

— Французский мастер восемнадцатого века. А кресло? Это так называемое *sedia Savonarola*, пятнадцатый век, одно из первых кресел в мире. Да будет вам известно, что в те времена даже стулья были редкостью. Люди сидели на сундуках вроде этого — кстати, великолепный экземпляр времен Франциска Первого — или на скамьях, встроенных в стены, к которым придвигали столы. Видите вон тот сундук? Это же готика! Как эти вещи вообще здесь оказались?!

Профессор провел пальцами по резьбе и вздрогнул, будто обжегшись. Сундук был изъеден

крысами.

Он медленно прошел вдоль старинных фламандских и итальянских секретеров и гданьских шкафов, стоявших у стены. Взглянул на плафон.

— Ерунда! — пренебрежительно заключил он. — Жалкая барочная мазня. Где картины?

— В следующих залах.

Майя взяла лампу, а ее спутник подсвечивал себе путь электрическим фонариком. Они перешли в следующий зал — огромный, с шестью окнами.

— Свет в окнах не будет виден?

— Нет, они вообще не видны из жилой части замка. Впрочем, я на всякий случай с одной стороны прикрыла лампу бумагой.

Профессор подошел к полотнам, которые Холявицкий оставил на прежнем месте как не имеющие никакой ценности. Это и в самом деле была ужасная безвкусица, намалеванная так неумело, что Майя удивилась скрупулезности, с которой Сколинский изучал каждую картину. На его лице отображалось все большее разочарование.

— Ну, здесь ничего нет. Пойдемте дальше.

Профессор оглядел стены. Майя боялась, что он обратит внимание на едва заметные следы, оставшиеся от снятых полотен, но Сколин-

ский, видимо, был не слишком наблюдателен. Внезапно он подошел к старой, почти совсем почерневшей картине средних размеров, изображавшей какую-то библейскую сцену (различить уже можно было только лица), и застыл как завороженный. Поднес лампу сбоку — на полотне высветились уродливые черты, примитивно выписанные руки и жесткие складки одежд.

Майя усмехнулась:

— Ну и карикатура!

Однако профессор внимательно рассматривал нижнюю часть картины и осторожно водил пальцами по поверхности полотна. Потом он достал лупу и стал изучать грубые мазки.

— Ну и ну! — пробормотал он.

— Что? — спросила Майя.

— Первоклассный образец. Либо я сильно ошибаюсь, либо… Хм, погодите-ка…

— Да что вы?! — удивилась она. — Неужто это ценная картина?

— Как бы вам объяснить… Во всей Польше не найдется, пожалуй, ни одного полотна, которое было бы хоть наполовину так хорошо, как это.

— Но это же невозможно!

Майя была потрясена. Ужасно, что Генрик оставил эту картину! Но кто бы мог подумать, ведь с

виду просто мазня!

А профессор уже лихорадочно разглядывал миниатюрные портреты, мимо которых только что прошел; один из них, в обычной позолоченной раме, он даже взял в руки.

— Вот это похоже на Тициана!

— Что?!

— Да здесь и впрямь сокровища!

— Подождите. Я сейчас вернусь.

Майя побежала к Холявицкому.

— Все пропало! — закричала она с порога.

— Что случилось?

— Оказывается, те ужасные картины, которые ты оставил, как раз и есть самые что ни на есть великие! Он там нашел Тициана и еще кого-то!

— Не может быть!

Холявицкий был потрясен до глубины души. С одной стороны, все его надежды подтвердились. В замке были сокровища! Но с другой — открытие профессора могло страшно все осложнить.

— Что же нам теперь делать?

— Этого человека непременно нужно как-то обезвредить. Теперь он стал по-настоящему опасен.

Секретарь задумался.

— А может… — пробормотал он и зачем-то осто-

рожно огляделся по сторонам.

— Что? — с любопытством спросила Майя. Но он рассмеялся, словно собственная мысль его позабавила.

— Ничего. С ним нужно просто договориться. Нет смысла скрывать от него правду. Мы должны удержать его в замке. Раз он обо всем узнал, пусть хотя бы составит каталог и оценит картины. А я выиграю время. Уж как-нибудь с ним потом управлюсь.

Профессор крайне удивился, увидев Майю вместе с Холявицким. Но секретарь сразу перешел к делу.

— Профессор, вы знаете о сокровищах в замке?

— Ну да, знаю…

Глаза Сколинского за очками по-прежнему разглядывали зал.

— Вы полагаете, мне важно сохранить это в тайне?

— Полагаю.

Холявицкий рассмеялся:

— А вот и нет! Вы ошибаетесь! В моих намерениях нет ничего предосудительного, — возразил он насмешливо. — Просто князь завещал мне Мыслочь со всем движимым и недвижимым имуществом, и я хотел бы избегнуть лишних

затруднений и судебных тяжб в случае, если дальние родственники узнают, что наследство больше, чем принято было считать. Как видите, я совершенно чист перед законом и действую согласно воле князя. Это обычная предосторожность для защиты от ненужных проволочек. И вы, профессор, даже могли бы оказаться мне полезны, ибо, как выяснилось, сам я с этим антикварiатом не разберусь. Здесь нужен знаток, который все каталогизирует и оценит, так что я рад, что Майя вас сюда привела. Я хочу вам кое-что предложить.

— И что же?

— Если вы обещаете сохранить увиденное в тайне, я бы пригласил вас в замок на несколько дней — осмотреть все эти вещи. Но я ставлю два условия. Во-первых, секретность. Во-вторых, вам придется здесь пожить. Видите ли, нервы князя в ужасном состоянии, он не терпит присутствия в замке чужих людей. Если вы станете ежедневно приходить сюда, он может вас заметить, да и в пансионе ваши визиты вряд ли удастся скрыть. А так в Полыке скажете, что уезжаете в Варшаву, а здесь мы вам выделим комнату где-нибудь в сторонке — замок большой, и спрятать вас, пока вы будете работать, не составит труда. Можете

перебираться хоть завтра вечером. Кстати, — добавил секретарь, — я готов показать вам и другие картины.

Профессор заколебался. Предложение было неожиданным. Но провести несколько дней в замке втайне от князя и во власти этого человека… Правда, объяснения Холявицкого звучали весьма логично, и вполне естественным выглядело то, что он не хочет лишних проблем с родственниками, но профессор почему-то не доверял секретарю. И эта пустота, эти анфилады залов, эта гробовая тишина…

К тому же профессор знал, что его уже однажды попытались обмануть. И «Тициан», и другая «обнаруженная» им картина на самом деле были неумелыми творениями какого-то анонимного бездаря столетней давности. По следам на стене он сразу понял, что часть картин куда-то убрали, и воспользовался невежеством Майи и Холявицкого, чтобы перехитрить их. Поэтому обещание секретаря показать другие картины вселяло самые радужные надежды.

Это в конечном счете и перевесило.

— Остаюсь, — сказал Сколинский.

Глава VI

— Здесь что-то происходит!

— Что здесь может происходить? Это с нервами у вас что-то происходит, вот и все.

— Здесь что-то происходит! Я тебе точно говорю, Генрик, что-то происходит!

— Где?

— Здесь. В замке. Не знаю, где именно, но что-то происходит. Равновесие нарушилось. Что-то… где-то… кто-то, бог весть кто, но совершенно точно… Может, на первом этаже… или в старом крыле. Не знаю где, но что-то точно происходит!

Холявицкий уже добрый час пытался успокоить старого князя Гольшанского, в безотчетном страхе метавшегося на кровати. Его уши, привыкшие за долгие годы к однообразной симфонии замка, должно быть, уловили какую-то неуловимую перемену, потому что никогда прежде князь не устраивал секретарю подобных сцен.

— Ну хорошо… Вы слышали какой-то подозрительный шум? На чем основаны ваши предположения, князь?

— Я ничего не слышал, но что-то точно проис-

ходит… Что-то новое появилось в замке… Что-то добавилось!

— Добавилось?

— Ах, Генрик, ничего-то ты не понимаешь! О боже, боже, боже!..

Он закрыл лицо руками, но Холявицкий заметил, что одним глазом князь за ним все же подсматривает. Вне всяких сомнений, Гольшанский что-то заподозрил; впрочем, молодому человеку и так было известно, что безграничное доверие к своему секретарю каким-то непостижимым образом сочеталось в князе с безграничной же подозрительностью.

Холявицкий уговорил измученного хозяина замка принять двойную дозу брома и направился в сторону «музея», как он иронически окрестил зал с антиквариатом.

Убедившись, что Гжегож сейчас у себя внизу, он открыл тяжелую дверь старой кухни и, переступив порог, долго стоял, издали внимательно наблюдая за полотенцем, которое в свете фонаря дрожало и вибрировало — однообразно и судорожно. Затем Холявицкий обвел комнату лучом фонаря и попытался преодолеть странное отвращение, которое вызывало у него это место. А потом вдруг испугался того, что вот так стоит и

прислушивается неведомо к чему.

«Кончится тем, что я тоже свихнусь», — подумал секретарь.

Он пересек несколько соседних залов и оказался в комнате, приготовленной для профессора. Гжегож уже застелил там кровать и поставил маленький столик, умывальник, лампу, кувшин с водой.

Холявицкий взял лампу, перенес ее в старую кухню, водрузил на столик… и снова на мгновение замер, прислушиваясь.

Потом вернулся и отнес в старую кухню также постельное белье.

Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы снять с железной кровати ветхий заплесневелый плед и застелить матрас чистым бельем. Холявицкого не оставляло ощущение, будто менять что-либо в этом помещении опасно и безрассудно.

Тем не менее секретарь все-таки приготовил постель для профессора и перенес в кухню остальные вещи.

Прикрутил фитиль.

Еще раз взглянул на дрожащее полотенце и вышел из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь. Все действия он совершал словно бы кон-

чиками пальцев.

Возвращаясь к себе, Холявицкий остановился у одного из окон, выходящих во двор, и задумался. Иногда ему хотелось смеяться, как школьнику, а иногда на него накатывал глухой ужас, гораздо более сильный, чем если бы он собирался устроить на профессора обычное покушение с револьвером. То, что он делал, казалось секретарю князя одновременно жутко глупым и жутко страшным.

В сущности, предполагать, будто «кухонные призраки» сведут профессора с ума или погубят как-то иначе, было ребячеством и глупостью. Но у Холявицкого не хватило бы смелости самому разделаться с незваным гостем.

Эту школярскую каверзу — заставить профессора ночевать в старой кухне — он придумал от бессильной ярости, от ощущения собственной беспомощности. А вдруг с профессором и вправду что-нибудь случится? Если даже и не рехнется, как те двое, то, может, хоть испугается и потеряет охоту вмешиваться в замковые дела?

В любом случае этот эксперимент полезен. Движение полотенца и вправду производило поразительное впечатление… Если же со Сколинским ничего не произойдет, то Холявицкий, пока

профессор остается в замке, придумает другой способ избавиться от него, миром или силой.

Он спустился вниз и стал дожидаться Сколинского и Майю у входа в коридор. Те появились с опозданием, поскольку инсценировать отъезд профессора в Варшаву оказалось не так-то просто. Сколинскому пришлось отправиться на станцию в экипаже, а там уж нанять извозчика, чтобы вернуться в окрестности замка, где его ждала Майя. Девушка держала чемоданчик с вещами профессора.

— Тише, тише! — шептал Холявицкий, проводя их через залы. — Состояние князя опять ухудшилось. Вот ваша комната, профессор.

— Благодарю. Очень приятная.

— К сожалению, сейчас я не смогу составить вам компанию. Я должен неотлучно быть при князе. А вы немедленно приступайте к осмотру вещей, только тихо, да и со светом поосторожнее. Я приготовил вам поесть. Правда, с провизией у нас, к сожалению, туговато.

— О, я мог бы целый год прожить здесь на хлебе и воде! — пылко произнес Сколинский, открывая дверь в «музей».

Секретарь простился с Майей и пошел к князю. Тот спал.

С этого момента и до поздней ночи Холявицкий курсировал между комнатой князя и залами, где тихонько трудился профессор.

Секретарь торопил его, желая получить возможно более точные сведения о предполагаемых размерах наследства, и требовал конкретных цифр, хотя профессор объяснял, что ценность произведений искусства всегда относительна и зависит от состояния рынка и спроса. Холявицкий принес и спрятанные картины, которые ученый тщательно изучил при помощи имевшихся в его распоряжении инструментов.

Сколинский, глядя на полотна, мысленно потирал руки, восхищаясь собственной изобретательностью.

То, что он видел, превосходило самые смелые его ожидания. Он уже с полной уверенностью идентифицировал два произведения Йорданса, поражавшие мощью и свежестью красок, а также один пейзаж Мазаччо. Как все это сюда попало? Был ли кто-то из Гольшанских-Дубровицких ценителем искусства, или это просто поразительная случайность? Как давно картины находятся в замке?

Однако спустя некоторое время Сколинский ощутил усталость — изобилие окружавших его

произведений искусства утомляло. Профессору было хорошо известно это чувство пресыщения, которое порой посещало его в музеях, и по опыту он знал, что сопротивляться ему бесполезно.

Перед глазами повисла пелена, начала болеть голова. Сколинский решил, что ему пора хорошенько выспаться. Закрыл зал на ключ и отправился в приготовленную для него комнату. Сел на кровать и провел рукой по лбу и глазам. Зевнул.

Он был так утомлен, что даже гнетущая тишина замка не действовала ему на нервы.

Профессор встал, подошел к столику, прибавил в лампе огня, а потом снова сел на кровать и принялся развязывать шнурки.

Но вдруг он замер. В комнате что-то происходило. Он не знал, что именно, но был уверен, рядом что-то происходит! Какое странное ощущение! Сколинский огляделся.

Ничего. Белые стены, каменный пол, кухонная печь с большим вытяжным отверстием… И все же здесь что-то происходило… Это «что-то» угрожало не извне, а изнутри, оно находилось в самой комнате. Горло профессора вдруг сдавило пронзительным ощущением смутного омерзения, будто где-то неподалеку притаилось отвратительное

животное.

Но кухня была почти пуста, только в углу валялась на полу куча каких-то бумаг. Тем не менее Сколинский отчетливо ощущал: здесь что-то происходит, причем беспрерывно.

Он поднял одну из лежавших на полу газет. Это был старый номер «Варшавского курьера» — аж за 1923 год. На двух других газетах стояла та же дата.

Профессор опустился на колени и принялся разглядывать газеты, однако внезапно его охватил страх, что кто-нибудь может подкрасться к нему со спины. Сколинский поспешно вернулся на кровать, а страх его усилился настолько, что теперь профессор уже ни за что на свете не сдвинулся бы с места. Он боялся пошевелиться. Лоб его покрылся испариной.

Эти симптомы напугали Сколинского еще больше, поскольку сильный страх не имел под собой никаких рациональных оснований. Больше всего профессор боялся того, что боится.

«Почему я боюсь?» — тупо думал он.

Взгляд ученого скользил по комнате, обследуя каждый предмет. Более всего Сколинского заинтересовали бумаги в углу — там лежала стопка старых бухгалтерских книг и каких-то листочков.

Единственное место, которое невозможно было полностью разглядеть с кровати, — потому-то оно и привлекло внимание. Может, это самое «нечто» таится как раз под этим бумажным ворохом? Подойти к нему профессор не смел, но тем пристальнее всматривался в угол издали.

Он заметил высовывающийся из-под твердых переплетов бухгалтерских книг краешек тетради — обычной школьной тетради в клетку, исписанной карандашом. Сколинский страдал дальнозоркостью, поэтому без труда разобрал несколько слов, а именно:

…пока ничего не произош…

Остальное загораживали бухгалтерские книги. Он сумел прочитать лишь начало следующей строчки:

12:45. Все еще ничего…

Сколинский мгновенно проникся убеждением, что записи связаны с тем, что с ним сейчас творится. Сделал несколько решительных шагов, вытащил тетрадь и тут же вернулся на кровать.

Наверху было крупными буквами выведено:

Протокол

А ниже:

Протокол моего, Казимира Рудзянского, пребывания в старой кухне замка в Мыслочи 14 декабря 1923 года.

Я, Казимир Рудзянский, практикант на фольварке Промча в имении Мыслочь, узнав, что в старой кухне якобы «водится нечисть», чему абсолютно не верю, решил исследовать и прояснить ситуацию, связанную со слухами о привидениях.

Излагаю свои впечатления по двум причинам: во-первых, чтобы оставить в истории память о происходившем, а во-вторых, чтобы было чем заняться, так как спать я не могу, привидения не показываются, а газеты я уже все прочитал. Сейчас 12 часов и 20 минут, значит, час привидений уже прошел, но до сих пор ничего не произошло.

В таком вот слегка шутливом тоне были написаны еще несколько страниц «протокола». Профессор лихорадочно вчитывался в текст, страстно желая узнать, испытывал ли этот

человек пятнадцать лет назад такой же беспричинный страх. О, вот, нашел! После долгих рассуждений, в которых практикант Рудзянский доказывал, что «сверхъестественных явлений не существует в принципе», говорилось следующее:

Впрочем, я солгал бы, утверждая, что совсем не поддаюсь настроению. Напротив, я все время чего-то жду и, хотя стараюсь полностью сосредоточиться на своих записках, каким-то уголком мозга настроен на возможные «странности». Кроме лампы, я зажег две свечи в разных концах помещения, так что никто не сумеет одним махом погрузить меня в темноту.

К тому же у меня под рукой револьвер. Если какой-нибудь глупец отважится подшутить надо мной, я стану стрелять. Но каким образом кто-то может надо мной подшутить? Ведь я закрыл дверь и забаррикадировал ее столом, а в окно никто не влезет, потому что оно слишком узкое и высоко расположено.

На этом текст заканчивался. Остальные страницы были вырваны.

— Значит, здесь водятся привидения? — пробормотал профессор.

Он порылся в куче бумаг и спустя мгновение вытащил кусочки тетрадных страниц, исписанных тем же почерком. Но бумажные клочки были такие крохотные, что разобрать удалось лишь отдельные слова. Кто и зачем порвал страницы? На одном из этих клочков Сколинский заметил слово, которое сразу привлекло его внимание.

Это было слово «полотенце».

Полотенце дви…

Продолжение профессор отыскать не сумел.

Как это полотенце связано с «протоколом»? Сколинский оглядел комнату и моментально обнаружил в углу висевшее на крюке грязное, желтовато-серое полотенце с бахромой. Хотел подойти, но вдруг ему показалось, что… лучше не надо.

Кажется ему или полотенце в самом деле двигается? Сколинский положил бумаги на колени и довольно долго наблюдал за мерным подергиванием полотенца, напоминающим движения дождевого червя. Так вот где происходило то самое «действие», которое он ощутил, едва переступив порог комнаты! Полотенце и есть это

«нечто». Отвратительное зрелище. Чудилось, будто полотенце тошнит, но оно никак не может облегчиться. При этом рывки его были почти незаметны. Если бы не эти клочки бумаги, профессор, пожалуй, не обратил бы на него внимания.

Сколинского пробрала дрожь. Не будь его ужас столь живым и неподдельным, он предположил бы, что стал жертвой внушения. Но чувства, которые испытывал профессор, заставили его отнестись к ситуации со всей серьезностью.

Выйти из комнаты? Да, пожалуй, следовало бы выйти. И все же Сколинский медлил. Им овладело нежелание делать какие-либо резкие движения, он сидел тихо, стараясь занимать как можно меньше места, — и размышлял. Свет в комнате был приглушенным. Предметы — недвижны и безмолвны. Профессора словно парализовало. Кажется ему или движения полотенца и впрямь сделались более заметными? То, что оно действительно движется, уже не подлежало сомнению.

И это движение было… злым… да, вне всяких сомнений, злым.

Профессор — человек глубоко верующий, но не склонный повсюду отыскивать проявления злого духа. Он не раз участвовал в спиритических сеансах, и ему случалось видеть удивительные

явления, которым, однако, он не приписывал сверхъестественной природы. Но то, что медленно и незаметно назревало в этой комнате, в корне отличалось от спиритических сеансов.

Во время столоверчения он ощущал присутствие некой жуткой, но чисто механической силы. Там происходили странные вещи, но они не были ни злыми, ни добрыми… Теперь же профессор чувствовал конкретную и безумную злобу, таящуюся где-то у стены.

В воздухе витали ненависть и мерзость, висела явная и беспощадная угроза. Неужели это в самом деле какие-то дья…

Сколинский с изумлением обнаружил, что… боится даже мысленно произнести это слово. Здесь, в этой комнате, оно казалось настолько отвратительным, что он не мог его выговорить… И осознание этого ужаснуло ученого. Неужели он настолько утратил контроль над собой, что сделался суеверен и боязлив, точно крестьянин?

— Дьявольским, — прошептал профессор просто ради того, чтобы преодолеть себя. — Дьявольским. — И несколько раз повторил, словно пытаясь превозмочь нарастающий страх: — Дьявол, дьявол, дьявольским, дьявольским.

Но тут его охватила паника стократ более силь-

ная. Сколинский увидел себя со стороны — как он сидит на кровати и дрожащими губами повторяет это слово, в котором будто бы слышится некий вызов. А может, ему подсказали это слово? Не к тому ли вела вся последовательность событий в этой комнате? И профессор еще больше ужаснулся своему страху — тому, что теряет самообладание и поддается необъяснимой панике.

— Спокойно, — прошептал он. — Спокойно.

Сколинский снова осторожно, словно в каком-то оцепенении, оглядел комнату.

Все пребывало в покое и тишине, вокруг ничего не изменилось — только полотенце «трудилось» в углу, съеживаясь, дрожа, напрягаясь. Теперь его движения стали совершенно очевидными и не могли быть объяснены никакими объективными причинами. Казалось, грязная тряпка осмелела и действовала уже в открытую. В этом было некое бесстыдство. И в то же время судороги этого мерзкого вздрагивающего куска ткани удивительно напоминали поведение медиума во время спиритического сеанса… А еще — муки роженицы. Словно полотенце хотело что-то извергнуть из себя, что-то родить. Но не это было самым страшным.

Со светом тоже начало твориться нечто непо-

нятное.

Хотя огонь в лампе горел, как и прежде, профессор вдруг совершенно явственно почувствовал, что кто-то стремится погасить его. Кто-то? *Кто?* Сколинский ощущал кого-то… чье-то присутствие. Вероятно, это было самовнушение, но профессор был готов поклясться, что в комнате, кроме него, находится кто-то еще, и он даже мог бы указать, где именно.

А может, выбросить это полотенце? Взять его в руки и выкинуть?

Нет, лучше не надо.

Тогда — выйти отсюда? Встать и выйти…

Да, но лучше не надо.

Сколинский сидел на кровати тихо, как мышь. Двигаться становилось все труднее. Казалось, любой резкий жест немедленно привлечет к нему внимание. Он только лихорадочно перебирал пальцами клочки «протокола». Ах, чего бы он только не дал, чтобы узнать, чем все закончилось с тем человеком, который пятнадцать лет назад так же сидел на кровати… и ждал!

Но понять из этих обрывков можно было мало.

…1 ч. 40 мин…
…животное…

…парализован…
…подул…
…сюда ещ…
…боюсь…
…черное, черно-синее и пр…
…двигаюсь, взд…

Сколинский дал волю воображению. Попытался по этим клочкам представить то, что его ждет. Что означало это «двигаюсь»? Животное? Черное животное? Или эти слова вообще не были связаны? Уйти! Бежать! Боже мой! И тут его охватил ужас столь всепоглощающий, что он попросту оцепенел. Профессор понял, что уже слишком напуган, чтобы бежать.

Теперь он был в состоянии только сидеть… и ждать. Уподобился птице, загипнотизированной удавом, — не мог сдвинуться с места.

Две или три минуты, которые профессор только что пережил, были, вероятно, самыми жуткими за всю его жизнь. Чудовищное бессилие, сдавленное горло, ледяной холод, сгорбившаяся спина, почти паралитическое напряжение мышц — и вместе с тем сознание, что нет никакой надежды на спасение, что он отдан на растерзание чему-то… и должно произойти то, что должно.

Последним усилием воли Сколинский вскочил и выбежал вон. На пороге ему показалось, будто что-то вылетело из угла и бросилось за ним, но оглядываться профессор не стал и захлопнул за собой дверь.

Как только он оказался вне стен мрачной комнаты, напряженные до предела нервы погнали его вперед. Сколинский промчался через темный зал и еще какие-то покои — лишь бы оказаться подальше — и наконец, совершенно обессилевший, опустился на пол, привалившись к стене.

Весь замок теперь казался ему обиталищем нечистой силы, и из тьмы глядел на него страх. Прошло минут сорок, прежде чем Сколинский сумел слегка успокоиться.

Он чудовищно устал. Склонив голову на руки, полулежа на холодных камнях, профессор размышлял о том, как бы немедленно сбежать из замка, когда вдруг услыхал тихие шаги в соседней галерее.

Сколинский выглянул за дверь. В конце галереи, там, где находилась маленькая винтовая лестница, ведущая в один из залов, он увидел сгорбленную фигуру Холявицкого. Секретарь был в брюках и рубашке, но босиком. Он несколько раз прошелся туда-сюда, а затем остановился,

опершись локтем о стену.

Казалось, он прислушивается. Ага! Теперь профессор понял, зачем Холявицкий оставил его в замке и поселил на ночь именно в этой комнате.

Сколинскому стало смешно. Воспользовавшись моментом, когда секретарь исчез в глубине коридора, он поспешил удалиться в противоположном направлении. Ориентироваться в лабиринте извилистых переходов было безумно сложно. Профессор мечтал найти какое-нибудь безопасное убежище и какую-нибудь мебель, чтобы скоротать время до утра и немного отдохнуть. Только с рассветом можно будет выбраться из замка, никого не разбудив и не вызвав переполоха.

Он углубился в узкий, очень темный коридор. Миновал какую-то нишу — и вдруг отчетливо осознал, что кто-то следует за ним по пятам.

Профессор замер. Нет, это не мог быть Холявицкий. Тогда кто же? Сколинский ждал, затаив дыхание…

Тот, другой, тоже ждал.

Профессор двинулся вперед — и тот тоже двинулся. Он ускорил шаг — и преследователь поступил так же. Сколинский слышал его дыхание. Когда профессор резко свернул в боковой

зал, неизвестный тоже свернул туда.

Но во всем этом было нечто нелепое, безумное или… пьяное. Движения неведомой фигуры казались неуверенными, нескоординированными, порывистыми и вместе с тем шаткими, словно у маленького ребенка.

Так человек ли это? Профессор снова почувствовал отвращение и ужас, сдавившие ему горло, — и тут фигура вдруг настигла его и липкой ладошкой схватила за руку.

В этот самый миг преследователя сотряс приступ старческого сухого кашля.

Кашель Сколинскому был знаком. Он уже слышал его в поезде. Это же князь, догадался профессор.

Тем временем старик, судорожно сжимавший его руку и отчаянно пытавшийся справиться с приступом кашля, уткнулся головой в пиджак Сколинского. В конце концов князь смог заговорить.

— Кто ты?! — допытывался он, вцепившись в профессора. — Кто ты такой?!

Гольшанский дрожал. В слабом свете, падавшем из окна, профессор разглядел его лицо и понял, что перед ним законченный безумец. Он тревожно, напряженно всматривался в Сколин-

ского и угрожающе грозил ему пальцем.

— Князь, не бойтесь, — мягко сказал профессор. — Успокойтесь, прошу вас!

— Кто тебя прислал?

— Никто меня не присылал.

— Не лги. Признайся, тебя прислали… Ну же, подай знак, подай мне знак! Это он тебя прислал. Подай знак!

— Какой знак?

— Я все сделаю! Все исполню, — шептал он горячо, — только подай знак, чтобы я знал, что это от него! Я ждал столько лет!

— Не знаю я никакого знака!

— Неправда! Я видел прошлой ночью! Он явился мне. Я уверен, что он сжалился надо мной. Подай знак и скажи, что он простил меня, что это конец, что он освобождает меня, что не станет больше мучить…

— Князь, успокойтесь, — сказал профессор, стараясь говорить мягко и убедительно. — Вам следует успокоиться. Я самый обычный человек. Меня пригласил в гости пан Холявицкий. Я немного засиделся, но уже ухожу. Вот прямо сейчас и ухожу.

— Холявицкий? Тебя пригласил Холявицкий? Ах, так это секретарь?! Значит, ты покушаешься

на мою жизнь? Признайся, покушаешься? Тебе нужна моя жизнь, да? Понятно… явился сюда по зову секретаря… И при этом утверждаешь, будто не покушаешься на мою жизнь? — Князь то судорожно отталкивал его, то притягивал к себе, впиваясь пальцами в запястья.

— Но князь, успокойтесь, я почти не знаю пана Холявицкого.

— Это законченный негодяй, — внезапно совершенно другим тоном произнес безумец и неожиданно почти отеческим жестом привлек к себе профессора. — Если ты его не знаешь, то берегись!

— Но зачем ему ваша смерть, князь? — словно бы между прочим поинтересовался профессор.

— Зачем? Вот так вопрос! Все очень просто: потому что я не хочу умирать. Ему здесь скучно, хочется поскорее… поскорее… ну, не важно, что именно. — Князь игриво подмигнул Сколинскому. — А я все никак не умру! Впрочем, здесь и правда довольно скучно, печально, мрачно, темно и даже страшно, так что не стоит удивляться, если молодой, элегантный, красивый, светский человек… Но я не могу покинуть замок.

— Почему?

— Не могу. Не могу — до срока. Здесь кое-что

происходит… Я должен присутствовать. Здесь совершается одно дело… одно дело… вон там, там! — Князь указал в сторону старой кухни. — И я должен присутствовать… до самого конца… до последнего вздоха… пока меня не освободят… Но признайся, что тебе известно больше моего! Зачем ты притворяешься?! Признайся, что это он тебя прислал! Подай знак! Зачем ты меня мучаешь? — закричал Гольшанский в отчаянии. — Разве он не понимает, что если заставит меня ждать еще и еще, то Генрик убьет меня, просто от скуки? Неужели ему нисколько меня не жаль? Передай ему это — передай от меня!

Князь оттолкнул профессора и, застонав, скрылся в полумраке анфилады залов.

Занимался бледный рассвет, разгоняя сгустки тьмы, еще прятавшиеся по углам и нишам. Так и не встретив Холявицкого, профессор вернулся в старую кухню. При утреннем свете помещение выглядело даже уютным. Ночные происшествия показались Сколинскому нелепой выдумкой. Он потушил лампу, снял с кровати матрас, перенес его в одну из дальних комнат, лег, не раздеваясь, и, совершенно обессиленный, почти сразу уснул.

Профессор был так утомлен, что даже не подумал о том, что произойдет, если секретарь

обнаружит его временное ложе. К счастью, проспал он недолго и проснулся спустя всего несколько часов. Было восемь утра.

Сколинский поспешно вернулся в старую кухню, улегся, превозмогая отвращение, на кровать и стал ждать прихода Холявицкого. Он решил уверить секретаря, будто провел здесь всю ночь.

Глава VII

Ночью Холявицкий то и дело наведывался к старой кухне в ожидании чего-то ужасного, что должно произойти за этой дверью. Его рассудок метался между абсолютным неверием и странной, необоснованной убежденностью, будто что-то все же непременно случится.

Но когда к середине ночи в страшной комнате ничего не произошло, секретарь окончательно разуверился и, разозленный тем, что пошел на поводу у детских фантазий, разделся и уснул, предварительно опрокинув несколько рюмок водки.

Около девяти его разбудил старый Гжегож.

— Как там дела, Гжегож? — спросил секретарь. — Профессор уже встал?

— Еще спит… в старой кухне.

Камердинер бросил на Холявицкого странный взгляд.

— Чушь! Гжегож, ты что, веришь в эти бредни?! Я устроил его на ночь в этой комнате, потому что там гораздо более уютно и… крыс нет.

— Да я ж ничего не говорю.

Секретарь оделся и пошел навестить профессора.

— Хм… что же там произошло? — пробормотал он, стуча в дверь и терзаемый жутким любопытством.

— Войдите, — раздался голос Сколинского.

Он сидел на постели — в смятой одежде, с растрепанными волосами и с совершенно измученным лицом. При виде Холявицкого гость заморгал и провел рукой по глазам.

— Как спалось? — любезно поинтересовался секретарь.

— Уже утро?

— Еще бы! Уже почти половина десятого.

— А, половина десятого. Да я не спал. Совсем. Ага, значит, уже утро.

— Вам нехорошо?

Холявицкий с интересом вглядывался в изменившееся лицо Сколинского. Секретарю показалось, будто оно, обычно подвижное и жизнерадостное, исчезло бесследно, оставив вместо себя усталую апатичную маску, совершенно лишенную всякого выражения.

— Сейчас вам подадут завтрак.

— А, завтрак? Я могу и не есть. Впрочем, не важно.

Наконец секретарь не выдержал.

— Ночью… что-то произошло? — спросил он. — Что с вами, профессор?

— Нет… Со мной ничего не случилось. То есть… Хотя не важно.

— Что именно?

— Ничего, — отрезал Сколинский.

— Вы сейчас будете осматривать картины?

— А, картины… Я и забыл. Может, и буду. Не важно… Разве что вечером.

Это наводило на размышления. Профессор перестал интересоваться картинами. Значит, что-то все же произошло. Да, он не сошел с ума и не умер, но производил теперь впечатление человека потрясенного, оцепеневшего, оглушенного каким-то ужасным переживанием.

Секретарь украдкой взглянул на полотенце. Оно слегка шевелилось, пребывало в беспокойстве. Подобное беспокойство царило также и в душе Холявицкого.

«Что-то он точно видел», — подумал секретарь.

Он не хотел проявлять излишнюю настойчивость. Тем более что было ясно — профессор ничего не расскажет. Это его тайна.

— Если вам здесь неудобно, можете перебраться в другую комнату… — сделал секретарь еще

одну попытку.

Но Сколинский апатично отвечал:

— Нет… Я останусь здесь.

Холявицкий тщетно ломал голову над этой загадкой. Если профессора ночью действительно что-то напугало, он должен был с радостью согласиться на предложение сменить комнату. Но возможно, он из любопытства хочет проверить свои ощущения? Ведь и те двое ночевали здесь именно из любопытства. А может, он настолько ошеломлен и разбит, что ему действительно сделалось все равно?

В любом случае замысел оказался не таким уж глупым. Кто знает, может, через несколько ночей профессора постигнет участь тех, что сошли здесь с ума.

Невероятно взволнованный, секретарь вернулся к себе. Теперь он был убежден, что в старой кухне и впрямь «водится нечисть». Холявицкий решил зайти к князю, чтобы убедиться, не заметил ли старик чего-нибудь.

И застал того в отличном настроении, за утренним кофе.

— А, Генрик… Как поживаешь? Сегодня я должен заняться наведением порядка! Сегодня или никогда! Нужно разобрать эту гору хлама. Вот

только… как ты думаешь, голубчик, с чего бы мне начать?

В его голосе было столько лукавства, что Холявицкий снова подумал, будто князь лишь притворяется сумасшедшим. Поговорив с ним несколько минут, секретарь ушел, убедившись, что присутствие профессора в замке пока осталось незамеченным.

…Тем временем лицо профессора, стоило Холявицкому уйти, изменилось до неузнаваемости. Сбросив маску апатии и оцепенения, старик удовлетворенно присвистнул. Получилось! Притворство возымело желаемый эффект. Секретарь сбит с толку.

Сколинский боялся, что тот выгонит его из замка, увидев здоровым и невредимым. Поэтому постарался убедить секретаря, будто яд страшной комнаты действует, просто медленнее, чем можно было ожидать, и что злые силы уже вызвали в нем некоторое психическое расстройство. Профессор надеялся, что благодаря этой невинной хитрости ему удастся задержаться в замке еще на несколько дней. И не только из-за антиквариата.

Сколинский подозревал — нет, он был уверен! — что со стороны секретаря князю действительно угрожает серьезная опасность и что

бедный старый безумец отчаянно нуждается в помощи. А кроме того — что за тайна его терзает? Что произошло в той комнате? Все это следовало прояснить, а возможно, и принять меры. Ведь и Майя тоже зависела от Холявицкого — она была его невестой, собиралась связать с этим мутным типом свою жизнь.

Секретарь даже не подозревал, какого ярого врага обрел в лице добродушного историка искусства, который в обычных условиях и мухи бы не обидел. Внезапно профессор вновь напустил на себя ошеломленный вид, глаза его потухли, губы уродливо скривились. Кто-то приближался.

В дверях появился Гжегож и предусмотрительно остановился на пороге.

— Завтрак подан, — доложил он, упорно глядя себе под ноги, обутые в какие-то допотопные туфли.

— Где? — едва слышно прошептал профессор.

— Там. Я накрыл в той зале.

Гжегож, стоя у профессора за спиной, смотрел, как он ест, — смотрел с восхищением, словно Сколинский вернулся с того света. Надо же, переночевал — и ничего с ним не случилось! Хотя… Не стоит спешить с выводами! Движения у него вялые, жует с трудом, потирает рукой лоб… Ви-

дать, что-то ему там все же явилось, не обошлось в старой кухне без какой-то чертовщины…

Гжегож незаметно перекрестился, но любопытство взяло верх.

— Как спалось вашей милости? — любезно поинтересовался он. Не получив ответа, откашлялся и через мгновение задал еще один вопрос: — Так пан секретарь говорил вашей милости про ту комнату?

Сколинский расслышал в его интонациях глубоко запрятанные подозрительность и неприязнь. Неужто старый слуга недолюбливает секретаря? В таком случае этот престарелый камердинер и, вероятно, друг князя мог бы стать ему союзником.

Профессор посмотрел на него тусклым взглядом и прошептал, словно бы ни к кому не обращаясь:

— Ничего не говорил, совершенно ничего.

— Вот так дела! — вырвалось у Гжегожа, и он вытер лицо огромным клетчатым платком. — Так вы не живите там больше, ваша милость! — выпалил он. — Там нехорошо! А пан секретарь недоброе замыслил, ох недоброе!

— Если бы вы знали, что я пережил этой ночью, — сказал профессор, — вы бы тут же поседели.

Не самый удачный риторический оборот, ибо Гжегож и так был сед как лунь, однако вялый голос Сколинского явно произвел на камердинера впечатление.

— А что? — прошептал он. — Что видели-то?

В Гжегоже боролись желание узнать и страх. Он беспрестанно крестился, но при этом глаза его округлились от любопытства.

— Что я видел, — торжественно произнес Сколинский, — того я никому и никогда не открою, до самой гробовой доски!

— Хорошо еще, что чего похуже не случилось, — пробормотал Гжегож. — А я вам сейчас вот что скажу: это все пан секретарь устроил. Я приготовил для вас другую комнату, а пан секретарь глубокой ночью перенес постель в эту проклятую кухню. Ваша милость, вы будьте осторожны, я не хочу, чтобы это было на моей совести. У пана секретаря, видать, есть свои причины злоумышлять против вас, раз он так поступил. Только не говорите ни князю, ни ему, что я вам это сказал, а то меня сразу выгонят.

Было ясно, что Гжегож разрывается между двумя страхами: с одной стороны, он боялся Холявицкого, с другой — еще больше — привидений. Сколинский решил сыграть в открытую.

— Гжегож, — сказал он, — послушайте меня внимательно. О том, что я видел ночью, я не расскажу потому… потому что это тайна. Но я уже знаю, что пан секретарь замышляет недоброе против князя. Мы должны спасти вашего хозяина, а этого негодяя нужно прогнать, выставить вон из замка!

— Я в эти дела мешаться не стану.

— А я вам советую вмешаться, потому что это и для вас может плохо кончиться. Разве вы не понимаете, что если кто-то рядом с таким страшным местом замышляет зло, то он все равно что разводит огонь у пороховой бочки?

— А что? Там и впрямь нечистый шалит?

И тут профессор понял, что ночь, проведенная в ужасной комнате, дает ему практически неограниченную власть над душой камердинера.

— Гжегож, не любопытствуйте понапрасну. Скажу лишь вот что: сейчас привидение появляется только в одной этой комнате, но зло легко может распространиться по всему замку.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа…

Никогда прежде старый камердинер не боялся, что призраки заглянут и в его комнатку на первом этаже, но теперь Сколинский представился ему посланником потустороннего мира, которо-

му доверена важная и трудная миссия.

— Да! Да! — чуть не во весь голос воскликнул Гжегож. — Раз так, я не против помочь. Конечно! Конечно! Зло надо выжигать каленым железом! Черт побе… то есть я хочу сказать, столько лет никаких хлопот с этими привидениями не было — и вот на́ тебе!

— Именно. Секретарь — злой человек, и он не просто связался с этими темными силами, но еще и науськивает и подстрекает их. Если с Божьей помощью нам не удастся ему помешать, он еще больше преуспеет в своих намерениях, и тогда тут такое начнется!

— Я все сделаю! Все!

Сколинский задумался.

— Давно вы в замке?

— Ой, да уж лет пятьдесят тому будет. Покойный князь меня еще мальчонкой взял.

— Тогда вы, наверное, много чего знаете. Расскажите мне, с каких пор в той комнате появляется привидение и почему. И отчего князь повредился в уме. Это ведь, похоже, одно с другим связано, а?

Бледный как полотно камердинер мрачно ответил:

— Расскажу. Все расскажу, как на исповеди. Никому никогда не говорил, а вам скажу, и да хранит

меня рука Божья! Только не сейчас, потому что сюда может зайти пан секретарь. Я придумаю, когда и где мы сумеем спокойно поговорить. А теперь мне пора — служба.

Он взял поднос с посудой и исчез за дверью. Сколинский испытал чувства, подобные тем, что недавно терзали Холявицкого. Он тоже метался между ужасом и ощущением нелепости. Вся эта история выглядела бы до крайности несуразной, если бы не пугающая реальность сверхъестественных сил. Ибо анормальные корчи и дрожание полотенца являлись неоспоримыми фактами, которые можно было подтвердить в любой момент… И его тоже охватывало глубокое беспокойство при мысли, что он беспечно играет с этими силами, пугая ими Гжегожа и пытаясь разгадать их с князем тайну. Но сознание того, что он действует из добрых побуждений, помогало профессору противостоять злу, в то время как у Холявицкого, напротив, не было никакой защиты от всего того недоброго, что он сам же и пробудил.

В ожидании Гжегожа профессор занялся осмотром антиквариата, готовый в любой момент — как только появится Холявицкий — напустить на себя апатичный и ошеломленный вид.

Но скоро энтузиазм знатока совершенно в нем угас, и даже самые интересные находки не смогли пробудить его вновь. В конце концов Сколинский заснул в большом голландском кресле, и его храп наполнил барочно-ренессансный зал, заставленный разнообразными бюро, секретерами, шкафами и столами с бесчисленными ножками и сплошь завешанный коврами, гобеленами и картинами.

Глава VIII

Холявицкий несколько раз заглядывал в зал, но, видя, что профессор спит сном измученного до последней степени человека, тихо удалялся. Он с нетерпением посматривал на часы. Секретарь договорился с Майей, что она придет в замок в пять вечера, но было уже почти шесть, а девушка все не появлялась.

Что могло случиться?

Секретарь вновь почувствовал укол ревности, на время притупившейся из-за стремительного развития событий в замке. Это было невыносимо — сидеть здесь, как в тюрьме, и знать, что она разгуливает на свободе, — да еще и, возможно, с Лещуком! Холявицкий прикрыл глаза и увидел их вместе — столь «похожих» друг на друга, столь гармонирующих друг с другом, что он даже вздрогнул. Покидать замок ему сейчас нельзя — из-за профессора, из-за князя, из-за той комнаты… но что, если заскочить в Полыку всего на какой-нибудь час? За такое короткое время ничего здесь не случится. Тем более князь тоже спит.

Холявицкий велел седлать лошадь и через

двадцать минут уже был возле Полыки. Выехав из леса на большую поляну, за которой чернел усадебный парк, он пустил взмыленную лошадь шагом вдоль опушки, чтобы остыла, — не стоило привлекать к себе излишнего внимания.

Вдруг секретарь заметил Лещука, который вышел из парка и теперь наискосок, через луг, направлялся к лесу.

Холявицкий резко развернул лошадь. Им овладело желание еще раз взглянуть на этого парня. Убедиться, в самом ли деле существует это пресловутое сходство. Проверить свои впечатления. Желание оказалось настолько сильным, что жених Майи, не обращая внимания на ветки, бившие его по лицу, хлестнул лошадь и проехал чуть дальше.

Остановившись за кустами, он стал наблюдать. Вскоре появился Лещук. Молодой человек явно пребывал в задумчивости. Он шел, насвистывая, опустив голову и сунув руки в карманы, и Холявицкий ясно видел, что «сходство» есть и что каждый жест, каждый взгляд, не будучи точной копией, все же отсылает к Майе, связан с Майей… О, это было невыносимо! Секретарь неотрывно смотрел на своего соперника, пока тот не скрылся за деревьями.

Он уже хотел было повернуть обратно к Полыке, как вдруг в глубине леса заметил Майю. Девушка шла осторожно, но быстро — вслед за Лещуком.

Холявицкий спрыгнул с лошади, привязал ее к дереву и двинулся за этой парой. Так вот почему Майя не приехала в замок! У нее какие-то дела с Лещуком!

В сосновом бору куковали кукушки. Майя ускорила шаг, сделала крюк, обогнала Лещука и повернула обратно. Секретарь понял ее маневр. Девушке просто хотелось — якобы случайно — встретиться с ним в лесу.

Вот так Холявицкий и оказался безмолвным и утратившим надежды свидетелем их свидания. Майя вышла из леса навстречу Лещуку. Оба остановились. Холявицкий не мог слышать, о чем они говорили. Это продолжалось несколько минут, на протяжении которых девушка кончиком туфельки чертила на песке какие-то фигуры. Потом они вместе медленно двинулись в сторону дома.

Секретарь следовал за ними — с отчаянием в сердце.

Последние его сомнения рассеялись. Ведь в глубине души он до сих пор не верил в то, что Майя действительно могла заинтересоваться

Лещуком, он рассчитывал на ее честолюбие и даже на то, что ей окажется сложно общаться с парнем, с которым можно обмениваться разве что ударами на теннисном корте, но никак не мыслями и чувствами! Секретарь не предполагал, что Майя способна на такое. И тем не менее видел все собственными глазами.

Они шли рядом, будто давние знакомые. Никогда еще их таинственная общность не была столь очевидна: удивительная согласованность движений, мучительное сходство манеры поворачивать голову… словно кто-то управлял разом ими обоими. Холявицкий был уверен, что Майя счастлива, — безумно ревнуя, он убеждался сейчас в том, что она в сто раз счастливее с Лещуком, чем когда-либо бывала с ним.

И в то же время секретарь с изумлением понимал, что инициатива принадлежит именно Майе. Как же так? Неужели его невеста настолько не может совладать с собой, что сама соблазняет парня? Майя что-то ему объясняла, небрежно шагая рядом, — и ее смех волновал, возбуждал воображение.

Жених страдал! Майя всегда привлекала его своим современным воспитанием, смелостью выходок, «трезвостью» восприятия, и вот сей-

час Холявицкий чувствовал, что получает по заслугам.

Ведь это он сам подорвал в ней все моральные устои, это он учил ее искать кратчайший путь к счастью. И дождался: теперь она вынуждает его соревноваться с Лещуком! Холявицкий был невероятно чувствителен к светским условностям. Сам по себе флирт он бы Майе простил, но… с тренером?!

Однако жених Майи удивился бы еще больше, если бы мог слышать ее разговор с Лещуком.

— Там есть, например, всякая мелочь, миниатюры, — осторожно говорила она, не поднимая глаз. — Целый шкаф с миниатюрами.

— Миниатюры — это такие маленькие картинки? — уточнил Лещук.

— Да. А еще есть серебряные и позолоченные кубки. И столовое серебро. Ножи с перламутровыми рукоятками. Множество ценных мелочей.

Она остановилась.

— Мне придется сказать жениху, чтобы он нанял на ночь сторожа. Замок совершенно не охраняется. Лучшее доказательство — то, что вы добрались аж до комнаты князя и никто вас не остановил. Хотя князь не терпит никаких сторожей… Безвыходная ситуация.

Лещук не ответил. Что все это значит? Неужели она уговаривает его снова отправиться в замок? Он искоса взглянул на девушку. Та улыбнулась какой-то странной улыбкой…

Их отношения складывались так бурно и одновременно загадочно, что трудно было что-либо понять. Он начал подозревать, что Майей движут какие-то тайные намерения.

Иногда Лещуку казалось, что она над ним издевается.

А иногда — что вовсе нет, даже наоборот…

Несмотря на «сходство», беседы с ней ужасно смущали парня. Пока они играли в теннис или молча шли рядом, все было превосходно и между ними царило полное взаимопонимание; но стоило начаться разговорам, как сразу возникали преграды и недомолвки.

— Я сама себя порой на этом ловлю… что мне хочется что-нибудь оттуда унести, — внезапно вполголоса, едва сдерживая нетерпение, проговорила Майя. — Тогда у меня появились бы деньги. Взять что-нибудь — и дело с концом. Ни от кого больше не зависеть. На всю жизнь хватило бы!

— Мне бы хотелось жить честно, — ответил, словно защищаясь от нее, Лещук. Девушка улыбнулась.

Лещук не мог объяснить ей, что это недоразумение, что Майя зря считает его вором, что если тогда он и хотел взять деньги из шкафа, то не ради наживы, а чтобы отомстить ей, — но нет, ничего этого он сказать не мог!

— Я не такой, как вы думаете.

— Я знаю, какой вы!

— Откуда вы знаете?

— Вы забываете, что… мы очень похожи. Все так говорят. Я знаю, какой вы… потому что знаю, какая я.

Он взглянул на ее смуглое лицо и маленькое ухо. А если так и есть? Если Майя права? Но разве эта элегантная барышня из высшего общества может быть способна на всякие сомнительные махинации? А вдруг может? Ведь она похожа на него. И ведет себя странно — уж точно не как обычная барышня с высшим образованием. Хорошо, но что с того, что она на него похожа? Ведь он не преступник. Да, но, с другой стороны, ведь и он похож на нее. Значит, если она вызывает подозрения, то и он тоже. А если он подозрителен, то и она… У Лещука уже голова шла кругом.

Ко всему прочему он не мог отделаться от ощущения, что Майя либо издевается над ним, либо хочет обмануть, и порой думал, что она испы-

тывает к нему скорее ненависть, чем симпатию. Что-то такое порой вспыхивало в ее глазах — надменное, яростное… Появлялась та же дикая ожесточенность, направленная против него, которую Лещук заметил тогда на корте.

Тем временем Майя, которая украдкой наблюдала за парнем, думала: «Да, его нетрудно будет уговорить на что угодно».

Ей хотелось наконец узнать, какой он на самом деле. Лещук не был с ней свободен и откровенен. Скрывал свою истинную натуру. Потому-то, чтобы развязать ему язык и одновременно испытать, Майя и начала его провоцировать.

Но, провоцируя и соблазняя Лещука, она провоцировала и соблазняла также себя самое. Майю, авантюристку по натуре, привлекала идея ограбить замок, хотя, разумеется, она никогда бы этого не сделала. Однако было в этом нечто… доставлявшее ей удовольствие. Девушка искоса взглянула на Лещука.

И вдруг вздрогнула.

Юноша выглядел как-то иначе, не так, как всегда.

Что-то изменилось в его лице. С ходу Майя не сумела понять, в чем заключалась перемена, и осознала это лишь спустя несколько мгновений:

губы у него стали сизыми. Почти черными. Нет, это не было обманом зрения. И губы не пересохли, как при лихорадке, — нет, они действительно были мерзко-сизыми, словно накрашенными. Майя никогда прежде не видела ничего подобного.

— Вы больны? — спросила она.

— Почему?

— Посмотрите.

Девушка достала зеркальце. Лещук разглядывал себя с любопытством и отвращением. Майя тоже чувствовала непреодолимое омерзение. Это было дико. Жестоко. И возбуждающе.

— Такое со мной уже второй раз, — сказал он.

— Как — второй?

— Вчера утром тоже так было, когда я брился. Наверное, какая-то зараза.

— Вы плохо себя чувствуете?

— Да нет, хорошо… Не знаю, от чего это может быть. Я люблю грызть всякие травинки, когда гуляю. Может, в этом дело.

Юноша смутился… Обоих охватило беспокойство, и они ускорили шаг. Майя с облегчением заметила, что губы Лещука приобретают обычный цвет и сам парень становится таким, как обычно. Что же это было?

Они уже подходили к усадебному парку. В этот

момент в воротах появился советник Шимчик, а за ним обе дамы — докторша и чиновница, — а также пани Охоловская. Последняя с весьма несчастным и принужденным видом слушала более или менее прозрачные намеки и упреки. «Помещица» и рада была бы вовсе отказаться от прогулок, однако это, вне всяких сомнений, сочли бы проявлением высокомерия и пренебрежения. Поэтому, несмотря на многочисленные хозяйственные хлопоты, пани Охоловская ежедневно после обеда гуляла с постояльцами.

А те отчаянно скучали. Оторванные от повседневных трудов и вынужденные бездельничать, эти люди, оказавшись под одной крышей, не знали, чем себя занять. Развлекаться они не умели. А потому посвящали время тому, что обижались, дулись и раздражались друг на друга.

Докторша, полагавшая, что чиновница слишком уж сухопара, со свойственной ей непосредственностью дала спутнице это понять.

— Ах, милочка, вам нужно больше есть, а то вы худая… как щепка.

Чиновница почувствовала себя задетой — не столько констатацией худобы, сколько сравнением со щепкой. Она сочла, что докторша бестактна, и тоже не полезла за словом в карман:

— Я опасаюсь слишком сильно поправиться, ведь толстяки порой делаются слишком… тяжелы для окружающих.

— Да я же от чистого сердца! — возмущенно воскликнула докторша. — Я к вам со всей душой, а вы язвите! Недаром говорят, что худоба вызывает желчность. Вы меня просто удивляете!

— А вот вы меня совершенно не удивляете! — ответила чиновница, не без иронии оглядывая свою излишне пухлую собеседницу. — Трудно держать себя в руках, когда… растекаешься во все стороны. Не правда ли? — обратилась она к пани Охоловской.

— Простите, я не слышала, о чем вы говорили, — смущенно ответила хозяйка, не желая вмешиваться в спор.

— Вы всегда витаете в облаках, далеко от своих гостей, — отреагировала чиновница подчеркнуто приторным тоном.

— Побойтесь бога! Да пани Охоловская небось сыта по горло нашим обществом, — воскликнула с обычной своей прямотой и непосредственностью докторша. — Разве можно предъявлять к ней такие требования?! Кто мы ей — родственники или дорогие гости?

— Дамы, вы совершенно не умеете общаться, —

с упреком заметил советник Шимчик.

Это веское заявление заставило собеседниц умолкнуть. Однако обе постоялицы обиделись на пани Охоловскую, не поддержавшую никого из них. Что же до докторши, то она, оскорбленная до глубины души, еще и строила планы мести. Докторша давно заметила на спине у чиновницы ужасные прыщи, которые просвечивали сквозь легкую блузку, и несколько раз порывалась сообщить ей об этом «в ее же интересах» — но до сих пор воздерживалась. И вот теперь она решила наконец дать волю своей непосредственности.

— А у вас, милочка, видны *пры*... — начала она певуче, но тут вдруг все заметили на тропинке Майю с Лещуком. Дамы многозначительно переглянулись. Похоже, назревает скандал. Бедная Охоловская! Неужели она ничего не видит?!

— Вы снова прогуливались? — со значением поинтересовалась чиновница, покосившись на пани Охоловскую.

Майя медленно подошла, крутя в руках перочинный ножик. Лещук остановился в некотором отдалении.

— А вы снова об этом спрашиваете? — высокомерно процедила девушка. В ее голосе звучало такое великосветское презрение, такая очевид-

ная уверенность в том, что она, Майя, не обязана считаться с мнением этой дамы, что на лице чиновницы выступили розовые пятна.

— Каждый выбирает общество согласно своим вкусам и предпочтениям! — ответила она.

— Именно. И я полагаю, что было бы слишком жестоко препятствовать тем, кто стремится… в лучшее общество! — Майя окинула чиновницу взглядом, не оставлявшим сомнений в том, кого она имела в виду, а затем обратилась к матери: — Тебе не холодно, мама?

— Майечка, — прошептала пани Охоловская, — иди домой и подожди меня наверху. Я сейчас вернусь.

Она говорила так серьезно, и такая боль прозвучала в ее голосе, что девушка смутилась и ответила глухо:

— Хорошо.

После ее ухода чиновница обратилась к пани Охоловской:

— Прошу к вечеру приготовить мой счет. Завтра я уеду.

— Хорошо. Вы получите его сегодня после ужина.

Пани Охоловская кивнула дамам и направилась к дому. Она старалась не думать о том, что́

сейчас говорят обе эти разозлившиеся дамочки, какое море желчи, грязных подозрений и оскорблений выливают они на нее и на Майю. Впрочем, все это меркло перед необходимостью поговорить с дочерью — пока еще не поздно. Тренер должен уехать как можно скорее! Но как быть — говорить ли с Майей откровенно или все же не стоит? Может, лучше не дразнить ее юное воображение, высказывая подозрения, которые как раз и могли бы побудить девочку ступить на скользкую дорожку? Вдруг она просто не видит ничего дурного в свободном общении с Лещуком на почве спорта?

— Зачем ты это сделала? — спросила пани Охоловская дочь, когда они остались вдвоем. — Я потеряла постоялицу. Панна Гнетунская потребовала счет и завтра уезжает.

— Мне очень жаль. Но пускай впредь эта хамка не позволяет себе лишнего.

— Майя, подобная надменность не ведет ни к чему хорошему, а уж в нашей нынешней ситуации так и вовсе смешна.

— Да пусть бы она даже золотом тебе платила, я бы не стала ее удерживать. Мама, ты же слышала ее глупые намеки. Я не позволю первому встречному поучать меня.

— Но тем не менее ты ходишь с первым встречным гулять в лес.

— А, так ты разделяешь точку зрения панны Гнетунской? Во-первых, Лещук вовсе не первый встречный, он даже лучше меня! — с детской запальчивостью воскликнула Майя.

— Как это лучше тебя?

— Лучше, потому что бьет меня на корте. А во-вторых, это же простой парень, почти как слуга. Неужели ты подозреваешь, будто я флиртую с Лещуком?

Где-то на дне ее слов трепетала обида. Мать знала, насколько дочь честолюбива, — и не решилась сказать ей о «сходстве».

— Майечка, — заговорила пани Охоловская, ласково беря дочь за руку, — я не знаю… может, ты и права… Но люди смотрят на такие вещи иначе. Лучшее свидетельство тому — Гнетунская… Так что, если ты хочешь мне помочь, предложи ему уехать… под каким-нибудь благовидным предлогом. Не надо тебе это продолжать.

— Ну уж нет, — сквозь зубы процедила Майя. Сильно побледнев, она отвернулась. — Это оскорбительно для меня! Я не стану даже обсуждать такие неслыханные намеки… Меня это оскорбляет! Я удивляюсь тебе, мама! Неужели ты не

понимаешь, что меня это оскорбляет?! И я прошу тебя никогда впредь не разговаривать со мной в подобном тоне, потому что я… В общем, Лещук остается, и точка!

Она выбежала из комнаты.

Пани Охоловская всплеснула руками. Нет, она совершенно не умела управляться с дочерью!

Впрочем, бурная реакция Майи и презрение, с которым она говорила о Лещуке, несколько успокоили мать: о романтическом увлечении нет и речи. Честолюбие оградит девушку от неблаговидных поступков лучше всех материнских советов.

«Однако откуда в ней столько презрения? Почему я, — думала пани Охоловская, — воспитанная в других условиях и в менее демократичные времена, никогда не испытывала такого абсолютного чувства превосходства?»

Она занялась было счетом панны Гнетунской, но вскоре оказалось, что это лишнее, поскольку чиновница явилась к ней почти сразу после ухода Майи.

Гнетунская ледяным тоном заявила, что готова списать неподобающее поведение панны Майи на ее молодость и не хочет смущать девушку своим внезапным отъездом. К тому же она слишком

хорошо относится к пани Охоловской, чтобы сделать столь радикальный шаг, так как уверена, что — учитывая возмущение остальных постояльцев — ее отъезд повлечет за собой также отъезд и других гостей. Поэтому она приняла решение покамест проигнорировать выходку панны Майи — разумеется, при условии, что пани Охоловская повлияет на дочь. Что же касается прогулок и развлечений панны Майи, то она, панна Гнетунская, не намерена более вмешиваться в эти дела, оставляя их на усмотрение матери.

Пани Охоловская поблагодарила ее довольно холодно. Она не выдала облегчения, которое в глубине души испытывала: отъезд панны Гнетунской действительно мог оказаться катастрофой для недавно открытого пансиона. Однако она не знала, что благополучным разрешением инцидента обязана прежде всего докторше, ибо та перепугалась, что панна Гнетунская уедет прежде, чем она успеет сообщить ей (по доброте душевной) о *пры…* которые видны под блузкой. И приложила все усилия, чтобы уговорить вторую даму не спешить с отъездом.

Впрочем, неприятная история была вскоре забыта также и по другим причинам. А именно: перед самым ужином в пансионат прибыли два

новых гостя — однокашница и подруга Майи Крыся Ленецкая со своим дальним родственником, студентом-юристом, паном Густавом Жаловским. Это, к удовольствию хозяйки, сразу разрядило атмосферу. Девушки нарадоваться не могли своей встрече. Пани Охоловская, будучи умелым дипломатом, воспользовалась случаем и велела подать к столу бутылку хорошего вина, благодаря чему ужин приобрел праздничный характер. Чиновница и докторша, позабыв о недавних недоразумениях, даже облачились в вечерние платья, причем докторша заметила, что и в этом наряде *пры*… панны Гнетунской отлично видны, — о чем несчастная, к сожалению, не подозревает.

Однако во время ужина возникло новое осложнение. Раздался топот конских копыт — и через мгновение на пороге появился Холявицкий.

Его визит был несколько некстати. Пани Охоловская с огорчением заметила многозначительные взгляды, которыми обменялись докторша и чиновница и в которых, казалось, читалось: «Ха-ха, вот уж вовремя явился!»

Но еще больше мать беспокоили опасные искорки в глазах Майи и ее превосходное настроение. Она была оживлена! Может, просто

радовалась приезду подруги? Смех ее не умолкал.

После ужина Холявицкий отвел невесту в сторону.

— Нам нужно поговорить, — прошептал он. — Почему ты не пришла в замок? У меня к тебе дело.

— Хорошо, но не сейчас. Потом! Пойдем погуляем! — воскликнула девушка. — Такой прекрасный вечер.

Молодежь восприняла эту идею с энтузиазмом, и Холявицкому не оставалось ничего иного, кроме как отложить разговор.

Майя кивнула Лещуку:

— Идемте с нами!

— Я?..

Юноша, уже поднимавшийся на второй этаж, остановился на середине лестницы. Он не хотел идти с ними и боялся Майи, но не знал, как ей отказать.

— Спать пора, — сказал он.

— Потом поспите. Кроме того, вы нам пригодитесь — хотя бы для того, чтобы нести наши плащи. Сейчас еще слишком тепло, чтобы их надевать, но взять с собой все-таки следует, потому что в лесу может быть прохладнее. Крыся

и Гутек — отдайте свои плащи пану Лещуку, он их понесет.

— Что вы, не стоит, — вежливо возразил Жаловский, видя, что Лещук уже взял у Майи плащ. — Наши с Крысей я, во всяком случае, понесу сам.

— Пан Лещук может забрать их все! — капризно воскликнула Майя и топнула ногой. Лещук покраснел. Холявицкий побледнел.

— Но ты же лишаешь нас чести и удовольствия нести ваши одежки, — засмеялся Жаловский, стараясь сгладить неловкость.

Они углубились в аллею, посеребренную лунным светом. Собаки ластились к Майе.

Холявицкий шагал первым, пытаясь подавить волнение и взять себя в руки. За ним, на некотором отдалении, шли обе девушки и студент, а позади всех — Лещук. Хорошо воспитанный Жаловский замедлил шаг, чтобы побеседовать с юношей. А панна Ленецкая тем временем обратилась к Майе:

— Майя, что ты такое вытворяешь с этим тренером? Ему может быть неприятно.

— Ах, да ничего с ним не случится! Он не такой *худокожий*, уверяю тебя.

— Что-что?

— Ну, если говорят «толстокожий», то можно

сказать и «худокожий»! Ах нет, в самом деле, надо говорить «тонкокожий»…

— Майя, ты какая-то не такая… — заметила подруга. — Что с тобой случилось? Ты изменилась.

— Понятия не имею, о чем ты!

Воздух пьянил, лес, парк, поляна позволяли дышать полной грудью. Деревья темными пятнами врезались в светлое, звездное небо. Вечерняя нега наполняла пейзаж.

— Ты любишь его? — спросила Майя, едва заметным движением головы указывая назад. Ленецкая прижалась к ней.

— Наконец-то!

— Что — «наконец-то»?

— Наконец-то я влюбилась. Ах, Майя, Майя, Майя!

— А он?

— Тоже.

Она глубоко вздохнула.

— Как только он закончит учебу, мы поженимся. Его родители — друзья моих родителей. Почти родственники. Знаешь, мне каждый день кажется, что это неправда, потому что это слишком… слишком… но что с тобой? Ты плачешь? Плачешь?

— Дурочка!

— Твоя слеза упала мне на локоть.

— Это была не слеза, а роса с дерева.

Почему она тоже не может любить вот так — ровно, спокойно, счастливо? Почему вместо милого и порядочного парня, которого не надо стыдиться, с которым можно быть уверенной в своей судьбе, рядом с ней эти двое мужчин, которые преследуют ее, губят? С которыми она сама себя губит?

— Не трать на меня время. Такой вечер, как нынешний, это редкость. Гутек! — позвала она. — Иди сюда! Крыся обижена, что ты не взял ее под руку.

Майя отошла от них и пошла чуть в сторонке, одна — между Холявицким, который шагал впереди, и Лещуком, который остался сзади. Как это случилось и чья это вина, что в свои восемнадцать лет, при своей красоте, она вынуждена метаться и мучиться, в то время как та, менее красивая, расцветает от любви? Случай ли тому виной? Воспитание? Врожденные опасные склонности натуры? Девушка замедлила шаг. Пропустила счастливую пару вперед.

Студент на мгновение оставил панну Ленецкую, чтобы поймать светлячка, и, держа его в сомкнутых ладонях, склонился над ним. Майя

поймала полный нежности взгляд, которым влюбленная окинула влюбленного, прежде чем поспешить к нему под сень деревьев.

«Разве я смогла бы так смотреть — нежно, ласково и верно?» — подумала Майя с завистью. Да и на кого ей так смотреть? На Холявицкого, который шел впереди, или на Лещука, который шел сзади? Что бы было, попробуй она так взглянуть на Лещука? Ох, только попробовать, ведь никто не увидит — темно… Просто ради забавы… чтобы проверить, возможно ли это вообще, получится ли у нее так на него посмотреть…

Она еще больше замедлила шаг и, оказавшись позади всех, окинула фигуру парня взглядом — словно бы не своим, чужим, слишком нежным для нее. И мгновенно забылась в этом взгляде, потерялась в нем, погрузилась в него и потонула. Горячая волна накрыла ее сердце, которое забилось так сильно, что ей пришлось прижать его рукой.

Майя ускорила шаг и мгновенно догнала Лещука. Ночью все получалось как-то легче. Она, такая стройная в легком летнем платье, возникла рядом с ним столь незаметно и естественно, что парень вздрогнул. Майя же не проронила ни слова… но он увидел ее обращенные к нему большие

черные глаза, полные тоски и нежности. Однако в них тут же появились отвращение и омерзение.

Губы Лещука были черны как смола! Нет — не черны. Так только казалось в темноте. Они были сизыми!

Гадость! Это была какая-то страшная, отвратительная болезнь! Где он мог заразиться? Это было дико.

Она отпрянула от него. Побежала прочь. Бросилась к жениху.

Холявицкий заметил ее лишь тогда, когда Майя взяла его под руку. Он не мог сопротивляться блаженству, которое доставляло ему одно только присутствие девушки.

Давешняя его ярость исчезла бесследно, мгновенно обратившись в счастье, — особенно когда он почувствовал, что она прижимается к его руке, крепко, судорожно, горячо.

Будучи человеком подозрительным, он должен был подумать, что это с ее стороны умышленный маневр, что она хочет усыпить его бдительность относительно Лещука. Но Холявицкий был слишком счастлив. Он так страдал эти несколько часов — когда следил за ними, а потом бродил вокруг усадьбы. Секретарь взял Майю за руку и прижал к себе, не желая ничего знать и ни о чем спраши-

вать. Девушка же слегка склонила голову на его плечо, и так они и шли некоторое время.

Она пробовала. Пробовала, *может ли* вообще идти вот так, рядом с женихом? Получится ли у нее? Майя делала все, чтобы разжечь в своем сердце огонь, насильно навязать себе чувство. Холявицкий — из ее мира. Он не ворует. Не дик, не груб. Не страдает отвратительными болезнями. Но сердце ее оставалось холодным, а там, позади, шел тот, на кого она только что смотрела, тот, что ее компрометировал…

Майя отошла от жениха так же внезапно, как подошла к нему; когда Холявицкий осознал это, ее уже не было рядом. Она снова шагала одна, чуть в стороне от тропинки — пропустив всех вперед, самой последней, безутешная.

Ночь, теплая и ароматная, наливалась бальзамом трав и кустов, покрывала ультрамариновой вуалью и счастье, и несчастье. И лица двух опьяненных любовью счастливцев, и бледное, измученное лицо Холявицкого, и отчаянное, немного детское личико Майи, и неуверенное лицо Лещука.

Крыся Ленецкая приблизилась к ней и нежно обняла за плечи. Долгое время они шли молча. Раньше они были очень дружны — насколько

это вообще возможно, учитывая скрытность и надменность Майи.

— Кто такой этот Лещук? — тихо спросила панна Ленецкая.

Майя побледнела. Почему она спрашивает? Неужели и она уже заметила их сходство?

— Тренер.

— Это я знаю. А еще?

— Мне известно о нем ровно столько же, сколько и тебе. Ты думаешь, можно что-то знать о таком парне? Где он рос? Что делал? С кем общался? Это простолюдин — натура дикая, неотесанная, вроде этих вот зарослей!

Она махнула в сторону сорняков, буйно разросшихся у воды.

— Разве можно знать, что там внутри? Может, цветы, а может — лягушки!

Голос ее был холоден и тверд.

— Ты преувеличиваешь, Майя. — Ленецкая бросила на подругу испытующий взгляд. — Наговариваешь на него!

— Ты думаешь, что… что… С чего бы мне преувеличивать?

— Просто так!

— Почему?! Скажи, что ты имеешь в виду?

Вдруг Жаловский воскликнул:

— Белка!

Маленький зверек метнулся у него из-под ног и быстро взобрался на сосну. На полпути вверх белка остановилась и, прильнув к стволу и прикрывшись пушистым каштановым хвостом, оглянулась на людей… потом вскарабкалась еще выше. Ее было хорошо видно в лунном свете.

Все окружили дерево.

— Ей некуда бежать, — заметил Жаловский.

Действительно, белка неудачно выбрала дерево. Оно стояло в стороне, слишком далеко — до соседнего не допрыгнуть. Холявицкий достал браунинг и взвел курок.

— Не стреляйте! — крикнула панна Ленецкая.

Но выстрел уже грянул. Белка перепрыгнула с ветки на ветку. Секретарь выстрелил еще раз. Что за удовольствие — хотя бы так сбросить напряжение!

— Зачем вы ее убиваете? — неодобрительно поинтересовался студент. Майя молчала.

— Я должен попасть! — злился Холявицкий. — Три попытки.

Но, промахнувшись в третий раз, он снова поднял оружие. Секретарь князя был зол, рука его дрожала, он не мог смириться с неудачей. Им овладела жажда убить кого-нибудь.

— Я ее лучше живьем поймаю! — крикнул Лещук и, прежде чем Холявицкий выстрелил, уже был на дереве. Он карабкался вверх с огромной скоростью.

Секретарь хотел выстрелить, но Майя схватила его за рукав.

— Хватит! — поспешно вскрикнула она.

— Не бойся, — буркнул тот.

Тем временем Лещук приближался к цели. Он терпеть не мог, когда преследовали животных, и полез на дерево только для того, чтобы помешать стрельбе. Но теперь придется ловить белку, раз уж обещал. Та добралась до самой верхушки и затаилась среди ветвей.

Парень продолжал взбираться вверх, и тонкий ствол уже опасно раскачивался под его весом.

— Слезайте! — крикнула Ленецкая.

Лещук поднялся еще выше, и крона дерева наклонилась так, что спина юноши была теперь почти параллельна земле. Белка вдруг заметалась как безумная. В панике она прыгала по самым тонким веточкам и наконец, видя, что деваться некуда, бросилась с дерева прямо на землю. Парень поймал ее в воздухе… но в этот самый момент верхушка обломилась — с треском, которому вторили крики стоявшей внизу

компании.

К счастью, сломалось дерево не сразу. Лещук, не выпуская белку, успел схватиться за крепкий сук, съехал по веткам вниз и наконец спрыгнул на землю.

— Вы не ушиблись? — крикнула Ленецкая.

— Чуть не задушил ее! — ответил он.

Белка дрожала у него в руках.

— Какая прелесть!

Все осторожно трогали шерстку зверька.

— Я отпущу ее.

— Нет-нет, подержите еще чуть-чуть!

Ленецкая, занятая учебой и потому давно не бывавшая в деревне, радовалась встрече с лесной жительницей, от которой пахло свежестью и природой.

— Отнесем ее в дом, а потом выпустим. Посмотрим, что она будет делать в комнате.

— Лучше давайте сразу отпустим, — сказал Лещук, ощущая пальцами, как бешено стучит беличье сердечко.

Ленецкая лукаво взглянула на Майю, а потом, когда они продолжили свой путь, чтобы с опушки леса взглянуть на замок, сказала:

— Должно быть, он очень добрый парень!

Майя не ответила.

— Смотри, как он ее гладит. Человек, который так любит животных, не может быть плохим.

— Ты думаешь? Хороших людей животные так не боятся!

— Замок! — донесся издалека крик студента.

Теперь они стояли на опушке леса, а перед ними вырисовывались изящные и величественные очертания башен и стен. Воздух был удивительно чист, поэтому казалось, что замок гораздо ближе, чем на самом деле.

Холявицкий сжал кулаки. Что происходит? Зачем он теряет здесь время?! Это просто безумие — то, что он не в силах оторваться от этой девушки! А Майя под предлогом, что хочет погладить белку, снова подошла к Лещуку.

Его губы были уже не такими черными, но еще не приобрели обычный цвет. Впрочем, в темноте трудно разобрать. Девушка прикоснулась к белке. Зверек замер от страха в руках Лещука, он будто оцепенел. Майе казалось, что белка боится слишком уж сильно. Но, гладя ее пушистую шерстку, она вдруг почувствовала нечто странное. Белка — пульсировала. Пульсировала? Нет, не так: скорее, вздымалась. Как будто внутри нее что-то двигалось, раздувалось. Как если бы ее ритмично сжимали. Майя не придала этому особого значе-

ния, хотя у нее снова возникло ощущение чего-то дикого и отвратительного.

«А мог бы он убить эту белку? — подумалось вдруг Майе. — Если у него такие губы…»

Больше всего Лещуку хотелось сбежать — отпустить белку и кинуться прочь. Все в нем рвалось к Майе, к ее прелестному лицу в лунном свете, к ее волосам, казавшимся в темноте черными, к ее изящным рукам. И в то же время его так и подмывало уйти от нее. Чего она снова от него хочет?

— Вы убили бы эту белку?

— Зачем?

— А если бы я вас попросила?

— Зачем?

— Да так просто. Я поспорила с подругой, что, если попрошу, вы убьете…

Она заглянула ему в глаза, и Лещук услышал ее смех — дразнящий, нетерпеливый, ненасытный, жестокий. Но вскоре смех оборвался. Лещук увидел, как сверкнули зубы девушки.

— Ну? — прошептала она, будто это уже было решено между ними, будто само собой разумелось. Лещук рассмеялся точь-в-точь как она и, не раздумывая, изо всех сил швырнул белку в ствол дерева.

Та взвизгнула и болезненно свернулась в клу-

бочек. Все бросились к зверьку.

Майя стояла неподвижно и тяжело дышала.

— Это же варварство! — закричала Ленецкая. — Что она вам сделала?!

— Укусила, — неуверенно ответил Лещук.

Глазки белки подернулись пленкой. Она умирала.

Все смотрели на нее. Одна только Майя не могла оторвать взгляда от Лещука.

— Плебейство! — коротко сказал Холявицкий, трогая ногой недвижное тельце.

Майя разрыдалась. И прежде чем кто-либо успел опомниться, бросилась в лес. Лещук, до сих пор молча стоявший с опущенными руками, внезапно кинулся следом и исчез в темноте.

Холявицкий поспешил за ними, но споткнулся о корень и упал. Однако тут же вскочил и большими прыжками понесся среди деревьев.

— Стойте! Стойте! — кричал он.

Догнав наконец Майю, Лещук схватил ее за плечи. Толкнул к дереву, так что она влетела в гущу ветвей. Снова схватил и швырнул на землю.

Девушка приподнялась, встала на одно колено и широко раскрытыми глазами заглянула Лещуку в глаза; он тоже смотрел на нее, смотрел так, будто видел впервые. Затем заставил ее запроки-

нуть голову.

— Вот вы, значит, какая… такая, да?..

Майя была уверена, что он убьет ее, как… как белку. Она ждала от него проявления жестокости. Знала, что ей придется испытать на себе его гнев. Пальцы Лещука сжимали ее шею, глаза его сузились.

— Это вы *такой*… — прошептала она, словно недоумевая.

Лещук со всей силы ударил ее. Майя рванулась прочь, но юноша держал ее крепко. Она укусила его. Тогда Лещук, уже совершенно не владея собой, толкнул девушку, и они покатились по земле. Начали колотить друг друга — не глядя, куда придется. Они барахтались на мху, как дикие животные!

Казалось, они хотят уничтожить один другого, убить, раздавить, стереть в порошок, как если бы в них неожиданно пробудилась та страшная ярость, которая охватывала их на теннисном корте.

Лещук испугался бешенства Майи. Но оно лишь усилило его злость. А девушка, хоть уже и не сомневалась, что ей теперь конец, не ведала страха, твердо зная, что ее руки будут тянуть его за волосы, царапать, бить, калечить — изо всех

сил, пока он не раздавит ее страшной, темной и слепой силой убийцы.

Они оба были убийцами! Оба жили огромной ненавистью и мыслью о том, чтобы убить друг друга.

Лещук сдался первым. Испугавшись то ли ее, то ли себя, он скрылся во тьме. Майя лежала почти бездыханная, обессилевшая — губа разбита, по пальцам течет кровь. Все кости ломит. В голове пустота. Хотя нет, одна мысль там все же была: вот так, значит? Вот так?!

«Ага, так вот он какой! И я такая! И вот так, значит? Вот так?..»

Откуда-то из глубины леса ее звал Холявицкий:

— Майя! Майя!

Девушка вскочила и, придерживая на груди разорванное платье, окольными путями пробралась в усадьбу. К счастью, ей удалось незаметно пройти к себе. Она не плакала.

Просто пребывала в отчаянии и чувствовала себя униженной и до крайности напуганной.

Майя посмотрелась в зеркало. Окровавленные губы алели на бледном, избитом лице. Под глазом синяк. Одежда порвана в клочья. Кожа на коленях содрана.

Майя вспомнила, как однажды, возвращаясь с матерью из театра, увидела собравшуюся на улице толпу — полицейский задержал двух подравшихся уличных девок. Они выглядели точно так же и так же не плакали, а только тяжело дышали, словно не могли отдышаться, и тупо, бессильно смотрели прямо перед собой.

Майя прокралась в ванную и открыла кран. Вдобавок она вся перепачкалась в земле.

Но неужели это возможно — подобная ярость? Подобная невероятная ожесточенность? Подобное озверение? Ведь они оба кусались, рвали друг у друга волосы, терзали один другого с такой ярой ненавистью и такой решимостью уничтожить, какой не бывает даже у сцепившихся собак!

«Ага, значит, вот я какая? Вот что во мне сидит… Но и он такой же…»

Кто-то постучал в дверь.

— Майя?

Это был Холявицкий. Девушка быстро подбежала к двери и повернула в замке ключ. Заперлась. Знал ли он, что случилось?

— Я хочу поговорить с тобой.

Молчание.

— Майя, нам надо поговорить. Мне пора возвращаться в замок. Я хочу сказать тебе несколько

слов.

Его голос звучал серьезно. Майя не ответила. Услышала, что он уходит. Развернулась, выключила свет, легла в кровать и долго лежала на спине, заложив руки за голову, глядя в темноту, совершенно неспособная мыслить связно. В мозгу клубились лишь обрывки мыслей. И ужасная тоска, тягостная печаль, будто о чем-то безвозвратно утраченном, о какой-то нежности, которая жила в ней — и была уничтожена, растоптана в прах грубым плебейством, звериной яростью, омерзительной жестокостью.

И еще та белка, белка, которую они вдвоем убили о ствол дерева, — этот маленький умирающий зверек на траве!

Майя не винила Лещука. Больше не восставала против него. Только удивлялась, что он такой и она такая, — что они оба такие и что это их истинная природа.

Кто-то открывал дверь.

Майя не понимала, спала она или просто задумалась и потеряла счет времени. Уже светало. Кто-то, вставив нож в щель между косяком и дверью, пытался ее открыть. Девушка сразу поняла, что это Лещук, но даже не пошевелилась. Она не имела права мешать ему, ведь она такая же, как

он! Такая же!

Словно погрузившись в дурной сон, Майя смотрела — не моргая, спокойно, — как дверь подается, как Лещук входит и тихо закрывает ее за собой, прислушиваясь, не проснулся ли кто-нибудь в комнатах по соседству. Его профиль, сосредоточенный и настороженный, четко вырисовывался в полумраке.

Лещук подошел к шкафу. Достал ключ из верхнего замка и открыл ящик, где лежали деньги.

На Майю он не обращал никакого внимания. Даже не взглянул на нее. Видимо, тоже знал, что с ее стороны не последует никакого сопротивления, потому что… они похожи, они одинаковые.

Он взял деньги и вышел, а Майя, словно его сообщница, встала, задвинула ящик и даже подняла одну купюру — упавшие на пол сто злотых.

Глава IX

Но что же происходило в это время в замке (мощная, тысячелетняя глыба, грозное и величественное нагромождение стен, застывших в вечных раздумьях; руины былого величия, воспоминание о прежней славе, а ныне — печальное, трагическое место, где сплелись в роковом танце страх, страсть и безумие) — в замке, который в сгущавшихся сумерках возвышался среди разливов?

Гжегож, воспользовавшись отлучкой секретаря, посвящал Сколинского в тайны прошлого. Профессор напряженно и внимательно слушал рассказ старого слуги, который поминутно озирался и с явной неохотой выдавливал из себя слова. Сколинскому приходилось постоянно подбадривать его и подстегивать вопросами.

— Я мало чего знаю, — осторожно говорил камердинер. — Но что знаю, то скажу, как на исповеди. Я с малых лет жил в замке. Еще при покойном князе был буфетным мальчиком, а нынешний князь, Александр, — так тот вместе со мной рос, мы же с ним почти ровесники. В те

времена никаких ду́хов еще не было. Духи позже явились, гораздо позже… Знаете, чего скажу? Мне кажется, эти духи связаны с Франеком, камердинером, то есть сыном княжеским. Но в точности не знаю.

— Так князь был женат? — спросил Сколинский.

— Женат был, но жена умерла, не оставив наследника, а сын у князя от другой. Так, по крайней мере, люди говорили. Но давайте-ка я по порядку…

Лет сорок назад прибежал в замок мальчонка, принес князю письмо. От кого — не сказал. Князь сразу уехал, прямо в ночь, и вернулся только через два дня. А где-то недели через две позвал меня в кабинет, и там был тот мальчик, что с письмом приходил. Князь мне и говорит:

«Гжегож, этот мальчик мне нравится. Возьми его в буфетную. Сирота, ни отца, ни матери, я хочу о нем позаботиться».

Вот так тот и остался в замке. Лет ему тогда было около двенадцати. Дурачок. Спросишь про родителей — рассказывает, что отец был печник, а мать недавно умерла. Фамилия у него была Сикорский. Но люди шептались, что это, наверное, сын князя, — хоть сам князь никакого интереса к

нему не проявлял, чего не было, того не было…

Когда он подрос, князь положил ему жалованье и отдал мне в помощники. Но сдается мне, уже тогда этот Сикорский смекнул, что у князя есть причины держать его в замке. А может, люди ему нашептали, что он князю сын. Впрочем, сходство между ними точно было.

Ну а с годами он становился все больше похож на князя. Тот же нос. Глаза так и вовсе точь-в-точь. Даже голоса, можно сказать, одинаковые. Да и недурен он собой был, парнишка-то.

Князь видел это сходство, но стыдился его. Ну еще бы… Нехорошо ведь, что слуга — вылитая копия барина. Князь был щепетилен, скромен, всегда осторожен, нелюдим, так что ему было неловко, что его грехи вот так наружу вылезли — через это сходство.

А тут еще Сикорский окончательно уверился в том, что он — копия князя, и совершенно обнаглел. Напрямик к хозяину с претензиями соваться пока не решался, но вбил себе в голову, что тот обязан признать в нем сына.

Сколько раз он являлся ко мне на кухню и твердил, что скоро его унижения закончатся. Князь, мол, непременно его признает!

И вот однажды пошел он к князю, но тот его так

изругал, что на весь замок крик стоял.

В такой гнев впал, не дай боже!

«В голове у тебя помутилось! — орал князь так, что во всех комнатах слышно было. — Вон! Убирайся! Прочь с моих глаз! Сей же час! Лжец! Наглец!»

Но Франек умолял его простить, клялся, что больше, мол, ни-ни, никогда в жизни… и князь позволил ему остаться. После этого парень немного присмирел — князя он боялся, так что до поры помалкивал.

Прошло, значит, месяца три, и вот, как сейчас помню, заявляется Франек на кухню какой-то не такой, как обычно. Улыбается, вроде как приторно, но при этом злобно, и вид у него довольный и одновременно сердитый. У меня аж сердце екнуло.

Гжегож понизил голос и незаметно перекрестился.

— С этого все и началось! — торжественно произнес он. — С этого часа нечистый здесь и поселился!

Пришел, значит, Франек на кухню и говорит:

«Ну, теперь-то я с ним поквитаюсь!»

«С кем это ты поквитаешься?» — спрашиваю.

«Да с князем, моим отцом».

«Смотри, чтобы тебя отсюда взашей не выгнали», — говорю я, потому что его болтовня мне на нервы действовала.

Но он только ухмыляется и отвечает:

«Не выгонит, пускай бы даже и захотел».

«Почему это не выгонит?»

«Потому что любит».

«Гляди, чтоб он от этой любви тебе не врезал как следует!» — говорю, а он в ответ:

«Ты, Гжегож, ночью ко мне зайди — сам увидишь, как он меня любит».

Мне любопытно стало, так что я ночью спрятался за дверью, как он сказал. Смотрю — князь. Крадется, босиком. Идет к кровати, на которой Франек спит… Подходит со свечой, долго смотрит на него, вздыхает, что-то шепчет и эдак вот легонько по голове гладит, — а слезы у него по лицу так и катятся… В общем, гладит и рыдает… рыдает и гладит…

Потом отходит от кровати — и снова возвращается, и снова гладит, да с такой отцовской нежностью… Говорю вам, так он его любил, так любил, в жизни я такой любви не видал!

А этот мерзавец лежит и притворяется спящим, иной раз даже всхрапнет, — а когда ему надоело, пошевелился, вроде как во сне, — и князь сразу

убежал.

Франек потом сел на кровати и говорит мне:

«Ну что? Убедился? Любит! Уж теперь-то я с ним за все поквитаюсь! За все унижения! Ночью, когда никто не видит, он меня любит, а днем, значит, стыдится! Ну нет, так не пойдет! Я ему покажу, батюшке своему!»

С этого все и началось. Потому что Франек (тут Гжегож перекрестился) стал себя портить назло князю. Нарочно портить! Отсюда и нечистый в замке взялся, не иначе.

— Как это — портить себя? — спросил профессор, глубоко потрясенный рассказом старого камердинера, чьи выцветшие глаза, казалось, вглядывались в давно минувшие дни.

— Злой он стал, — коротко ответил Гжегож. — Нарочно озлобился! От обиды! Чтобы показать князю, на какую судьбу тот его обрек. Такой злобы я ни в ком за всю свою жизнь не видал. Стал водку пить. С девками путаться, дебоши устраивать, здоровье свое губить… Все, что только можно придумать самого дурного, он придумывал и делал. Да все ему было мало! Сопляки часто вредят людям по глупости или для забавы, а он все делал со зла — чтобы князь знал, какой он плохой. Не было такого срама, на который бы он не пошел,

да еще и хвалился перед людьми, говорил: «Отец мне воспитания не дал, стыдится меня, вот я такой и вырос!»

А еще, — тут Гжегож испуганно огляделся, — Франек начал травиться. Не знаю уж, что за отраву отыскал парень, но с каждым месяцем он все больше таял, почти не ел, кожа у него пожелтела, да и лихорадка его била.

И все ради одного-единственного удовольствия — слышать, как ночью князь приходит к нему и обливается горькими слезами!

Дурак я, что не решился князю сказать, в чем тут дело. Все надеялся, что Франек опомнится, — где ж такое видано, чтобы человек сам себя губил? Это все капризы, думал я, как они начались, так и закончатся, а князю лучше ничего не говорить.

Но однажды за ужином князь осторожно спросил, не знаю ли я, что с Франеком происходит, почему он так плохо выглядит. Я не хотел, чтобы это у меня на совести было, вот и рассказал все как есть.

Что он, дескать, злится на князя, потому что тот скрывает свое отцовство, — назло князю хочет сгинуть и даже какое-то зелье принимает. Боже мой! Князь сперва покраснел, а потом побледнел как полотно.

Я ему — мол, не стоит особо переживать, это капризы, молодость, парень перебесится! Но князь ничего мне на это не ответил, а только велел немедленно позвать Франека, — разговор, дескать, к нему есть.

«И, — говорит, — Гжегож, никому ни слова!»

Тут камердинер запнулся.

— Ну и что же произошло во время того разговора? — спросил Сколинский.

— Откуда мне знать?

— Да ладно, ясно же, что ты подслушивал. Лучше честно скажи.

— Во время того разговора, — сказал Гжегож, — князь называл его сыном, обнимал, целовал, на колени перед ним упал и просил прощения.

«Будешь моим сыном! — говорил он. — Призна́ю тебя, имя и состояние дам, только прости меня! Учиться отправлю, сердце открою, только прости!»

Мне даже странно было, что князь, рожденный властвовать, в ногах у собственного камердинера валяется. А тот — нет, мол, и нет! Руки в карманы, стоит неподвижно и смотрит.

«Не хочу! — говорит. — Надо было сразу признать! А теперь — не хочу! Не нужна мне эта запоздалая любовь! Я, — криком кричит, — тебя

не люблю, я тебя ненавижу! А себя уничтожу! Убью! Назло! Назло! И пусть меня черти возьмут за то, что родной отец меня стыдился!»

Выскочил из кабинета (тогда в замке еще кабинет был, теперь уж его нет) и помчался по замку. Князь сразу меня вызвал и велел за Франеком приглядывать:

«Беги за ним, Гжегож, да глаз с него не спускай — вдруг убьет себя!»

Я бросился следом и успел в самый последний момент. Вбегаю в дровяной сарай, а он уже петлю на балку накидывает! Увидел меня, отступил и стал смеяться:

«Не сегодня, так завтра», — говорит, а смех у него — будто лед колют.

Ну, я доложил обо всем князю.

«Господи!» — только и вырвалось у него.

А потом сказал, что надо за ним присматривать:

«Гжегож, я только тебе одному доверяю! Надо караулить день и ночь, пока это у него не пройдет!»

Что за дни и ночи в замке настали, вспоминать — и то жутко! Пришлось мне гоняться за этим безумцем! Постоянно следить! Непрестанно бояться, что он вот-вот руки на себя наложит.

Гжегож прикрыл глаза и долго молчал.

— Дальше не буду рассказывать, — твердо заявил он. — К чему ворошить минувшее? Было и прошло, пусть себе спит спокойно — вечным сном.

— Гжегож, вы же знаете, что оно вовсе не спит… Зло не спит… — предостерег профессор, едва заметно кивнув в сторону старой кухни. — Так что советую ничего не скрывать.

— Ваша милость! Лучше не будить лихо, пока оно тихо!

— А я вот, напротив, рекомендую его разбудить!

Камердинер сдался, но понизил голос чуть не до шепота.

— Мы с князем караулили по очереди. Когда князь спал — я не спал, и наоборот. Всегда один из нас находился рядом с Франеком и следил, не втемяшится ли ему снова что-нибудь в башку. Он притих и стал очень послушным, но было ясно, что у него одна мысль — как бы покончить с собой, окончательно себя уничтожить! Несколько дней он так выжидал.

А потом — началось! Матерь Божья! Одно за другим! То ножом в кухне хотел себя заколоть! То из башенного окна прыгнуть! Об эту стену, что у

главных ворот, хотел себе голову разбить! Совершенно обезумел! Мы с князем только и делали, что караулили, ждали, что он еще надумает, не зная, что в его в бешеной черепушке творится!

В конце концов князь надумал Франека запереть. Мы решили, что запрем его в старой кухне, потому что там двери тяжелые, кованые, и в окно не выпрыгнешь — слишком узкое.

Тут Гжегож снова умолк и вдруг изменившимся голосом спросил профессора:

— Простите, вельможный пан, а что это у вас так губы трясутся?

— Губы? — удивился профессор. Он поднес руку к лицу. Сколинскому показалось, что губы у него запеклись. Но они еще и пульсировали.

Это нельзя было назвать движением. И все же, прикоснувшись, он ясно почувствовал, что они стали больше и словно бы волновались изнутри.

Ужасно! Профессору сразу вспомнилось полотенце на кухне. Это мерное движение губ было сродни движению того полотенца. Отвратительно. Чтобы еще и на лице у него появилась эта мерзость?! Сколинскому показалось, что губы его не слушаются, что весь рот превратился в какое-то гадкое существо, живущее в его теле своей собственной жизнью.

Гжегож — безмолвно — тоже наблюдал это явление. Они переглянулись. Наконец профессор, не желая сеять панику, пояснил:

— Это ничего. У меня иногда бывает. Нервный тик. Пустяки. Продолжай, Гжегож.

Пульсация постепенно утихала.

— Ну да, ну да… — пробормотал Гжегож не слишком уверенно. — Так вот, князь приказал запереть Франека в старой кухне.

Я велел ему пойти туда — прибраться, а когда он вошел, мы объявили ему, что так, мол, и так, он должен оставаться здесь, пока безумие не пройдет, а все предметы, которыми можно себе навредить, чтобы нам отдал.

Тут его охватило дикое бешенство. Он бросился на нас, бил, кусал, выл по-собачьи, пинал, пена у него изо рта пошла — и, видать, помогала ему в том нечистая сила, потому что сопляк восемнадцати лет от роду чуть не одолел нас, двоих крепких мужчин.

Чтоб кто-то так кусал да выл — ни человек, ни зверь этого не умеют!

Но мы его все ж таки усмирили. Вытащили ремень из штанов, даже ботинки забрали. Заперли дверь и выставили охрану. Днем я стерегу, ночью — князь.

Я хотел привести священника или доктора, но князь отказался:

«Нет, не надо. Я сам его уговорю, сам все объясню. Если уж он меня не послушает, значит никто с ним не справится. Я сам! Сам!»

И с тех пор начался новый кошмар.

Франек в кухне мечется, а князь торчит под дверью и уговаривает.

Вот тогда, наверное, господин в уме и повредился. Они через эту дверь часами переговаривались, я вам чистую правду рассказываю, ваша милость. Князь молил, плакал, потом начинал кричать, сердиться, а тот, за дверью, еще больше его злил и дразнил, смеялся, орал, мерзко кощунствовал. И никто об этом, кроме меня, не знал.

Прислуги в замке тогда уж почти не осталось, одна экономка, то есть кухарка, пани Зюлковская, но я ей сказал, что Франек тяжело болен и князь запретил к нему ходить.

А потом однажды князь пришел ко мне и велел больше не караулить. Мол, он сам станет день и ночь дежурить под дверью, постель себе там приготовит, а я чтобы только оставлял для него еду в соседней комнате.

И чтобы никто ни под каким предлогом не смел к ним являться! Он сам с сыном будет, сам его

уговорит, сам переубедит.

Что я мог поделать? Теперь-то я понимаю, что сглупил тогда, — надо было кому-нибудь рассказать, на помощь позвать, но кто ж знал, что все так закончится? Я ведь думал, что у князя ума побольше моего. Выглядел он, правда, ужасно: не брился, наверное, неделю, не мылся, спал одетым, глаза бегали, как у безумца, речь стала путаная, но мне и в голову не приходило, что он взаправду рехнулся. Ведь отцу с сыном всегда легче друг друга понять, чем чужим людям.

В общем, оставил я их вдвоем наверху и князя видал только раз в несколько дней за обедом. Вроде он даже успокоился немного, улыбался… Когда я спрашивал о Франеке, отвечал, что все налаживается.

«Да-да, голубчик мой Гжегож, все налаживается, — говорил князь. — Он успокаивается. Скоро мы с ним совсем помиримся. Мальчишка, конечно, легкомысленный, но сердце-то у него доброе. А я перед ним сильно виноват, ох как виноват. Но все налаживается, только тихо, тсс, никому ни слова».

Ну раз так, то и славно. А только через некоторое время мне это показалось подозрительным. Прошло несколько недель, а князь знай себе

твердит одно и то же: «Все налаживается, все налаживается». Что-то меня однажды дернуло, и я подделал ключ (князь дверь на ключ запирал, чтобы я в те комнаты не заглядывал) и ночью пошел к Франеку. Князь в это время спал.

Смотрю — дверь в старую кухню приоткрыта, а Франека нигде нет, как в воду канул.

Я бросился к князю, разбудил его. Где, мол, Франек?! Что случилось?!

Князь улыбается и говорит:

«Уехал, дорогой Гжегож, уехал. Я отправил его в путешествие, чтобы он немного успокоился. Это ему на пользу пойдет. Ты не беспокойся и не болтай. Никому ни слова!»

Тут-то я и смекнул, что князь рассудка лишился. Что там такое между ними произошло — до сих пор не знаю. Тела Франека я не нашел, хотя обыскал замок сверху донизу.

С тех пор князь такой, как сейчас. Не хочет об этом говорить, а спросишь — прикидывается, будто забыл. Но спрашивать и впрямь не надо, потому что ему сразу делается хуже…

Ну вот я вам и выложил все как на духу.

— Больше вы никому этого не рассказывали?

— Ни одна живая душа о том не знает! Не хочу я никого в это вмешивать! Боюсь, люди болтать

начнут!

Профессор с трудом сдерживал разыгравшееся воображение. Что за ужасы творились между этими двумя — безумцем и одержимым — в те страшные дни и ночи, что они проводили вдвоем у запертой двери? И стоит ли удивляться, что подобные потрясения не прошли бесследно и оставили в старой кухне свой демонический след?

Но как связаны эта мрачная история и таинственное подергивание полотенца? На этот вопрос Гжегож ответить не мог. Это была загадка, к которой ни у кого, кроме князя, не было ключа. А может, и у него тоже не было.

— И когда же вы заметили, что там нечистая сила завелась?

Камердинер развел руками.

— Долгое время я ничего не знал. Князь запер дверь и запретил входить в ту комнату — мол, Франек скоро вернется. А меня, правду сказать, что-то отталкивало от той старой кухни, вот я туда и не заглядывал — наверное, целый год. И потому не сразу понял, что князь что-то скрывает. Чего-то боится! Ночью не спит, все к кухне норовит подойти, однако же внутрь никогда не заходит, а только поблизости бродит. Иногда что-

нибудь скажет — вроде: «Там что-то происходит». Но я думал, ему мерещится. Наконец однажды он говорит:

«Гжегож, я тебе кое-что покажу, только никому ни слова».

Подвел меня к двери в кухню, но внутрь опять же заходить не стал, а лишь с порога указал на полотенце: «Смотри, какой тут сквозняк. Видишь, как это полотенце колышется? Колышется ведь, верно?»

Наверное, он сомневался, думал, что, может, зрение его подводит, хотел, чтобы я все подтвердил. Сначала я вообще не понял, что за штука с этим полотенцем, хотел снять его с крюка, да князь как закричит:

«Не трогай! Не трогай!»

И тут со мной что-то приключилось. Замутило. Как-то так страшно сделалось — тошно, мерзко… Тьфу!

Князь сразу с криком убежал прочь. Ну а я захлопнул дверь и тоже дал дёру! Много лет в то место не заглядывал. Но люди стали говорить, будто в замке нечистая сила завелась. Откуда они узнали, одному Богу известно, потому что я никому ничего не рассказывал.

Был тут на фольварке один практикант, пан

Рудзянский. Как-то явился ко мне. «Говорят, мол, у вас тут нечистая сила водится. Пустите меня туда переночевать, я, мол, в этих делах разбираюсь и ничего не боюсь». Это уж лет через пять было после той истории. Я вроде притерпелся, немного про нее подзабыл — сами знаете, человек за работой со временем обо всем забывает. Вот и разрешил ему переночевать в старой кухне. Утром заглядываю — нету его. Ищу — нет нигде. Уж думал, тоже исчез, как покойник Франек. Ан нет! Нашел я его в углу под лестницей. Меня не узнаёт, лицо руками закрывает, бредит. Его родные забрали, а доктора сказали, что у него и раньше была болезнь, которая теперь вдруг в мозг ударила. Глупости это все! Какая там болезнь! Просто увидел что-то такое, чего не смог вынести.

Такая же штука приключилась спустя несколько лет с одним… сыном повара. Его потом в лесу нашли, дурачком он сделался. Как есть сдурел, а ведь еще накануне был весел и здоров, что твой огурчик. Никто не знал, что с ним случилось. Но я когда увидел, что постель в старой кухне смята, сообразил, что он, верно, пробрался туда и поплатился за свое любопытство рассудком. Об этом я тоже никому не говорил. Нечего людям

зазря языком трепать.

А то, что вы, ваша милость, там переночевали, и без всякого вреда для здоровья — так это просто чудо! Послушайте! У меня к вам просьба. Если я не удержусь и стану вас расспрашивать о том, что вы видели, не говорите мне, пожалуйста! Даже если умолять вас начну! Не хочу я ничего знать! Мне до всего этого дела нет!

— Ну а пан секретарь чем доверие князя заслужил?

Гжегож скривился:

— Тьфу! Князь его больше боится, чем любит.

— А почему боится?

— Пан секретарь хитрый. Несколько лет назад князю чуток полегчало. Он хотел привести дела в порядок и нанял пана Холявицкого, с которым уже и раньше был знаком. Вроде это какой-то его дальний родственник, есть между ними какая-то связь… Но вскоре здоровье князя снова ухудшилось, а пан секретарь так при нем и остался, сумел как-то с ним столковаться. Все дело в том, что князь замок ни за какие сокровища не покинет, но и одиночества боится. Секретарь это подметил и с тех пор вертит им как хочет.

— Да ведь вы с князем должны быть ближе!

— Меня он к себе не допускает, — буркнул

старик, — потому что стыдится. Не любит меня, потому что я те времена помню. Хорошо еще, что вовсе не прогнал. Я только и жду, что меня на старости лет за порог выставят!.. Конец мне тогда!

— А может, князь пану Холявицкому ту историю доверил?

— Нет… Секретарь ничего не знает. Кабы знал — меня бы не расспрашивал. Как говорится, слыхал звон… Заметил, что князя мучает совесть, что он по ночам бродит и чего-то боится, но больше ничего ему не известно. Вот только недавно я, идиот несчастный, сам ему в той комнате сказал, что там нечистая сила. Одурел, видать, с перепугу. Беда! Столько лет молчал, а тут проговорился. Нет ничего хуже, чем правду открывать! Теперь-то уж точно начнется!

Гжегож стукнул себя по лбу.

— Ах да! Я вам еще фотографию Франека покажу. У меня есть в чемодане. Он мне однажды дал, когда в город ездил, потому что плохо вышло и ему не понравилось.

Через минуту Гжегож принес маленькую пожелтевшую карточку. Профессор взглянул и вздрогнул от удивления.

Это был портрет юноши лет восемнадцати. Красивое и вовсе не мрачное лицо озаряла осле-

пительная улыбка, однако в выражении глаз и очертании губ читалась ожесточенность. Сходство с князем действительно имелось, хотя голова на фото отличалась от княжеской отсутствием чуть дегенеративной аристократической утонченности. Скорее, это была смесь черт крестьянских и барских. Но Сколинский не потому так пристально всматривался в снимок.

Это лицо кого-то ему напоминало. Не только князя. Еще кого-то… Взгляд историка искусства, приученный улавливать схожие черты на разнообразных портретах, здесь также ощутил какое-то сходство… сходство…

И вдруг профессор понял: Франек немного напоминал Лещука.

Нет-нет, это иллюзия. Просто они оба молоды, вот и кажется, будто похожи. Они, вероятно, были ровесниками. Да и вообще, профессор чувствовал, что поддается гипнозу сходств. Сходство Майи с Лещуком… сходство Франека с князем… сходство Франека с Лещуком… Многовато.

— Гжегож, — спросил он, — а про знак вам что-нибудь известно? Что это за знак, которого ждет князь? Князь вроде бы ожидает какого-то послания от этого Франека, якобы тот должен кого-то прислать, когда простит ему вину, — и

этот человек подаст князю какой-то знак…

— Ни о чем таком я не слыхал.

— Это очень важно. Если выведать, что это за знак, можно было бы вылечить князя, — задумчиво сказал Сколинский. — Вытащить его отсюда.

— Разве что однажды… Правда, это пани Зюлковская…

— Да-да, так что она? Что?

— Была здесь экономка. Пани Зюлковская. Как-то князь и я одновременно заболели — тогда стояли сильные морозы, так что нас обоих грипп свалил. Пани Зюлковская ухаживала за князем и тоже говорила о каком-то знаке… Ага… Вроде как она принесла князю ночью лекарство и… не помню… то ли руку подняла, потому что чихнуть хотела, то ли еще что-то похожее сделала, а князь вдруг как закричит: «Знак, знак!» В общем, принял ее за привидение. Понятно, что пани Зюлковская сразу убежала.

— Гжегож, вспомните, пожалуйста! Если узнать про знак, то с князем можно будет делать все, что угодно, как с ребенком.

Камердинер прищурился, почесал голову и потер лоб.

— Нет, никак не выходит…

— Ну, подумайте еще. А эта пани Зюлковская,

где она сейчас?

— Уехала в Гродно, уже лет двенадцать как. Но где теперь, не знаю.

Профессор размышлял над тем, что следовало бы предпринять.

Найти Зюлковскую? Да, это, пожалуй, главное. Знак даст власть над душой безумца. С его помощью можно заставить князя уволить секретаря, разрушив планы Холявицкого, а затем излечить несчастного, распутав узел, парализовавший больную психику.

Но пока необходимо воспользоваться затянувшейся отлучкой Холявицкого. Вдруг удастся выведать еще какие-нибудь детали.

— Я пойду к князю, — сказал профессор.

— Не ходите — пан секретарь вот-вот вернется, — предупредил Гжегож, с тревогой выглядывая в окно, которое выходило на просторную равнину, окаймленную темной полосой леса. — Ума не приложу, что стряслось и почему он сегодня так задержался. А вас князь не знает, может закричать — или припадок у него случится.

Но профессор рассчитывал, что князь не забыл их ночную встречу.

Что ему сказать? Как проникнуть в его закупоренную, безумную душу?

Он осторожно приоткрыл дверь. Князь сидел на кровати, держа в руках маленький пустой пузырек. Он вздрогнул, но, когда Сколинский поклонился, вежливо кивнул в ответ.

— Не помешаю? — спросил профессор как можно мягче. Сердце у него сжалось при виде бедного старика.

— Пожалуйста! — сказал князь. — Я как раз собираюсь заняться наведением порядка. Нужно разобрать весь этот хлам. Вы ничуть мне не помешаете, если только позволите продолжать работу.

Несмотря на любезный тон, нетрудно было заметить, что князь весь дрожит. Безупречные манеры были у него в крови, но приход Сколинского явно его перепугал.

— Да уж, нелегкий труд вам предстоит, тут ведь и в самом деле накопилась куча всякой рухляди! — дружелюбно сказал профессор.

— Верно! Именно куча! Куча. А пан Холявицкий разве не с вами? — с опаской спросил князь, глядя на профессора.

Сколинский успокоил его, сказав, что Холявицкий ненадолго отлучился вниз, к Гжегожу. Пузырек внезапно выпал у князя из рук.

— Поднять?

— Нет-нет. Спасибо.

— А может, помочь вам с уборкой?

— О нет, благодарю. Я как раз обдумываю план, — вдруг лихорадочно принялся объяснять князь, — но не знаю, с чего начать. Генрик, то есть, простите, пан Холявицкий, никак не соглашается дать мне совет, а сам я не знаю… не знаю… Однако же что это я… Пожалуйста, извините меня, утомляю я вас своими…

Он снова поник, надулся и сидел, нахохлившийся, как птичка.

Сколинский понял, что старик говорит все это лишь для того, чтобы не коснуться ненароком недавних ночных событий. Возможно, князь даже не уверен, в самом ли деле они беседовали ночью: ведь реальность в голове безумца нередко сплеталась с бредовыми видениями.

Тем не менее профессор приблизился и сказал князю — ласково, словно обращаясь к ребенку:

— Да ведь делать уборку совсем несложно. Я бы посоветовал начать вот с этого угла, а потом постепенно двигаться направо, держась стены.

Князь взглянул на него:

— Верно! Конечно, надо с этого угла! Да-да! Но почему именно с этого, а не с того?

— Этот угол ближе всего к кровати.

Князь вскинул руки в удивленном жесте.

— Точно, — прошептал он.

— Если вы позволите, мы прямо сейчас и начнем.

Профессор склонился над лежавшими на полу предметами.

— Стойте! Стойте! — испугался князь. — Ведь неизвестно, что может пригодиться. Лучше не трогать! Не выбрасывайте ничего! Это совсем не так просто решить!

— Я бы вообще не стал ничего выбрасывать. По-моему, любая вещь может пригодиться. Никогда заранее не знаешь…

— Вот именно…

— Но это не значит, что нужно хранить у себя кучу хлама. В таком беспорядке вы все равно не сможете ничем воспользоваться, потому что непонятно, что здесь есть, а чего нет. Я бы предложил рассортировать все эти вещи по определенной системе и разложить в соседней комнате. Ничего не будет выброшено, и в то же время получится порядок.

— А знаете, это мысль!

Князь взглянул на него как на спасителя. Сколинский понял, что нашел путь к сердцу безумца.

Он принялся объяснять ему свой метод сортировки, выделил пять категорий, предложил составить опись предметов и дополнить ее указателем, ввел столько технических удобств, что князь вдруг почувствовал, как постепенно освобождается от ужасной груды мусора, отравлявшей ему жизнь. Он и думать забыл о каком бы то ни было недоверии. Гольшанский вскочил с кровати, и они вдвоем принялись за дело.

Однако вскоре Сколинский понял, что оказался в затруднительном положении. Уборка явно затягивалась, и он опасался, что вот-вот появится Холявицкий. Профессор пытался под разными предлогами уйти, но князь всякий раз судорожно его удерживал. Было видно, что одиночества он боится еще больше, чем профессора.

— Нет! Нет! Нет! Еще вот это! Вот эту кучку!

Вдруг дверь открылась. На пороге стоял Холявицкий.

— Что здесь происходит?!

Голос секретаря звучал враждебно и сурово.

Князь вскочил.

— А, Генрик, милый! Это ничего, ты только не кричи, голубчик. Уборка! Мы делаем уборку! Не волнуйся, Генрик. Этот господин был так любезен… Но ничего страшного, это пустяки!

Он весь дрожал. Секретарь, не обращая на него внимания, подошел к профессору.

— Прошу вас выйти! — прошипел он в ярости.

— Генрик, голубчик, не сердись! — взмолился князь. — Останьтесь, прошу вас! — тревожно обратился он к Сколинскому. — Не уходите!

Профессор заколебался. Но Холявицкий схватил его за руку и грубо вытолкнул из комнаты, после чего приблизился к князю.

— Вы вот это видели? — тихо спросил он, показывая хлыст, который держал в руке. — Советую вам… без капризов! Мне надоело! С меня хватит!

— Что… Генрик, милый?! Господи боже мой!

Князь бросился на постель и зарылся головой в подушки. Никогда раньше секретарь не угрожал ему побоями. Тело Гольшанского сотряс детский визгливый плач.

Секретарь и в самом деле был настроен решительно. Он только что вернулся из Полыки — всю дорогу гнал лошадь галопом, так что его лицо было исхлестано ветками. Вряд ли бы это что-то дало, но он все же собирался еще раз съездить в имение и снова попытаться поговорить с Майей. В замок Холявицкий заглянул на минуту, только чтобы проверить, все ли в порядке, — и тут же обнаружил, что его отлучка имела роковые

последствия.

Профессор таки сумел подобраться к князю!

Оставив плачущего старика, секретарь хлопнул дверью и направился к Сколинскому.

— Я просил вас не показываться князю на глаза! Говорил вам, что чужие люди его нервируют!

— Говорили? — апатично переспросил Сколинский. — Ах да, припоминаю…

Но Холявицкий больше ему не верил! Теперь комната с привидениями казалась ему глупостью. Как он мог быть таким наивным?!

— Послушайте! Вы должны немедленно покинуть замок! Ваше присутствие здесь для меня обременительно! Поняли? И уясните раз и навсегда, что вы никак не можете мне навредить, поскольку я действую законно. Но все же мне хотелось бы избежать лишних осложнений, так что, если вы сохраните эту историю в тайне, я вас вознагражу… Вы же понимаете, что, учитывая обстоятельства, даже крупная сумма для меня не проблема. Да не вздумайте мне помешать, иначе я найду на вас управу… Уж поверьте! Нет у меня времени играть с вами в эти игры!

Профессор взглянул на него и понял, что сопротивление бессмысленно.

— Я-то уеду, — сказал он. — Но и вы меня по-

слушайте. Вы думаете о мнимых опасностях, а реальных не замечаете. На вашем месте я бы бросил все это и бежал куда глаза глядят.

— Интересно почему же?

— А вот почему!

И Сколинский указал пальцем в сторону старой кухни.

— Какая чушь!

— Это не чушь! Клянусь душой моей матери! Вы не представляете, насколько *это* реально и истинно. Берегитесь. Я бы предпочел убить кого-нибудь вдали от этого места, чем совершить здесь — рядом! — нечто куда менее дурное. Здешнее зло имеет особый резонанс!

Голос профессора звучал торжественно и предостерегающе. Секретарь, несмотря на всю свою ярость, заколебался.

— Что вы там видели?

— Это мое дело!

— Убирайтесь! — крикнул Холявицкий. — Чтобы через пять минут и духу вашего здесь не было! Хватит с меня этой чепухи! И запомните: либо так, либо никак, третьего не дано!

— А я вам советую — не делайте резких движений. Вы же ничего не знаете! Не знаете, что творится у вас под носом, прямо в этом замке!

В этот момент раздался голос князя:

— Прошу прощения!

Стоя в своем невероятном халате на пороге темного зала, он напоминал призрака. Секретарь бросился к нему, крича на бегу: «Вы зачем вышли из комнаты?!» — но тут же осекся. Князь изменился до неузнаваемости. Легким мановением руки он отстранил от себя Холявицкого.

— Кто это должен отсюда убираться? Я слышал, что кто-то должен убраться из замка? Это ведь о вас шла речь, не так ли?

Сколинский, несмотря на все свое волнение, невольно склонил голову — такой величавостью и достоинством веяло сейчас от безумца.

— К сожалению, мне придется уехать, — сказал он взволнованно; сердце его переполняла жалость к несчастному.

— Почему же?

— Потому что я так велел! — крикнул Холявицкий.

Князь удивился:

— С каких это пор мой писарь распоряжается моим замком? Боюсь, что если вы будете настаивать на своем, то первым… первым уедете отсюда именно вы!

Холявицкий побледнел как полотно. Он впер-

вые слышал от князя нечто подобное. Эта перемена казалась невероятной. И князь производил впечатление совершенно здравомыслящего человека.

— Прошу прощения, — пробормотал он.

— Вы — мой гость, — с прежним достоинством продолжал Гольшанский, обращаясь к профессору. — Я приглашаю вас в свой замок и прошу не обращать внимания на бестактность моего писаря. Уверяю вас, я сумею его укротить. Вы не можете отсюда уехать. Вы мне крайне необходимы для наведения порядка! Замок до отказа забит хламом и рухлядью — взять хотя бы этот зал! Я задохнусь в этом хламе! Утону в нем! Это вредит моему здоровью! Вы должны меня спасти! Я могу заболеть! Спасите меня — спасите меня — спасите меня…

Последние слова он произносил все быстрее, пока они не перешли в крик и старик не рухнул на пол.

— Прочь! — прошипел Холявицкий профессору, когда тот бросился на помощь. Потом он подхватил иссохшее тело князя и унес в спальню.

Секретарь лишь теперь в полной мере осознал серьезность положения. Стена одиночества вокруг старика была разрушена. Сколинский

отобрал у него главный козырь — он больше не был тем единственным человеком, без которого Гольшанский не мог обойтись! Князь хочет оставить Сколинского при себе! И каким тоном он внезапно заговорил!

Как же поступить?! Холявицкий уложил князя в постель и побежал к профессору.

— Чтобы через пять минут вас тут не было!

Но профессор с серьезным видом покачал головой:

— Я не уеду!

— Как это — не уедете?

— Вы же слышали — я приглашен самим князем.

— Но он сумасшедший!

— Если он сумасшедший, его следует признать недееспособным. А до тех пор — я здесь и уезжать не намерен! С места не двинусь, пока князь самолично меня об этом не попросит.

— Вы что же, намерены о нем заботиться?

— Возможно.

Решение профессора было окончательно и бесповоротно.

Таким же — что куда огорчительнее — оказалось и решение князя. Напрасно Холявицкий пытался сломить болезненное упрямство безум-

ца. Очнувшись от обморока, князь впал в полное изнеможение: героическая поза, которую он принял перед секретарем, оказалась ему не по силам, к тому же снова дал о себе знать страх перед Холявицким, так что он покорно выслушивал все его грозные и суровые тирады. Но тем не менее Гольшанский упрямо стоял на своем, и секретарь понял, что князь и впрямь охотнее расстанется с ним, чем с профессором. Что ж, видно, ничего не поделаешь. Сколинский проник в замок, и с этим надо смириться.

Наступившая ночь оказалась для Холявицкого не легче, а в сто крат тяжелее предыдущей. Два роковых поражения, которые он потерпел — одно в Полыке, другое в замке, — не давали ему уснуть, хотя вот уже двое суток секретарь почти все время был на ногах. Майя! Что там с Майей? Отчего она убежала в лес, отчего Лещук преследовал ее, отчего она заперлась в комнате и отказалась с ним говорить? Что произошло между ней и Лещуком? Надо бы съездить с утра в Полыку. Но в таком случае он снова оставит Сколинского и князя без присмотра. Может, не ехать?

К этим мукам прибавился глухой страх перед загадочными словами профессора: «Я бы предпочел убить кого-нибудь вдали от этого места, чем

совершить здесь — рядом — нечто куда менее дурное. Здешнее зло имеет особый резонанс». Да еще это полотенце, которое без устали трудится там, в глубине замка, в старой кухне… Ветхое полотенце, которое постоянно вздувается, корчится, шевелится… И то, что Сколинский, его враг, знает больше, знает что-то такое, чего не знает он сам…

Лишь под утро Холявицкий погрузился в глубокий сон. Однако уже в десять часов его разбудил Гжегож. Посыльный из Полыки принес письмо от пани Охоловской.

Протирая глаза, еще не совсем очнувшись от сна, секретарь вскрыл конверт — и мгновенно пришел в себя.

Всего несколько слов, наспех начертанных карандашом:

Прошу вас немедленно приехать. Майи нет. Очень беспокоюсь.

Глава X

На станции Майя велела конюху провести здесь пару часов, а потом не торопясь возвращаться в Полыку. Как раз подошел львовский поезд. Это даже лучше, чем отправляться прямиком в Варшаву.

Во Львове Майя позавтракала; потом долго дожидалась варшавского экспресса.

Она была уверена, что Лещук в Варшаве. Совершенная кража не позволяла ему вернуться в Люблин, в свой клуб. Наверняка он, как и собирался, поехал в столицу — осуществлять свои теннисные планы.

Сама же Майя, спроси ее сейчас кто-нибудь, почему она сбежала из дома и почему, словно в беспамятстве, следует за Лещуком, не сумела бы дать точный ответ. Она только знала, что в Полыке оставаться больше не может.

Все уже, наверное, догадались, что между ней и Лещуком что-то произошло.

Майе было стыдно — перед матерью, перед Крысей, перед Жаловским, перед Холявицким, перед прислугой, перед всеми-всеми! Она просто

с ума сходила от стыда.

Нет, Полыка исключается! Полыка — это прошлое!

К тому же невозможно допустить, чтобы между ней и Лещуком все оставалось так, как есть! Чтобы все завершилось вот так!

Увидеть его еще раз! Увидеть другим, чем прежде. Еще раз убедиться, возможно ли это: чтобы он был таким, а она — такой. Но главное — следовать за ним. Толкавшей ее силе девушка противостоять не могла.

К счастью, в купе никого не было. Беглянка упала на скамью и уснула, измученная переживаниями.

Однако вскоре она очнулась и, словно в тумане, увидала сидевшего напротив господина, который за ней наблюдал.

Майя закрыла глаза и попыталась снова уснуть, но спустя мгновение все же взглянула на мужчину из-под полуприкрытых век. Тот по-прежнему спокойно и строго смотрел на нее. Это было невыносимо.

— Простите, — вежливо обратился к Майе попутчик, видя, что она открыла глаза, — если я вам мешаю, то могу перейти в другое купе. Носильщик внес мои вещи сюда, прежде чем я успел

выбрать место.

Голос у него был низкий и очень приятный, а внешность выдавала человека из приличного общества. Судя по его поведению, ни о чем дурном он не помышлял. Майя сразу почувствовала себя великосветской дамой, что доставило ей невыразимое удовольствие.

— Не утруждайтесь, — ответила она. — Я все равно больше не буду спать.

Незнакомец явно хотел что-то добавить, но — промолчал. Майя это заметила и снова ощутила глубокое удовлетворение, к которому примешивалось нечто вроде благодарности. В последнее время она пережила столько унижений, что даже толика заботы о ее душевном покое чрезвычайно обрадовала девушку. Она глядела на мелькавшие за окном пейзажи.

— Простите, — сказал мужчина немного смущенно, — но вы поранились. Кровь…

Майя поспешно коснулась губ. Открылась маленькая ранка — из тех, вчерашних, полученных в лесу, и девушка вдруг осознала, что сидит перед незнакомым мужчиной вся в синяках и царапинах. И губы в крови. Майя начала искать носовой платок.

— Ах да, я упала с лошади.

— Позвольте предложить вам одеколон. Ничего серьезного, но в дороге лучше не рисковать.

Он старался не показать, насколько заинтересовала его эта молодая, красивая девушка.

Кто же это? Такая удивительная смесь полудетского девичества, женской утонченности и какой-то специфической ожесточенности, о которой свидетельствовали и синяки с царапинами, и все ее поведение…

Почему-то мужчине стало ее бесконечно жаль, и, чтобы не смущать спутницу, он поспешно добавил:

— Вы, должно быть, сильно ушиблись. Я тоже как-то упал с лошади на камни и разбил лицо.

Майя снова уставилась в окно. Как быстро мелькают деревья! День стоял пасмурный, дождливый… Мимо, в такт мерному покачиванию вагона, проплывала бесконечная шахматная доска мокрых полей. Что ждет ее в Варшаве? И что скажет мама?

Майя достала карандаш и начала писать на вырванных из блокнота листочках:

Мама!

Не сердись на меня. Я взяла деньги и вернусь нескоро. Не ищи меня. Я решилась.

Я сбежала одна, а не с кем-то, – даю тебе в этом честное слово.

Я намерена быть самостоятельной. Мне нужно начать другую жизнь. Не хочу, чтобы кто-то – особенно ты – наблюдал сейчас за мной и беспокоился. Мне нужно какое-то время пожить среди совершенно чужих людей.

Холявицкому скажи, что я с ним порвала.

Для остальных сочини какую-нибудь историю про мой внезапный отъезд.

Мамочка, я знаю, что все это для тебя значит, но я была должна. Ты не знаешь, что со мной случилось. Если все сложится благополучно, я вернусь и все тебе расскажу, и мы заживем иначе, чем прежде. Это не только моя вина.

Майя

Перечитав свое не слишком внятное письмо, она задумалась и дописала еще:

Мне нужно понять, какая я на самом деле. Узнать, какая у меня натура.

И внизу, неразборчиво:

Боюсь, я гораздо хуже, чем думала. Но в любом случае целую тебя тысячу раз, и знай, что во мне больше любви к тебе, чем ты думаешь. Просто я не умела это показать.

Девушка вложила письмо в конверт.

Получалось, что она теперь взяла на себя кражу, которую совершил Лещук. Но разве они крали не вдвоем? Разве не она уговаривала его украсть?

Поезд подъезжал к Варшаве. Молодой человек еще долго провожал Майю своим спокойным и строгим взглядом — окруженная толпой, девушка спустилась по вокзальным ступеням и скрылась из виду. Он присвистнул сквозь зубы. Сердце его сжалось от безмерной печали.

* * *

Майя решила пока поселиться у своей подруги Розы Влоцкой. В гостинице она остановиться не могла, так как у нее было при себе всего сто с небольшим злотых — включая сотню, оброненную Лещуком. Еще она надеялась, что Роза найдет ей какой-нибудь заработок.

С Розой они были довольно близки в пансионе, хотя та была почти на три года старше. В послед-

ний год они не виделись, но переписывались — впрочем, от случая к случаю.

Из этих писем Майя знала, что Роза учится в Варшавском университете и снимает маленькую комнатку на Кручей. Поначалу Роза жаловалась на одиночество и скуку и даже подумывала, не вернуться ли к родителям, которые держали под Тарнувом водяную мельницу и лесопилку, но потом ее письма стали веселее.

Она писала, что переехала на Черняковскую и завела весьма приятные знакомства. Что до этих знакомств, то в письмах имелось множество загадочных намеков, сопровождаемых столь же туманными комментариями вроде: «В жизни надо уметь устраиваться», «Не стоит переживать» и так далее и тому подобное.

Зная финансовые возможности Розы, Майя была уверена, что комнатка на Черняковской — жилище весьма скромное, а потому опасалась сильно стеснить подругу.

Однако Роза приняла ее с распростертыми объятиями. Комната оказалась великолепной. По сути, это была отдельная квартирка, с маленькой прихожей и ванной, в одном из новых домов, какие строились в этом районе. Много солнца и воздуха, да еще и огромный балкон с чудесным

видом.

— Нам вполне хватит места! — воскликнула Роза. — И давай без церемоний! Можешь жить у меня сколько угодно. Но что привело тебя в Варшаву?

— Я сбежала.

— Сбежала из дома? Вот так история!

— Я поссорилась с матерью и порвала с Генриком.

— Ты с ума сошла! Почему? Майя! Это он сделал? Ты вся в синяках!

— Сцена ревности.

— Ага! Ну, тогда не удивляюсь, что ты с ним порвала. Ты увлечена кем-то другим?

— Да, но он женат, — соврала Майя, — и ему предстоит развод. На это нужно время. А пока я должна сама себя содержать, понимаешь? Я не могу брать деньги ни у матери, ни у него.

— Да ладно, все будет хорошо!

Обе девушки внимательно оглядели друг друга.

— Ты изменилась, — сказала Роза.

— Ты изменилась, — эхом отозвалась Майя.

Влоцкая и в самом деле показалась ей совершенно другой, чем прежде. Майя помнила ее застенчивой, миловидной, но не слишком эф-

фектной девушкой, а теперь перед ней стояла очаровательная молодая дама, прекрасно одетая, благоухающая духами, раскованная и уверенная в себе.

Она смеялась, говорила много и быстро, блестя глазами. Но странное дело: в этой веселости ощущалась некая печаль. Казалось, радость в любой момент может обернуться горькими слезами.

Вероятно, и Влоцкая, приглядевшись к Майе, тоже сделала для себя какие-то выводы, потому что обе девушки вдруг погрустнели и в воздухе повисло ощущение недоговоренности. Они еще долго болтали, но старались не касаться вещей, которые не могли обсуждать без обиняков. Целью разговора было скорее разведать, можно ли быть друг с дружкой откровенными и насколько.

На следующий день около полудня Майя вышла на улицу и долго бродила по Варшаве, почти бездумно. Синяки за ночь побледнели, и выглядела она уже сносно.

Наконец девушка отправилась в теннисный клуб. Ее встретили восторженно. Майю, талантливую теннисистку, отлично знали в спортивном мире.

— Кого я вижу! — воскликнул чемпион Врубель, выбежав ей навстречу с корта. — Боже мой,

Майечка приехала! На турнир, да?

— Какой турнир?

— Ты не знаешь?! Мы готовимся играть с голландцами. Кубок Дэвиса. Держу пари, влепим им три — два, вот увидишь! Ты на луне, что ли, живешь, что ничего не знаешь?! Эх ты, девчонка!

Ему пора было идти, с корта уже кричали:

— Щегол, не отвлекайся! Играем!

Майя поздоровалась с управляющим, паном Пупсом, который присматривал за мальчиками, поливавшими корты. Он сказал, что Лещук действительно заходил вчера вечером в клуб — хотел поговорить с хозяином, паном Ратфинским. Но поскольку того не было на месте, ему велели прийти через два дня. А адреса он не оставил? Нет, не оставил.

— Не говорите ему, что я о нем спрашивала, — сказала Майя небрежно. — Он хочет записаться. Просил меня поспособствовать, но я не уверена, что могу его рекомендовать! А Клонович здесь?

— Да, вон он выходит из раздевалки.

Клонович был кандидатом на четвертую ракетку в игре с голландцами, но окончательно вопрос о его участии пока не был решен.

— Представьте себе, я до сих пор ничего не знаю! Между нами говоря, здесь такой змеюшник,

ужас. Все друг друга подсиживают! Поверите ли, мне сказали, будто Дымчик настраивает Врубеля против моего участия в игре. А ведь известно, что с мнением Врубеля все считаются.

— Пустяки, так везде, не стоит переживать! Зато появляются свежие силы.

— Свежие? — кисло отозвался Клонович. — Не слыхал. Врубель, Гавлик, я и Липский — вот и все. Водзинского, прямо скажем, переоценивают.

— В четверг должен записаться новый игрок. Фамилия Лещук, весьма целеустремленный юноша. Говорят, первоклассный талант, хоть его еще шлифовать и шлифовать. Так мне только что сказал Пупс. Кто знает, может, он пригодится против голландцев.

— Что вы говорите? Не может быть! Откуда?! В четверг? В котором часу?

— В шесть.

Клонович распрощался; вид у него был крайне недовольный. Майя была уверена, что он «позаботится» о Лещуке и сделает все, чтобы не допустить его в клуб. Этого она и добивалась!

Попади он в клуб, сделай спортивную карьеру — приобрел бы совсем другой статус, превратился бы, возможно, в одного из тех культурных, хорошо одетых молодых людей, с которыми Майя

встречалась. И тогда, быть может, она не сумела бы устоять перед «сходством», которое толкало ее к нему.

«Нет-нет, лучше не надо».

В квартире Влоцкой она застала молодую блондинку, которая возлежала на кушетке, забросив ноги на стол. Роза представила ее как панну Изабеллу Кшискую, свою соученицу. Майя сразу отметила поразительную красоту гостьи. Огромные голубые глаза и сияющее личико; зубы, уши, руки и ноги также безупречны.

— Давайте на «ты», — сразу предложила панна Кшиская, — терпеть не могу всякие церемонии.

Тем временем Роза достала из шкафа бутылку ликера и принялась угощать подруг. Майя, уже успевшая познакомиться с двумя другими Розиными приятельницами, поразилась тому, до чего они все красивые — как на подбор, — но промолчала. В какой-то момент она поняла, что следует быть осторожной. Ей казалось, что Роза все время ходит вокруг какой-то темы, которую не решается затронуть. Из-за этого они обе стали крайне сдержанны, ведь и у Майи имелись свои секреты.

А раньше они ничего не скрывали друг от друга. Девушки понимали, что за это время сильно

изменились, но ни одна из них не была уверена, изменилась ли другая настолько, чтобы можно было открыться ей полностью. Выстроить отношения по-новому пока не получалось.

Майя видела, что Роза слегка смущена излишней раскованностью блондинки, которая рассказывала о вчерашней вылазке в Вилянов в компании каких-то промышленников из Катовице. Впрочем, панна Кшиская тоже внимательнейшим образом разглядывала Майю, удивляясь и синякам, и неожиданным интонациям (например, ее протяжному «не-е-ет»), и взглядам, непроизвольно выдававшим нечто темное и загадочное.

В общем, три грации исподволь наблюдали друг за другом, пытаясь понять, насколько можно быть откровенной с собеседницами, — и каждая при этом была обременена собственной тайной, собственным пороком.

— Пойдем сегодня с нами на танцы? — предложила Майе Роза. — Мы собираемся пойти со знакомыми Изы — директорами одной фабрики из Катовице, они приехали ненадолго и хотят развлечься. Еще с нами будет председательша Алимская, — добавила она, — собственно, это ее знакомые.

— А что это за пани Алимская? — поинтересовалась Майя.

— Очень приятная особа и моя большая подруга. Тебе она точно понравится. Ну что, договорились? Тебе будет полезно с ней познакомиться, она может помочь. У нее есть связи.

В половине одиннадцатого они втроем, в сопровождении двух весьма элегантных пожилых господ и величественной пани Алимской, входили в модный столичный дансинг.

Майя ожидала увидеть добродушных и простоватых силезских парней, но оба промышленника были облачены в смокинги и выглядели безупречно; один, впрочем, оказался то ли шведом, то ли датчанином и едва говорил по-польски. Пани Алимская, как выяснилось, была по происхождению русской и сочетала в себе восточное радушие и западноевропейскую утонченность.

Появилось вино, завязалась легкая светская беседа. Майю пьянили игра света и звуков, водоворот танцующих пар.

Вскоре к ним подсели еще двое мужчин. Один был секретарем посольства, а второй — лысоватый блондин с изможденным лицом — представился Шульком и, похоже, был близким знакомым Алимской.

После полуночи появились еще две дамы в сопровождении какого-то графа, и Майя снова удивилась, отметив их исключительную красоту и изысканные, хоть и скромные наряды.

За двумя столиками, которые они заняли, не было — кроме пани Алимской — ни одной женщины, не обладавшей поистине выдающимися внешними данными, и эта череда великосветских прелестниц парадоксальным образом произвела на Майю впечатление чего-то неприятного и подозрительного, хотя манеры у дам были безупречны.

Они обращали на себя внимание, и вскоре к ним присоединился еще один господин — дородный краснолицый мужчина, которого встретили весьма уважительно, именуя «господином министром».

К Майе был особенно внимателен секретарь посольства, которого пленил ее прекрасный французский. Девушка много танцевала и немало выпила, так что в конце концов пани Алимская наклонилась к ней:

— Смотри не переборщи, дитя мое.

— Не-е-ет, — протянула Майя, чувствуя головокружение.

Появился еще один иностранец — высокий,

строгий и худощавый англичанин. Тем временем пани Алимская завела с Майей долгий разговор на общие темы — она была мила и доброжелательна. Лишь однажды, когда Кшиская под действием алкоголя засмеялась слишком громко, председательница сказала ей со значением:

— Поправь локон, дитя мое.

Иза моментально протрезвела.

И снова танцы в толпе, словно сливавшейся в одно тяжелое и судорожно кружащееся тело. А вокруг — огоньки, звуки, алкогольное марево, атмосфера нервного возбуждения… Майя потерялась во всем этом — и уже не понимала, как здесь очутилась.

Вдруг, словно очнувшись, она увидела у колонны, у входа в бар, того незнакомца из поезда. Его взгляд мгновенно отрезвил девушку. Майя заметила, что во время танца дипломат слишком откровенно прижимается к ней, и отстранилась. Тот возмущенно посмотрел на нее и прервал танец.

— Я провожу вас к столику, — сухо сказал он.

Майя обиделась. Что он себе позволяет?

— Лучше проводите себя, причем подальше от меня. Я предпочитаю сохранять… дистанцию, — заговорила в ней прежняя панна Охоловская.

Чтобы избавиться от его общества, она подошла к незнакомцу:

— Добрый вечер. Вот мы и снова встретились.

— Вы с той компанией — за теми двумя столиками?

— А почему вы спрашиваете?

— Потому что эта компания мне не нравится.

— Почему же?

— Слишком много иностранцев. Слишком много сановников. И слишком много красивых женщин, таких, как вы.

— Таких, как я, — это каких?

— Не столько развращенных, сколько развращаемых.

— Что за вздор вы говорите?!

Он посмотрел ей прямо в глаза:

— Не потеряйтесь.

— Не-е-ет, я не теряюсь, я просто танцую.

— А знаете, что я сейчас делаю?

— Стоите и разговариваете со мной.

— О нет, не только это.

— А что же еще?

— Я вас уважаю, — твердо сказал он. — Знайте, что я искренне и по-настоящему вас уважаю. Вы этого достойны, да и вообще — это мой долг.

Кровь прилила к щекам Майи.

— Мне не требуется ваше уважение!

— Неправда, уважение вам очень нужно. Впрочем, это не важно. Я вас уважаю и буду уважать всегда, хотите вы того или нет.

Она взглянула на него. Неужели он думает поймать ее на этот крючок? Нет, вряд ли. И его осанка, и твердый, решительный взгляд, и даже форма головы — все внушало глубокое доверие. Это был человек утонченный — внутренне. Он имел право внезапно одарить кого-то своим уважением, и этот дар следовало принять, поскольку он был действительно ценным.

— Вы уже уходите? — с сожалением спросила Майя, когда он молча поклонился.

— Мне нечего здесь делать.

— Подождите, — прошептала девушка, тревожно оглядываясь. — Я хочу с вами поговорить. Приходите послезавтра в кафе здесь, наверху. В пять.

— Хорошо.

Когда она вернулась к столику, председательница спросила ее:

— Вы встретили знакомого?

— Да.

— О, надо было представить его мне. Не сердитесь, моя дорогая, но я единственная немолодая

дама в нашей компании, и вы все в какой-то степени находитесь под моей опекой. Я ничего не имею против веселья, но формальности следует соблюдать. А что до этого заграничного господина… — Она улыбнулась. — Вы отлично поставили его на место! Я видела. Таких нужно держать в узде. В вас сразу ощущаются порода, традиции и воспитание.

Около четырех утра один из промышленников оплатил счет, и компания покинула заведение. Майя с наслаждением вдохнула свежий утренний воздух. Люди труда — дворники, рабочие, склонившиеся над трамвайными рельсами, редкие прохожие, спешащие по делам в столь ранний час, — совершенно не замечали измявшиеся за ночь наряды и лица тех, кто усаживался в авто. Они давно привыкли к подобному.

— Ну и как тебе? — спросила Роза. Перед сном они еще немного посидели на просторной террасе, откуда было видно Вислу и виллы на Саске Кемпе.

— Честно?

— Конечно!

— Все это выглядит подозрительно.

Роза рассмеялась:

— Ты права! Так оно и есть! Майя, дай мне

честное слово, что никому не проболтаешься, и я расскажу тебе, в чем тут дело. Ну? Даешь слово?

— Даю.

— Держи!

Роза бросила ей апельсин, а сама принялась чистить другой. После паузы она заговорила с набитым ртом:

— Видишь ли, это Общество взаимопомощи, которое основала председательша. Ха-ха-ха! Майя, ты, наверное, вообразила себе черт знает что, а на самом деле тут нет ничего плохого! Это просто превосходная идея пани Алимской.

Идея председательши была и в самом деле одновременно невинной и гениальной. Речь шла, как она сама выражалась, о взаимовыгодном обмене услугами, основанном на принципах рациональности и цивилизованности.

Богатые промышленники, коммерсанты и прочие путешественники-космополиты, посещающие Варшаву, мечтают развлечься, однако, как правило, не обладают нужными знакомствами.

В лучшем случае им приходится довольствоваться танцовщицами или другими дамами с сомнительной репутацией, что, как объясняла Майе Роза, и невыгодно, и малоприятно. Куда лучше отправиться в заведение с дамой из обще-

ства — это создает совсем другую атмосферу.

— Ну так вот, мы предоставляем им свое общество, а они обеспечивают нам развлечения. Без пани Алимской ничего бы не получилось. Председательша обладает прекрасной репутацией и оберегает нас от злых языков. Поверь, она исключительно тактична и умеет во всем соблюдать меру. Ты сама видела, что Алимская в этом смысле бесподобна. У нее обширные связи, она отлично разбирается в людях и не подпустит к нам тех, кто не умеет себя вести.

Кроме того, ей удалось собрать команду из весьма симпатичных девушек и молодых разведенных дам из хороших семей. А большое количество красивых женщин — мощнейший магнит. Лучшее доказательство — то, что к нам вчера присоединился даже министр, пускай бывший, но все же… Это позволяет пани Алимской завязывать все новые знакомства во влиятельных кругах, сводить людей, которые полезны друг другу, — и извлекать из этого немалую выгоду; конечно же, в разумных пределах, поскольку она женщина во всех отношениях порядочная. Ну а мы — своего рода приманка. Говорю тебе, — с энтузиазмом объясняла Роза, — шесть-семь очень красивых и хорошо воспитанных девушек — это

сила, которой ничто не может противостоять. В наш круг жаждут попасть и стар и млад. Создала его председательша, и он ей очень полезен, а нас в благодарность за наши усилия она опекает. И расходы оплачивает, ведь чтобы посещать модные заведения, нужно выглядеть элегантно.

— Так вы берете у нее деньги?

— Вообще-то, нет. Ну, иногда. Если она и дает нам деньги, то лишь потому, что ей это выгодно. В этом нет ничего дурного. Услуга за услугу. Не бери я ее денег — полностью зависела бы от родителей.

— Знаешь, что я тебе посоветую? Плюнь ты на это Общество.

— Дурочка! Во-первых, это никакое не Общество — мы просто между собой в шутку так его называем. А во-вторых, тут нет ничего предосудительного. Ну не желаю я сидеть в кондитерской с каким-нибудь студентом и хлебать дешевый кофе! Да, и еще… Майя, ты ей очень понравилась. Она может подыскать тебе работу и вообще… поспособствовать. Если ты порвала с Полыкой, то это отличный шанс.

И Роза бросила на подругу пристальный взгляд, в котором читалось некоторое беспокойство.

— Хорошо, — согласилась вдруг Майя.

Роза про себя поразилась. Эта Майя — настоящий омут. Только что морщилась, а теперь соглашается. Что за бес в ней сидит?

Лицо Майи было почти безжизненным, бесстрастным, только губы болезненно подрагивали — и вдруг она зевнула:

— Пойдем спать.

На следующий день девушки навестили председательшу в ее небольшой, но изысканно обставленной квартирке на Кредитовой. Официальной целью визита была просьба подыскать для Майи какую-нибудь работу, поскольку та неожиданно оказалась в трудном положении.

— С удовольствием, дитя мое, с удовольствием. Приходи завтра вечером в отель «Европейский», я познакомлю тебя с одним очень влиятельным финансистом, моим добрым знакомым. Он может кое в чем помочь. Это же само собой разумеется, что люди должны поддерживать друг друга.

Распростились они очень сердечно.

Вечером Роза вернулась домой в отличном настроении.

— Ты на коне, — сказала она. — Она тобой очень заинтересовалась. Представь, тот финансист, с которым ты завтра познакомишься, — это Малиняк. Ну, знаешь — тот самый, из Америки,

богач, который приехал в Польшу, чтобы вложить капитал в производство автомобилей. Я была у Алимской час назад и все разузнала. Она говорит, что ты лучшая из всех нас, потому что у тебя исключительное обаяние и — как это она выразилась? — в тебе есть сразу все: и ребенок, и дама, и женщина-вамп, и барышня из хорошей семьи, и даже девушка из народа — что делает тебя безумно интересной. Знаешь, услышать подобный комплимент от такого знатока — это дорогого стоит, — закончила она, обнимая Майю, чтобы скрыть тень зависти, которую не сумела сдержать. — Ах да, еще одно! Оденься как можно скромнее. Твое платье ей тоже очень понравилось.

— Я тебе очень благодарна, — сказала Майя. — Не знаю, что бы я без тебя делала.

Они расцеловались. Но обе осознавали, что прежней искренней дружбе конец. В их отношения вкрался расчет, более того: они уже не доверяли друг другу. Роза удивлялась, что Майя так легко согласилась принять помощь председательши, а Майя, в свою очередь, подозревала, что Роза прошла по этому скользкому пути дальше, чем готова признать. Обе втайне удивлялись друг дружке и даже слегка презирали, но каждую

устраивало, что другая именно такова.

Майя колебалась, стоит ли идти на встречу с Моловичем — так звали ее нового знакомого из поезда. Зачем? Чтобы сообщить ему, что она всерьез связалась с компанией, которая ему так не по душе? Ах, даже этого она не может ему сказать, поскольку дала Розе слово.

С другой стороны, меньше всего ей хотелось вводить его в заблуждение и притворяться. Его прямота и ее обязывала быть честной.

К тому же она боялась, что он ее полюбит. Майя осознавала силу своего обаяния, и ей даже казалось, что с тех пор, как она покатилась по наклонной, эта сила только возросла. Но она ни за что не хотела, чтобы он по-настоящему ею заинтересовался, поскольку сама не могла ни ответить ему взаимностью, ни дать то, чего он заслуживает.

Однако в итоге Майя все же решила пойти. Ах, хоть часок провести с тем, кто не вызывает никаких подозрений, в ком не сомневаешься, кто не компрометирует и не скомпрометирован, — кто не является ни Лещуком, ни Холявицким, ни председательшей, ни Розой, ни, наконец, ею самой, Майей!

— Здравствуйте. Я уж думал, вы не придете.

— Я немного опоздала. Полчаса простояла вон там, на углу.

— Отчего же?

— Раздумывала, идти или не идти.

— Для вас лучше, что вы пришли.

— Для меня, может, и лучше, а для вас хуже.

Майя вдруг рассердилась на него. Его тон показался ей слишком самоуверенным — он словно бы снисходил к ней с высот своей незыблемой морали. Какое право он имеет так говорить с ней? В глубине души, впрочем, Майя за ним это право признавала — и это злило ее еще больше.

— Почему вы думаете, что для меня хуже?

— Потому что я не уверена, что подтянусь рядом с вами, а вот вы рядом со мной безусловно можете опуститься.

— То есть вы не допускаете, что может случиться наоборот?

— Не-е-ет…

Майя рассмеялась своим легкомысленным, голодным, ненасытным смехом. Лещук снова овладевал ею. Она снова становилась «похожей» на него. И это доставляло ей мучительное наслаждение.

Они сидели на веранде. Моросил дождь, день был туманный — деревья, будто съежившись,

роняли капли воды. Кое-где ветер разрывал монотонную пелену туч, и белые клочья проступали на фоне печального, свинцового неба.

Прозвучавший под этим унылым небосводом жадный смех Майи глубоко тронул молодого человека.

— Знаете, о чем я думаю? — спросил он.

— О чем?

— Что вы одержимы.

— Как это? Злым духом?

— Не обязательно злым духом. Можно быть одержимым и дурным человеком.

— Да ла-адно… не морочьте мне голову!

Он вспыхнул. Это прозвучало почти вульгарно. Так могла ответить девушка из низов, это не шло Майе. Откуда у нее столь плебейские, грубоватые выражения, где она этого нахваталась? Но Молович увидел, что она сидит хмурая и раздраженная, — и решил не затрагивать эту тему.

Он ловко перевел беседу на другое. Увлеченно заговорил об искусстве, поэзии, политике и социальных проблемах, о тысячах задач, которые наша эпоха ставит перед молодым поколением. В голосе Моловича звучали искренность и серьезность, и Майя несколько раз позволила себе поддаться его энтузиазму, ее реплики сви-

детельствовали об уме и чуткости. Молович обрадовался. Глаза его загорелись, он ощущал в девушке понимание и говорил со все большим жаром.

Майя реагировала не столько на смысл сказанного, сколько на манеру собеседника вести разговор. На то, как дружески Молович склонялся к ней, на благородный низкий тембр его голоса, на доверие, которым он ее дарил, а больше всего — на неуловимую внутреннюю порядочность истинного джентльмена. Она дышала. Дышала все свободнее, все глубже.

Майя была благодарна за то, что он касается только общих вопросов и не заставляет ее прибегать ко лжи, чего ей совершенно не хотелось.

Молович заговорил о себе. Архитектор, недавно получил диплом и намеревается посвятить себя градостроительству. Он увлеченно рассказывал Майе о том, как стремительно растет столица, о чудесных свидетельствах жизнестойкости и энергии народа, чье сердце — Варшава — крепнет с каждым днем. О проблеме жилья для рабочих. О транспорте. О том, что Варшава наконец обрела того, кто сумеет направить ее неорганизованные силы в нужное русло, и какую пользу это уже принесло всеобщему процветанию…

— Да вы не слушаете, — вдруг заметил Молович.

— Ну что вы?! — живо возразила Майя. Она не хотела показаться невежливой. Больше всего девушке нравилось в Моловиче то, что с ним приходилось следить за собой и держать себя в руках.

— Может, пройдемся? — предложил он. — Дождь закончился.

Они пошли в сторону моста Понятовского, к реке. Майя явно дарила Моловича все большей симпатией. Приходилось соответствовать его безусловно высокому уровню… и ей так хотелось удержать его. А молодой человек догадался об этом — и в его глазах сверкнула едва заметная искра глубокого удовлетворения.

Вдруг девушка забеспокоилась, занервничала.

— Мне пора!

— Куда?

— О, не все ли вам равно? А впрочем… — медленно проговорила Майя, облокотившись о перила моста, — вы так мало меня знаете… В сущности, совсем не знаете… Так откуда вам известно, что я сделаю в следующую минуту?..

Молович пристально посмотрел на нее. Взял за руку.

— Одно я знаю точно — вы не совершите ничего, за что вам пришлось бы краснеть.

— И на чем же, позвольте спросить, основано такое заключение?

— Дело в вашей внешности. Характер человека написан у него на лице.

Но в этот момент Майя увидела на его лице ошеломление. Она не могла понять, что произошло. Молович глядел на нее, раскрыв рот.

Майя запрыгнула в трамвай, который уже трогался с места, и крикнула с подножки:

— Послезавтра в пять!

Она поехала в теннисный клуб. Еще раз напомнила управляющему, чтобы тот непременно узнал адрес Лещука. Она должна его увидеть! Встретиться с ним, проверить себя, убедиться, что ничто их не связывает, что все это было лишь иллюзией! Хотя Лещук намеревался прийти в клуб только завтра, Майя долго ждала на улице в надежде, что он вот-вот появится… случайно… и она с первого взгляда поймет: между ними нет ничего общего.

Но Лещук так и не появился.

Вечером Майя отправилась в кафе отеля «Европейский». Она почти сразу заметила председательшу, сидевшую вместе с Малиняком у одного

из тех огромных зеркал, которые бесконечно удлиняли зал. Малиняк оказался седовласым (деталь, которая удивила и смутила ее) — это был мужчина за шестьдесят, белый как лунь, но стройный и прямой, как тополь.

Председательша встретила ее как старую знакомую.

— Майечка! — воскликнула она с русским акцентом. — Позволь представить тебе господина Малиняка. Что привело тебя сюда, дитя мое?

Они заранее договорились, что их встреча должна выглядеть случайной.

Малиняк с трудом поднялся и молча протянул ей руку. Официанты с подчеркнутой угодливостью суетились вокруг миллионера.

Затем, не обращая на Майю никакого внимания, Малиняк заказал редис и два яйца всмятку, причем долго выспрашивал, точно ли яйца свежие. Начав есть, он держал себя крайне неучтиво и даже не удосуживался отвечать председательше, которая весьма искусно пыталась сохранить видимость светской беседы. Минут через десять, поев, он — внезапно и столь же невежливо — обратился к дамам:

— Ну, я пойду… — И сделал глубокий вдох, поскольку страдал одышкой.

— Как же так?! — воскликнула смущенная пани Алимская, которая в этот момент что-то рассказывала. — Вы уже хотите нас покинуть?

— Да, пойду. Меня ждет племянница.

Он указал пальцем на столик у противоположной стены. Там сидела элегантная дама, внимательно разглядывавшая Майю. Малиняк встал. Не глядя, подал дамам руку и, опираясь на плечо официанта, пересек зал.

Он не заплатил за председательшу, а Майя даже не успела ничего заказать. Метрдотель подошел к ним и с почтительной фамильярностью утешил пани Алимскую:

— Господин Малиняк всегда платит только за себя. А прислуга от него за все время ни гроша чаевых не видала. Думает, у всех столько денег, сколько у него.

Председательша с трудом скрывала раздражение и разочарование. На улице она холодно сказала Майе:

— Ну что ж, не вышло. Особого интереса, дитя мое, ты у него не вызвала.

Майе очень хотелось осадить пани Алимскую. Как смеет эта авантюристка так с ней обращаться? Она вспомнила строгий, чистый взгляд Моловича. Что ж, сейчас она выскажет председа-

тельше все, что о ней думает, — и уйдет. Хватит с нее этой грязи!

Но внезапно девушка побледнела, лицо скривилось, словно ей влепили пощечину.

В толпе людей, выходивших из располагавшегося неподалеку от отеля кинотеатра, мелькнула чья-то спина… затылок… Майе показалось, что она узнала… Походка, смех… Она бросилась вперед. Но нет! Какой-то рабочий со своей вульгарной девчонкой, что лакомилась леденцами, таская их из кармана его пиджака.

Вблизи парень нисколько не был похож на Лещука. Но Майя дрожала как осиновый лист. Лишь теперь она осознала, насколько стремительно кинулась за незнакомцем, как безотчетно рванулась вслед за движением и смехом, которые напомнили ей…

— Не летите так, ноги у меня уже не те! — обиженно заметила председательша. — И потом, вы меня совсем не слушаете. Дитя мое, если мы хотим жить в согласии, советую быть внимательнее к тому, что вам говорят.

— Простите, — повинилась Майя.

Глава XI

Лещук бежал из Полыки едва живой. Украденные деньги жгли ему карман. Но еще больше юношу мучила мысль о белке — он не мог забыть ее угасающих глаз и предсмертных судорог. Всякий раз, вспоминая об этом, он сжимал кулаки, словно готов был снова наброситься на Майю.

Это она довела его до такого! Из-за нее все вышло! Она хотела его погубить! Злая, подлая, вконец испорченная! Лещук ничего не понимал, но при воспоминании о потасовке в лесу его бросало в дрожь, словно это были проделки дьявола. Как он мог так избить ее?! А потом еще и деньги взял…

Но как тогда, пробираясь ночью в ее комнату, юноша был абсолютно уверен, что Майя не помешает ему и не издаст ни звука, так и теперь твердо знал, что панна Охоловская сделает все, чтобы скрыть кражу.

Даже если его поймают и отдадут под суд, он сумеет скомпрометировать девушку. Нет, ни пани Охоловская, ни Холявицкий, ни Майя не станут его преследовать — они слишком хорошо знают,

что барышне есть что скрывать.

А ему эти деньги были крайне необходимы! Без них он не смог бы поехать в Варшаву.

Теннис стал теперь для Лещука вопросом жизни и смерти. Его единственной защитой от ядовитого обаяния Майи. Только мысли о теннисе не давали ему опуститься и пропасть, только они помогли сбежать от *нее*.

С огромным волнением юноша отправился на встречу, которую ему назначили в клубе. Здесь должна была решиться его судьба. Лещук явился не меньше чем за час и, усевшись на трибуне главного корта, стал наблюдать. Сначала была любительская игра, ничего особенного. Однако вскоре на корт вышли мастера. Лещук без труда узнал Врубеля и Гавлика, чьи фотографии видел в журналах. Он напряженно следил за их движениями. Каждый удар заставлял юношу мгновенно оценивать собственные возможности: а я бы так сумел?

Они играли намного лучше Майи — любой из них обыграл бы ее. И все же их подачи можно было принять, они допускали много промахов, очевидных даже для него. Во всяком случае Лещук убедился, что не опозорился бы, сыграй он с кем-нибудь из этих чемпионов, а результат был

бы, по его прикидкам, шесть — три или шесть — четыре.

— Господин Пупс ждет вас.

Мальчик, подававший мячи, проводил юношу в буфет, где господин Пупс представил его хозяину клуба, капитану Ратфинскому. Лещук робко пробормотал свою просьбу: он приехал из провинции, хочет показать свою игру, знает, что клуб заинтересован в притоке свежих сил.

Их окружили игроки со стаканами лимонада в руках и полотенцами на плечах. Предложение Лещука вызвало интерес, но было воспринято не слишком серьезно.

— Подайте, как положено, заявление о приеме в клуб, заверенное подписями двух членов, — сказал Ратфинский. — Оно будет рассмотрено в установленный срок, и о решении вас уведомят.

— У меня нет денег, и из членов клуба я никого не знаю. Я хочу быть принят немедленно.

— Но почему мы должны делать для вас исключение?

— Я хорошо играю.

— Что-что? — с иронией переспросил Клонович.

— Может, я бы даже пригодился в матче с голландцами.

В ответ вся компания весело рассмеялась.

— Однако!

— Откуда он такой взялся?

— Врубель! Наконец-то у тебя есть партнер для игры с голландцами.

— Ш-ш-ш, господа… — успокоил их капитан, сам изрядно развеселившийся. — А вы когда-нибудь участвовали в соревнованиях?

— Никогда.

— Играли с кем-нибудь из известных игроков?

Лещук не хотел упоминать Майю. И упрямо ответил:

— Нет. Но я хорошо играю.

Наконец капитан потерял терпение.

— Послушайте, — сказал он. — Ну сами подумайте! Откуда вы можете знать, что хорошо играете, если никогда не встречались с приличным соперником?

— Испытайте меня! — настаивал Лещук.

В этот момент Клонович пихнул его, скривив тонкие губы в усмешке.

— А может, испытаем? — предложил он. — Что ж, хорошо, мы пойдем вам навстречу. Но с одним условием. Сыграем три гейма на пробу, и если вы все три проиграете, то навсегда оставите нас в покое. Мы не придираемся, нам просто хочется

поскорее спустить вас с небес на землю. Как вы на это смотрите, господин капитан?

— Ладно! — ответил капитан, который опасался, что в противном случае Лещук так и будет его донимать.

Лещук растерянно огляделся.

— Но я не одет и ракетку не взял.

— Пустяки! В раздевалке вам дадут туфли, а ракетку можете взять мою, запасную.

— Может, завтра?

— Нет, сейчас!

В раздевалке Лещук кое-как отыскал все необходимое, но остался крайне недоволен. Туфли оказались немного велики, а ракетка Клоновича — слишком тяжелой. Но хуже всего то, что на нем были обычная рубашка с длинным рукавом и брюки от костюма. Он настолько привык ходить в легкой теннисной форме, что эта «приличная» одежда, в которую он облачился по случаю визита в столицу, стесняла его, даже когда он просто шел по улице. Кроме того, он понимал, как глупо будет выглядеть во всем этом на корте.

На трибунах еще оставалось достаточно зрителей — они задержались, соблазнившись неожиданным зрелищем.

— Играем! — крикнул Клонович. — Кто по-

дает?

— Погоди, сначала разминка! — крикнул Врубель. — Так нельзя! Ты с самого утра играешь, а он только пришел. Дай ему разогреться!

Сердце у Лещука бешено колотилось. Юноша протер глаза — от напряжения он стал плохо видеть, терял ощущение дистанции и пропорций. Клонович небрежно подал пару мячей — настолько слабо и неточно, что ни один удар невозможно было принять правильно.

Тем не менее Лещук отбил максимально мощно. Ему хотелось сразу войти в ритм. Но Клонович даже не пытался принять его удары; вместо этого он, не сходя с места, подал еще несколько — в той же манере.

— Это не разминка, — процедил Врубель. — Вот ведь свинья этот Клонович.

Карьера чемпиона Польши начиналась непросто, и Врубель отлично знал, что это такое — делать первые шаги. Он подозревал, что Клонович, чтобы позабавить публику, решил сразу унизить партнера, воспользовавшись хорошо известными ему, опытному игроку, приемчиками.

Игра началась. В первом гейме подавал Клонович.

Лещук встал за линией, ожидая мощной по-

дачи. Клонович сделал классический замах в американском стиле, Лещук рванулся вперед — но мяч упал сразу за сеткой, неожиданно отскочил вбок и покатился по земле.

Лещук, сбитый с толку, замер посреди корта, а трибуны взорвались смехом. Опытный игрок в последний момент «подрезал» мяч своим секретным способом, провернув ракетку в руке. В итоге его якобы мощный и правильный замах обернулся слабеньким ударом с минимальным отскоком.

Следующий мяч Клонович неожиданно подал снизу. Мяч больно ударил Лещука в лицо, что вызвало новый взрыв хохота на трибунах.

— Так не играют! — громко сказал Врубель.

— Нет так нет, — согласился Клонович.

И сделал подряд два молниеносных и сильных удара по линии.

Такого рода подача в принципе не слишком сложна, но Лещук, разволновавшийся до крайности, один мяч пропустил, а второй принял ободом ракетки.

Первый гейм закончился всухую. Раздались аплодисменты. Смеялся даже мальчик, подававший Лещуку мячи.

Подача была самым слабым местом Лещука.

Первые удары редко ему удавались, а потом он действовал слишком просто. На этот раз он заранее знал, что первая подача у него не получится — никаких шансов.

Он настолько растерялся, что на мгновение забыл, как выполняется движение, забыл сам механизм удара. Четыре мяча попали в сетку. Пятый ушел в аут. Шестой — слабый и медленный — Клонович «укоротил» так, что бежать за ним не имело смысла.

Лишь седьмая подача давала шанс на несколько ударов — но Лещук, деморализованный и издерганный, сумел показать лишь совершенно посредственную игру, и Клонович легко его добил.

«Черт возьми!» — в отчаянии думал юноша.

Лещук и сам не понял, как подал следующий мяч. Просто сжался, подпрыгнул — и ударил не так, как обычно. В результате подача получилась оглушительной. Клонович даже не успел сделать никакого движения — только увидел внезапно упавший мяч. Как гром среди ясного неба. Это было нечто из ряда вон выходящее — лишь несколько игроков в мире сумело бы повторить подобный удар.

— Повезло! — решили трибуны.

Один лишь Врубель оценил великолепную гармонию, естественность и завершенность движений Лещука в тот момент.

— Ну-ну… Неплохо!

Но именно этот успех окончательно погубил дебютанта. Он попытался повторить удар. Вышла карикатура. Второй гейм выиграл Клонович. Третий и четвертый выглядели так, будто Лещук вообще не умеет играть, — мячи разлетались в разные стороны, так что зрители, которым наконец наскучило это зрелище, начали расходиться. Даже Врубель тихо проговорил:

— Ну что ж…

Сам Клонович был убежден, что Лещуку не место на корте. А капитан подошел к юноше и коротко и безапелляционно изрек:

— Даже говорить не о чем!

Лещук, не помня себя, дошел до раздевалки, переоделся, отдал туфли и ракетку, вышел из клуба… по-прежнему ни о чем не думая. Он медленно брел в сторону Хелмской, где снимал комнатушку в семье мелкого служащего.

На Пулавской он зашел в «Рюмочную М. Лопатки», какое-то третьесортное заведение.

Рюмка водки. Немного полегчало. Еще одна. Потом светлый эль, бутерброд с селедкой и еще

две рюмки чистой. Отлично. Все это стоя, одно за другим, лишь бы одурманить себя и забыться.

— Сколько с меня?

— Три больших рюмки, эль, бутерброд, всего злотый двадцать пять.

— Как это три, если я выпил четыре, я точно знаю!

Пан Лопатка приподнял брови.

— Уверяю вас, три, я же сам наливал!

— А я знаю, что четыре!

Лопатка обиделся:

— Вы меня что, за дурака держите?

Лещук заметил, что стоящий рядом высокий господин тихонько посмеивается — добродушно и сдержанно. Парень внимательно взглянул на него. Это был благоухающий духами субъект с напомаженными волосами, в брюках в тонкую полоску и светлом пиджаке, с игривыми усиками и орлиным профилем.

— Чего вам?

— Хи-хи-хи! Хи-хи-хи! Да ведь вы у меня одну рюмку прямо из-под руки стянули. Мою рюмку опрокинули!

— Да ладно! Ну, тем более — плачу за четыре!

— О, тысяча извинений! Раз рюмка моя — я и плачу! Я водкой не торгую! Что вы себе думаете?

Угостились моей стопкой — и ладненько, и сидите тихо, а оскорблять порядочного человека не надо.

— Тогда теперь я ставлю!

— Это другое дело! Кстати, позвольте представиться: Эварист Питульский, финансово самостоятельная единица.

Пан Питульский сердечно пожал руку Лещуку и заказал еще по одной — в порядке взаимности, после чего оба уселись за столик и попросили себе по коктейлю.

Вскоре они уже были лучшими друзьями. Пан Питульский мурлыкал себе под нос, а Лещук пьяно улыбался.

— Прогуляемся, — предложил Питульский. — Сейчас самое приятное время. Ноты угасающего вечера, лиловые и салатовые, милашек пруд пруди, да и в целом — поистине городская симфония. Идемте! Я ведь, знаете ли, по натуре поэт! Был дамским парикмахером, но это так, жалкий промысел! Есть на свете занятия и получше. А вы чем пробавляетесь, если не секрет?

— Безработный, — коротко ответил Лещук. И тут же вспомнил все, что с ним произошло.

— А на что живете?

— Как придется. А вы?

Питульский подмигнул понимающе.

— Не проявляйте излишнего любопытства, милейший! Живется — и ладно! О, что я вижу? Скамейка, а на скамейке — дамочка. Кухарочка, полагаю, или горничная. В самый раз для нас история! Сейчас увидите, как я ее обработаю!

И пан Питульский, усевшись на скамейку, пустил в ход все свои таланты, да с такой энергией, что через четверть часа пухлая кухарка, очарованная и покоренная его романтическим носом, согласилась пойти с ним в воскресенье в кино, а заодно поведала множество подробностей своей жизни: где живут ее господа, на какие средства, сколько у них комнат, — всю эту информацию Питульский добыл, сокрушаясь о тяжкой доле прислуги в целом и о ее, кухарки, в частности.

Наконец девица удалилась, обменявшись с Питульским многозначительными взглядами и пригласив заглядывать к ней на кухню — лучше всего между шестью и восемью, когда господа в городе и можно немного передохнуть.

— Готово! — гордо заявил бывший дамский парикмахер, когда она скрылась из виду. — Но что я вижу? Магазин, а перед магазином — дамочка. Кухарочка или горничная. Сейчас увидите, как я ее!

Спустя пару часов подобных романтических эпизодов, обильно сдобренных алкоголем, Лещук и Питульский уже перешли на «ты» и поклялись в дружбе до гробовой доски. Возвращаться домой Лещуку не хотелось. Уж лучше Питульский, чем мысли в собственной голове. Время от времени перед ним словно живая возникала Майя, он слышал ее голос — как тогда на лестнице в Полыке, когда она сказала ему зло и беспощадно: «Всякий тренер воображает, что он бесподобный игрок!»

Лещук очнулся.

— Зачем тебе эти знакомства? — спросил он Питульского, который как раз прощался с десятой или одиннадцатой жертвой своего орлиного носа.

— Лопух ты! — воскликнул Питульский, сильно пошатываясь. — Как есть лопух!

— Почему это?

— Голубчик, мы же друзья! Вот тебе моя рука! Каждая такая бабенка — это злотый в моем кармане. Одиннадцать кухарок — одиннадцать злотых! Хочешь, и ты можешь подзаработать, почему бы и нет? Ради друга я на все готов! Не каждый, видишь ли, обладает моими талантами — так, чтоб ни одна не устояла. Дамочки на мой нос клюют, нос-то выдающийся — орлиный, ро-

мантический.

И пан Питульский вкратце объяснил Лещуку суть своих любовных похождений. Он выведывает у кухарок, торговок, горничных, модисток и прочих трудящихся женщин разные любопытные подробности, за что некий «господин» (чье имя он Лещуку не открыл) платит ему по злотому за штуку.

Питульский клялся, что не знает, зачем тому господину нужны эти сведения и как он их использует, — с него довольно того, что его труд, талант, а также врожденные внешние данные, особенно нос, идеально подходящий для прогулок при луне, справедливо вознаграждаются. Нет-нет! Он, Питульский, ни в каких темных делах не замешан!

— Но что я вижу! — воскликнул он, уже с трудом ворочая языком. — Скамейка, а на скамейке — дамочка! Горничная или кухарочка! Гм… а это что такое? Рядом с дамочкой — ее сумочка… Ты с ней заговори, а я подсяду с другой стороны и сумочку проинспектирую.

Был уже двенадцатый час. Они находились в Уяздовских аллеях неподалеку от Бельведера. В этот час на улице было еще довольно оживленно — все скамейки оказались заняты припозднив-

шимися парочками.

Лещук вдруг понял, что именно предлагает ему Питульский.

Но в тот же миг нахлынула волна воспоминаний. Перед глазами снова возникла Майя — будто наяву.

Недолго думая, он подсел к незнакомке, которая оказалась молодой блондинкой в скромном темно-синем жакете.

Питульский удалился вглубь аллеи.

— Вы в одиночестве… — начал Лещук и умолк.

Девушка плакала. По ее щеке медленно катилась слеза.

— Простите, — пробормотал он, — я пойду.

— Нет, не уходите. Это пустяки, — прошептала девушка, словно оправдываясь.

— Вам станет легче, если я посижу рядом?

— Да, легче, потому что при постороннем человеке я не буду плакать, а одна никак не могу перестать.

Она судорожно всхлипнула. Лещука поразили ее простодушие и прямота.

«То ли она правда такая наивная, то ли хочет меня провести», — подумал он.

— Почему вы плачете? — спросил он, придвигаясь ближе.

— Поссорилась.

— С кем?

— С женихом.

— Сильно поссорились?

— На… навсегда.

— А где вы работаете?

— Я официантка в кондитерской. А он — монтер.

— Из-за чего же вы поссорились?

— Он… с другой теперь ходит… А меня бросил. Теперь я одна, одна как перст! Опять у меня никого нет!

В это мгновение на аллее показался пан Питульский, который медленно приближался, грациозно покачиваясь. Подойдя, он потер нос, словно готовился к какому-то действию, и уселся — на некотором расстоянии — с другой стороны от заплаканной барышни.

— Вот вы со мной разговариваете, — сказал Лещук, — а откуда вам знать, кто я такой?

Он был сильно пьян.

В этот момент пан Питульский начал делать осторожные движения рукой и слегка наклонился. Лещук мгновенно протрезвел.

— Прекратите! — крикнул он.

Девушка вздрогнула и схватилась за сумочку.

Питульский остолбенел и, поспешно отодвигаясь, пробормотал:

— Вы что, белены объелись?

— Пошел вон отсюда!

— Ах, извиняюсь!

Пан Питульский оскорбленно встал:

— Вижу, порядочному человеку следует быть более разборчивым в знакомствах. Ну надо же! Нахал и щенок!

Последние слова донеслись уже издалека, поскольку Питульский поспешил раствориться в толпе гуляющих, не переставая, впрочем, грациозно покачиваться.

— Он хотел украсть вашу сумочку.

— Но вы меня защитили!

— Ну да… — неуверенно ответил Лещук.

Он был смущен. Не мог понять, что в нем вдруг «щелкнуло». Теперь он готов был защищать эту официантку от всех — даже от себя самого.

Лещук проводил девушку до дома. Она жила на улице Подхорунжих. Звали ее Юлия Новак, она недавно приехала из-под Плоцка, где у ее родителей был клочок земли. Совершенно доверившись Лещуку, барышня рассказала, какой несчастной чувствовала себя в городе в первые месяцы. Она никого не знала, поделиться было не

с кем, так что после работы все только тосковала и плакала.

— Я уж было совсем зачахла, — говорила девушка, — и тетка в конце концов написала маме, чтобы забрала меня обратно.

Но как раз тогда она познакомилась с тем монтером, и тоска прошла. Он даже влюбился в нее, а она — в него, и они обручились. До этого он уже любил какую-то девушку, но та его бросила и стала встречаться с другим.

— А когда тот, другой, ее бросил, она вернулась к Владеку — и теперь Владек перестал со мной встречаться, а с ней опять начал. Я терпела, терпела, да и поссорилась с ним и порвала навсегда, — закончила девушка. — Вот как мне не везет! А вы где работаете? — поинтересовалась она.

Лещук смутился и на мгновение замялся.

— У меня пока нет работы, — ответил он.

— Это нехорошо. А какая у вас профессия?

— Официант.

Он не хотел говорить ей про теннис. Решил назвать вторую свою должность у Мечковского — в ресторане.

— Так я вам найду место! У меня есть знакомая, которая работает в одном баре, она мне говорила,

что им нужен помощник официанта. Она ко мне очень хорошо относится. Если место еще свободно, вас возьмут.

Девушка обрадовалась так искренне, что Лещук не решился огорчить ее отказом.

— Отлично!

— Вот видите, как хорошо, что мы познакомились! У вас будет работа!

Они договорились встретиться завтра днем, потому что Юлия работала один день с полудня до вечера, а на следующий — с утра до полудня, и распрощались возле ее дома, причем Лещук испытывал к девушке такую благодарность, словно она оказала ему невероятную услугу.

Но едва они расстались, он понял, что не должен с ней встречаться. Зачем? Ведь она не была Майей! Вдобавок Лещук чувствовал, что с ним что-то не так — все больше не так, — и что знакомство с ним небезопасно для этой наивной девушки.

Тут Лещук кое-что вспомнил. Остановился перед зеркальной витриной и осмотрел свои губы. Они были обычными. В конце концов, тогда, в лесу, они могли посинеть случайно — может, съел что-то не то или просто губы обветрились. Возможно, они и не были такими чудовищно си-

зыми, как ему тогда показалось. И все же Лещуку не удавалось полностью забыть об этом, так что ко всем тревогам и заботам прибавились еще опасения за собственное здоровье.

До сих пор юноша не вполне отдавал себе отчет в том, насколько велика его любовь к Майе. Поэтому неистовство, с которым он реагировал на все, что было связано с этой девушкой, ужасало его и изумляло одновременно. Он не понимал, почему она так ведет себя с ним, — да и вообще все то, что происходило между ними, было настолько не похоже на обычные отношения, что Лещук совершенно в этом потерялся.

Сходство, сизые губы, странность и непредсказуемость их связи, игра подавленных инстинктов и страстей, затевавшаяся между ними, — все сплеталось в непонятную и грозную цепь.

Ночью ему снились тяжелые сны, и он, должно быть, метался в постели, которая наутро оказалась в беспорядке. А на следующий день Лещук все же пошел на встречу с Юлей. Мысль, что она огорчится, не найдя его в условленном месте, перевесила. Он ни за что не хотел ее расстраивать. Было в этой девушке нечто такое, что не позволяло причинить ей боль.

Да и вообще — хватит с него! Да! Он порвет с

теннисом, с воспоминаниями о Майе, вернет деньги, когда получит эту работу в баре, — и это его исцелит. Юношу уже попросту страшило происходящее, и он хотел забыть о прошлом, изменить свою жизнь, начать все заново.

Через час Лещук, принятый на работу в бар, шел с Юлей под руку по Краковскому предместью. В благодарность он пригласил ее пообедать, и они уселись на террасе небольшого ресторана.

Им было хорошо вместе. Лещук находился в хорошем настроении и, как умел, развлекал девушку, радуясь ее легкому, естественному веселью. Жизнь казалась простой, обыкновенной, а сам он был теперь так далек от того Лещука, что дрался в лесу…

Другим стал его смех. Другой — речь. Другими — движения, а главное, другим — самочувствие. С Юлей он не ощущал себя униженным, не боялся, что девушка его высмеет. Он понимал ее и был к ней добр, зная, что и она добра к нему и что так будет всегда.

Лещук оказывал Юле все более явные знаки внимания. Порой он пугался, видя, что девушка привязывается к нему и все принимает за чистую монету. Лещук не раз думал, что надо ее предостеречь, сказать, что не стоит с ним связываться.

Но — не мог. Ему так хотелось, чтобы Юля не чувствовала себя одинокой и несчастной. Видя, как она расцветает от малейшего проявления доброты, он не мог отказать ей в этом. А девушка радовалась, что с ней рядом кто-то есть, что кто-то о ней заботится и что тяжелые дни одиночества, которого она так страшилась, остались позади.

Глава XII

После того как Майя сбежала, Холявицкий разрывался между ней и замковыми сокровищами. Он метался как безумный от одного не терпящего отлагательства дела к другому, и ему все время казалось, что он занят не тем, чем должно. Когда он сидел в замке, присматривая за князем и Сколинским, ему чудилось, что он предает Майю, что нужно бросить все и искать ее, чтобы вырвать из лап Лещука. Но стоило ему уехать на несколько дней, как у него тут же появлялось ощущение полной безнадежности этих яростных, импульсивных поисков и в нем просыпались мучительные жадность и беспокойство за сокровища. Поэтому несколько раз случалось так, что, доехав до Варшавы или Львова, Холявицкий тут же возвращался обратно — только затем, чтобы убедиться, что в Мыслочи за это время ничего не произошло.

Между тем жизнь в замке устоялась и наладилась — если вообще можно говорить о налаживании жизни четверых мужчин, которые постоянно остерегаются и друг друга, и этого

мрачного, трепещущего *явления*, которое никто не решается устранить. Трепет… да, трепет, пожалуй, был главным элементом этих дней и ночей в замке. Каждый трепетал перед каждым, а старое, пожелтевшее, пыльное полотенце трепетало на своем крюке в старой кухне — безостановочно и упорно.

Холявицкий и Сколинский тихо, исподволь боролись за душу безумца и за возможность влиять на его решения.

После того героического и барского «укрощения» секретаря князь сильно изменился. Присутствие в замке Сколинского, ощущение его поддержки в сопротивлении Холявицкому радикально повлияли на психику старика. К нему вновь вернулись прежние гордость и властность.

Секретарь понимал, что князь никогда не простит ему той выходки с хлыстом. Роковая ошибка! Именно это явилось поворотным моментом. Хлыст чудесным образом вернул Гольшанскому его былое барство. Теперь он обращался с секретарем вежливо, но свысока. Отдавал приказы, высказывал пожелания. Князь вновь осознал, что он и только он здесь хозяин.

Именно князь организовал их совместную

жизнь в замке. Отвел Сколинскому просторную комнату близ покоев Холявицкого, приказал ее обставить, велел Гжегожу следить за тем, чтобы профессор ни в чем не нуждался, — причем проделал все это столь рассудительно и решительно, что могло показаться, будто он снова обрел здравомыслие.

Однако более всего Холявицкий был потрясен, когда Гжегож появился перед ним в парадном, хоть и выцветшем фраке и допотопных белых перчатках.

— Это еще что за маскарад?

— Обед будет подан в колонном зале.

— Где?

— В колонном зале — таково пожелание князя.

Отправившись вслед за камердинером в зал, который именовали колонным, поскольку его готический свод подпирали четыре столба, Холявицкий увидал стол, накрытый на три персоны и причудливо контрастирующий с плачевным состоянием стен. Косые лучи солнца, проникавшие через узкие окна, преломлялись в роскошном хрустале и тщательно вычищенном Гжегожем серебре, а в красивой жардиньерке Неборовской

мануфактуры[2] стояли цветы.

— Это, никак, прием в вашу честь? — с иронией поинтересовался секретарь у Сколинского, который уже ждал в зале.

В этот момент вошел князь, причем — о диво! — не в халате, а в темном, аккуратно застегнутом костюме.

— Прошу вас, господа, садитесь, — сказал он. — Отныне мы будем обедать вместе. Я пришел к выводу, что излишнее пренебрежение к одежде и еде вредит здоровью. Минимум условностей должен быть соблюден. Видите? Старина Гжегож даже цветы раздобыл. До чего же это прекрасная вещь — цветы!

И за картофельным супом и подгоревшим мясом, которые Гжегож подавал гостям торжественно, едва сдерживая слезы умиления, завязалась изысканная беседа. После десерта, состоявшего из нескольких (впрочем, недурных) яблок, князь кивком отпустил сотрапезников и удалился к себе. Холявицкий решил выждать. По некоторым нервным реакциям князя он догадывался, какой — подавляемый — страх и какие

---

[2] Сноски: 2

Неборовская мануфактура была основана в 1881 г. князем Михалом Петром Радзивиллом как фабрика художественного фаянса и печных изразцов. Существует по сей день.

усилия за всем этим стоят. И надеялся, что рано или поздно безумец сломается, а он снова получит преимущество.

Сколинский же, напротив, воспринял эти признаки улучшения душевного состояния князя с радостью и, как мог, старался их поддерживать. Связующим звеном между ними по-прежнему служила уборка, и добросовестный историк занимался решением этой проблемы со всем рвением, хотя бесконечное копание в куче мусора и хлама вряд ли могло доставить кому-либо особое удовольствие. Однако это занятие позволяло профессору оставаться наедине с князем и все больше завоевывать его доверие.

Сколинский избегал любых слишком настойчивых расспросов. Ни разу не намекнул на ту ночную встречу, когда Гольшанский требовал подать «знак» и принял его за потустороннее существо. Он ждал, чтобы князь сам вернулся к этому эпизоду, а пока лишь старался расположить его к себе при помощи мягкого и деликатного отношения. В то же время профессор тщательно рассматривал все предметы, попадавшие к нему в руки во время уборки, надеясь наткнуться на какую-нибудь бумагу или предмет, которые прольют свет на трагическую историю с Франеком.

Он также наблюдал за реакцией князя на различные движения. Будто случайно поднимал руку, касался горла или чихал — и следил, как поведет себя князь. Но, по всей видимости, эти жесты никоим образом не напоминали «знак», потому что ни один из них не произвел должного эффекта. Впрочем, может, князь и сам забыл, как выглядел этот знак? Все возможно…

И однако, профессор чувствовал, что их отношения отнюдь не просты и безоблачны. Он не раз ловил на себе взгляды князя, свидетельствовавшие о том, что старик тоже наблюдает за ним, изучает украдкой — и в постоянном напряжении ждет от него некоего откровения.

Вероятно, князь не совсем отказался от мысли, что Сколинский все же является мистическим посланцем Франека, по неизвестным причинам не желающим раскрывать свое инкогнито. Таким образом, их близость, укреплявшаяся на почве мелких повседневных и житейских вопросов (вроде наведения порядка в комнате), сопровождалась одновременно глубоким недоверием, тревожным ожиданием чего-то «потустороннего».

О, какого напряжения душевных сил это стоило профессору! Огромный безлюдный замок

с его шепотами, бесконечными лабиринтами, сыростью и меланхолией мог расшатать нервы любого непривычного и плохо адаптирующегося человека. А тут еще ежедневное общение с несчастным сумасшедшим. А также — непрекращающаяся война с Холявицким, постоянное ожидание подвоха или атаки с его стороны. А еще — ужас полотенца, мерзость и жуть той комнаты! Реальные опасности переплетались с безумием, помешательством и метафизической горечью, земное — с потусторонним, заключенным в безмолвии древних стен.

В старую кухню Сколинский больше не заглядывал. Не хотел вновь испытывать отвращение и страх. Профессор не раз спрашивал себя: почему бы просто не войти и не выбросить эту жуткую тряпку? Но он боялся… Хоть и не верил в дьявольское — в буквальном смысле — происхождение этого явления, но все-таки допускал, что здесь могут действовать какие-то малоизученные силы природы, с которыми следует быть осторожным. Он знал, что разрыв цепи во время спиритического сеанса может вызвать болезнь или смерть медиума. Короче говоря, профессор предпочитал не приближаться к полотенцу, хотя то и было, по сути, его союзником, поскольку держало в страхе

Холявицкого и Гжегожа…

Зато профессор предпринял кое-какие шаги с целью отыскать Зюлковскую. Только она могла рассказать о «знаке». К счастью, контакты профессора с внешним миром были неподвластны Холявицкому. Сколинский не хотел покидать замок, опасаясь, что в его отсутствие секретарь что-нибудь учинит, однако мог действовать при помощи писем.

Профессор, не вдаваясь, впрочем, в подробности, известил о своем пребывании в замке пани Охоловскую. Кроме того, он обратился к одному из своих варшавских знакомых с просьбой разыскать и расспросить Зюлковскую — не помнит ли она, какой именно жест так расстроил князя Гольшанского?

Вскоре пришел ответ. Экономку нашли без труда. Однако она ничего не помнила.

Это было вполне естественно — ведь прошло столько лет. Знакомый профессора писал, что подробно расспросил женщину, но та, во-первых, страдает склерозом, а во-вторых, от природы не слишком сообразительна. Да, Зюлковская вспомнила, что князь испугался и закричал: «Знак, знак!» — когда она вошла в его комнату. Но сделала ли она тогда какой-то определенный жест

— не помнит.

— Что же нам теперь предпринять, дорогой Гжегож? — разочарованно спросил Сколинский, когда камердинер вечером передал ему письмо.

— Ну… ничего не попишешь. Никак не узнать.

— Но мы должны узнать! Придется мне самому с ней поговорить.

— Если вы уедете, секретарь может натворить тут дел!

Профессор решился на крайние меры. Если он не может поехать к Зюлковской, пусть Зюлковская приедет к нему. И он попросил своего варшавского знакомца отправить старуху в Мыслочь — сколько бы это ни стоило.

В строжайшей тайне от Холявицкого Гжегож поселил ее у лесника, в паре километров от замка. Леснику сказали, что бывшая экономка приехала отдохнуть с разрешения князя.

Сколинский навестил ее в тот же вечер. Его встретила дородная, говорливая, но совершенно выжившая из ума женщина.

— Конечно, конечно, я все помню, как сейчас. Грипп был, князь разболелся, и Гжегож тоже, я несла кофе, да, я кофе несла, а может, и поднос, скорее поднос, чем кофе, но, может, просто кофе — и тут князь вдруг заметался и как закричит! За

привидение меня принял! А какой знак я сделала… Рукой пошевелила? Или головой кивнула? А может, зубами скрипнула? Я все думаю, но никак не могу вспомнить.

Профессор пообещал ей щедрую награду, если она вспомнит, однако это дало обратный эффект. Экономка, и так уже измученная расспросами, которым подвергалась несколько дней подряд, начала суетиться, на пробу совершала самые нелепые движения, напрягала память, но в результате окончательно запуталась.

— Может, я ногу подняла?

— Зачем вам было поднимать ногу, если вы принесли кофе?

— А может, за колено схватилась? Могло стрельнуть в ноге от ревматизма.

Профессор оставил ее в покое.

В замок он попытался вернуться незаметно, но Холявицкий, должно быть, увидел его в окно, так как за ужином поинтересовался:

— Вы уходили?

— Прогулялся немного.

Однако секретарь сомневался, что Сколинский стал бы покидать замок без веской причины — даже на короткое время. И таким-то вот образом они постоянно следили друг за другом, контроли-

руя каждый шаг.

Дошло до того, что все (включая Гжегожа, который тоже интересовался развитием событий) большую часть дня дремали, чтобы не терять бдительности ночью. Ночь была опаснее. Уж лучше днем позволить себе немного отдохнуть.

Лишь работа над каталогизацией и оценкой антиквариата поддерживала в профессоре подобие равновесия. Ежедневно он посвящал этому занятию несколько часов.

Какие же удивительные вещи он находил! От картин Сколинский перешел к гобеленам, фарфору, серебру, древним доспехам шестнадцатого и семнадцатого веков — и на каждом шагу обнаруживал потрясающие раритеты. Несколько великолепных часов времен Яна Казимира. Два знаменитых гобелена. Бесценную коллекцию старинных польских ковров.

Плюс к тому — открытия в плане архитектуры. Да взять хоть замковый двор, который хранил следы прекрасного, пускай и строгого стиля! Если восстановить его первоначальный облик, убрать все уродливые пристройки, какой потрясающей резиденцией стала бы Мыслочь!

Холявицкий, с замиранием сердца наблюдавший за изысканиями Сколинского, упорно, как

умел, организовывал оборону и контрнаступление.

Вся эта история со старой кухней обрушилась на него как гром среди ясного неба. Лишь теперь, когда ему пришлось бороться за влияние на Гольшанского, секретарь понял, как мало он знает о прошлом князя, как плохо разбирается в закоулках его больной психики. Холявицкий чувствовал, что профессор, хоть и пробыл в замке всего несколько дней, осведомлен гораздо лучше и владеет какими-то тайнами, которые позволяют ему действовать согласно четкому плану.

Что же это были за тайны?

Действительно ли пребывание в старой кухне позволило Сколинскому проникнуть в прошлое князя? В тайну его безумия? Связано ли одно с другим?

Холявицкий кружил вокруг страшной комнаты, словно мотылек вокруг свечи, останавливался на пороге и вглядывался в трепещущее полотенце — но не мог решиться на героический поступок: остаться там на ночь, чтобы наконец узнать что-то конкретное.

Что-то удерживало его от этого шага.

Он мучил Гжегожа просьбами и угрозами. Но камердинер, который с приездом профессора

и возобновлением всех этих ужасов словно бы погрузился в некий транс и по сто раз на дню крестился, не желал делиться сведениями:

— Ничего я не знаю! Ничегошеньки!

Поэтому секретарь, лишенный каких-либо ориентиров, метался в бессильной ярости, чувствуя, что теряет почву под ногами и скоро окажется позорно вытеснен из княжеской свиты удачливым соперником.

Единственное, что ему оставалось, — следить. Непрерывно следить за Сколинским и князем. И Холявицкий был начеку — днем и ночью.

Обнаружив, что профессор зачем-то покидал замок, он сразу сообразил, что тому должна быть важная причина. Когда стемнело, Холявицкий осторожно двинулся по следам Сколинского. На влажной, рыхлой земле они были отчетливо видны.

Секретарь без труда продвигался вперед — и наконец вышел к сторожке. Он осторожно приблизился к ней, не обращая внимания на собачий лай. Маленькое окошко было освещено. Гадая, зачем Сколинскому понадобилась эта сторожка, Холявицкий заглянул в окно — и его глазам предстала удивительная картина.

Дородная пожилая женщина, находившая-

ся в комнате одна, совершала какой-то обряд. То выкручивала руки. То с сосредоточенным и задумчивым видом поднимала ногу. То вдруг хватала себя за ухо.

Потом останавливалась и начинала все сначала.

Секретарь, уже проникшийся потусторонней атмосферой, содрогнулся. Если кто здесь и вызывал нечистую силу, то явно эта ведьма. Неужели это как-то связано со страшной комнатой? Какой смысл могли заключать в себе эти движения? Были ли то некие заклятия? Их нелепость и абсурдность лишь подчеркивали неправдоподобие происходящего.

Привлеченный лаем собак, из сарая вышел лесник.

— Вечер добрый, — обратился к нему Холявицкий. — А что это за женщина у вас там, в окне?

— Так это, пан секретарь, бывшая экономка из замка, пани Зюлковская. Приехала из города отдохнуть, а князь велел мне у себя ее поселить.

— Давно приехала?

— Сегодня утром.

— А отчего она так извивается?

Лесник рассмеялся:

— Кто ж ее знает? Как приехала, так все кор-

чится.

— К ней кто-нибудь приходил?

— Был один пан из замка. При нем она еще пуще изгибалась.

— А кто вам сказал, что князь велел поселить ее у вас?

— Гжегож вчера ко мне пришел с таким распоряжением, так что я сразу комнату приготовил и велел ребятам присматривать за ней, потому как сам в лес уходил.

Холявицкий задумался. Значит, Гжегож в сговоре с профессором. Они вдвоем привезли эту бабу и спрятали в сторожке. Но зачем она им понадобилась? Теперь он вспомнил, что Гжегож однажды упоминал эту Зюлковскую, много лет назад служившую в замке экономкой.

— Скажите ей, что пришел секретарь князя и хочет с ней поговорить.

— Слушаюсь.

Через мгновение пани Зюлковская появилась перед ним в шляпке, перчатках и накинутом на плечи пальто. Она была явно ошарашена неожиданным визитом.

— К вашим услугам, пан секретарь. Я вас слушаю. Вы вроде как желали со мной побеседовать?

— Зачем вы сюда приехали?

— Я? Я? Отдохнуть приехала. Здоровье уже не то, пошатнулось… Свежий воздух…

— Да ладно! Не морочьте мне голову! Что все это значит?! Что от вас нужно тому господину, который к вам приходил? Вы же знаете, кто я! Не молчите! Советую говорить правду, не то позову полицию! Кто вас сюда привез?!

— Я ничего плохого не сделала!

— Говорите правду, иначе я обращусь в полицию.

Перепуганная женщина сопротивлялась недолго. Она во всем призналась, умоляя Холявицкого не выдавать ее профессору. Она ни в чем не повинна! Ничего не знает! Просто профессор хочет, чтобы она вспомнила, какой знак подала князю двадцать с лишним лет назад, когда принесла кофе. Зачем это ему — она не знает. Зюлковская еще раз подробно описала, как вошла в комнату, как сделала этот самый жест, который никак не может вспомнить, и как князь закричал: «Знак, знак!» — приняв ее за призрака.

Холявицкий строго запретил ей докладывать профессору об их разговоре. Даже если она вспомнит этот знак, пускай делает вид, будто ничего не получилось. Угрозами и посулами он добился,

чтобы Зюлковская пообещала в точности выполнить его указания.

Испытывая некоторое облегчение, секретарь вернулся в замок. Наконец-то и он напал на след в этом лабиринте. Предчувствия его не обманули. Профессор и Гжегож вели какую-то игру — но что это был за знак? И зачем он им понадобился?

Теперь он стал еще усерднее следить за князем. Холявицкий припомнил некоторые детали, которые не раз удивляли его за эти годы. Дело в том, что князь во время своих ночных блужданий иногда исчезал на добрых полчаса. Не раз случалось, что Холявицкий, заглянув к Гольшанскому ночью, не находил его ни в спальне, ни в залах, где тот обычно бродил, — и лишь спустя некоторое время князь внезапно появлялся невесть откуда, причем в каком-то ином душевном состоянии.

Он всегда возвращался менее вменяемым, более одурманенным.

Раньше секретарь не придавал этому значения, но теперь решил выяснить цель загадочных вылазок Гольшанского.

Однако прежде чем ему это удалось, произошел небольшой инцидент, также заставивший Холявицкого задуматься. На следующий день, выйдя к обеду, он увидел на стенах четыре огромных

фамильных портрета. Четыре величественных князя Гольшанских-Дубровицких с отличительными знаками занимаемых ими высоких должностей, в поблекших, но все еще сверкающих пурпуром роскошных одеждах…

Зал преобразился, будто по мановению волшебной палочки. Сделался нарядным и в то же время более обжитым.

— Что это значит? — спросил он Гжегожа.

— Профессор нашел эти старые портреты… они были сложены в кучу за шкафами… и велел их повесить, чтобы сделать князю сюрприз.

Холявицкий закусил губу. Политика Сколинского была ему ясна. Укрепить в князе чувство фамильной гордости, ощущение власти; вырвать его из когтей царивших вокруг грязи и запустения, вернуть к светским условностям, к которым старый аристократ был так восприимчив. Вот зачем на стенах висят эти портреты.

Но снять их он не осмелился. Князь, войдя в зал, повел себя странно. Сначала как будто смутился и промолчал по поводу появившихся здесь полотен. Они съели суп, беседуя, как обычно, на нейтральные темы в тоне почти придворном. Наконец Гольшанский жалобно и печально улыбнулся.

— Кто это повесил? — спросил он.

— Я нашел эти портреты, когда приводил в порядок залы, и позволил себе разместить их здесь, — ответил профессор. — Если князю они не нравятся, их можно в любой момент убрать. Есть много и других портретов. Целая галерея.

— Ах да, — сказал князь, разглядывая изображения предков со странной улыбкой на губах. И вдруг оживился — румянец выступил на его щеках, глаза загорелись.

— Это Иосафат Гольшанский, воевода киевский, мой прапрадед по прямой линии. Был женат на Острогской. А это — Ежи, каштелян мстиславский, потом гетман польный. А вот — пинский староста. Знаменитый полковник, сторонник Зборовского… Моя семья, вместе с Острогскими и Заславскими, была хорошо известна. Отличная мысль пришла вам в голову, профессор. Надо непременно развесить и остальные портреты. Мой замок слишком велик, чтобы его можно было населить только живыми, — для него требуется не одно поколение Гольшанских…

Он помолчал и добавил:

— А я вот — последний в роду.

И вновь смутная, неуверенная улыбка тронула его губы.

Холявицкий догадался, что он хочет сказать. «Я последний в роду… и я — идиот. Что же должны чувствовать все эти вельможи, вожди и сановники при виде последнего отпрыска рода… в таком состоянии?» — вот какие слова трепетали невысказанными на кривящихся губах князя.

И вдруг он закричал:

— Нет! Уберите это! Я не хочу, чтобы они смотрели! Спрячьте их туда, где они были! Я не желаю! И я вовсе не последний! У меня ведь тоже есть сын! У меня есть сын. Есть сын! Где мой сын?!

Он впился взглядом в профессора, будто ждал от того откровения. Потом оттолкнул стол, так что зазвенели тарелки. И, разрыдавшись, выбежал из зала, сжимая голову руками.

Холявицкий процедил с иронией:

— Еще неделя такой терапии — и бедняга окончательно сойдет с ума.

— Не думаю, — холодно отвечал профессор. — Такие потрясения часто дают желаемый результат. Надеюсь, рассудок к князю вскоре вернется.

— Я не знал, что у князя был сын, — медленно проговорил Холявицкий, изучающе глядя на профессора. — Никто мне об этом не сказал.

— О, не стоит доверять тому, что он говорит во время подобных приступов.

— В любом случае портреты надо снять. Гжегож, убери их обратно туда, где они были.

Но Гжегож не спешил выполнять приказ, а Сколинский сказал:

— Оставьте пока здесь. Поглядим…

Секретарь встал.

— Хоть вы и гость князя, — сказал он, едва сдерживаясь, — но это не значит, что вы можете отдавать распоряжения. Гжегож, ты слышал, что сказал князь? Немедленно сними портреты.

— Молодой человек, — проговорил профессор, — делайте что хотите! Я не отвечаю за ваши поступки.

— Оставьте этот высокомерный тон! Я не ребенок, и, поверьте, меня не запугать привидениями.

— И все же вы боитесь.

— Вы так думаете?

Профессор понизил голос:

— А почему бы вам не убрать это полотенце? Если вам все равно? Если вы не трепещете и внутренне не содрогаетесь при мысли о нем? Что может быть проще — подойти и выбросить полотенце?

Секретарь не нашелся с ответом.

В самом деле — на это он никак не мог ре-

шиться. Напрасно Холявицкий убеждал себя, что вера в нечистую силу, обитающую в той комнате, — полная ерунда, что это хитрая игра, затеянная профессором, который, запугивая его «привидениями», получает психологическое преимущество. Сколько раз он подходил к двери старой кухни, вглядывался в эту неутомимую тряпку — и не мог заставить себя просто взять да и выкинуть ее в окно.

Это бессилие отбрасывало роковую тень на все чувства секретаря. Держало его в постоянном нервном напряжении и заставляло — против воли! — прислушиваться к мрачным предостережениям Сколинского.

А что, если рискнуть и остаться там на ночь? Выяснить, что же такое видел профессор? Узнать то, что знает он? Но на этот решительный шаг он тем более не мог отважиться.

Был ли у князя сын? Не отсюда ли болезнь старика? Не тот ли это «Франек», который так часто ему мерещится?.. Эти вопросы преследовали секретаря, который, чувствуя, что утрачивает влияние на князя, отчаянно искал ключ к его душе.

Однажды ночью он спрятался в зале и, когда князь в очередной раз отправился бродить по

замку, последовал за ним, переходя из комнаты в комнату и неслышно ступая по пустым галереям и коридорам. Гольшанский, как обычно, медленно двигался вдоль стен, останавливался у окон, шептал что-то себе под нос… Потом возвращался в спальню, ложился и дремал, а через полчаса снова выходил, словно подгоняемый растущей тревогой.

Так продолжалось часов до двух ночи. Секретарь уже собирался отправиться спать, усомнившись в целесообразности своей затеи, когда князь вдруг подошел к двери его комнаты и прислушался. Потом он медленно свернул в узкий и длинный коридор, ведущий в северное крыло.

Холявицкий двинулся за ним. Зачем князь углубился в эту часть замка? Там были маленькие, тесные комнатки, совершенно пустые, беспорядочно разбросанные на разных этажах.

Но князь шел все дальше — по подвальным залам старого замка с низкими остроконечными сводами; затем, словно призрак, проскользнул через огромные залы южного крыла — Розовый, Арианский, Рыцарский.

Обойдя таким образом замок по кругу, князь снова оказался неподалеку от своей спальни и свернул к башне, где некогда помещалась замко-

вая часовня.

Холявицкий наконец понял, зачем князь сделал такой крюк. Иначе сюда было не попасть — разве что пройти мимо старой кухни, которая отделяла комнату Гольшанского от башни.

Но князь не пошел в башню, он снова свернул и исчез в узком проходе, ведущем наискосок и вниз, в залы первого этажа. Эта часть замка, наименее защищенная природой, была самой мощной: стены чудовищной толщины громоздились, образуя тесные закоулки — загадочные, непонятные…

Князь спустился в самый низ, в подземелья — и остановился. Из груди его снова вырвался стон. Старик прислонился лбом к одной из стен и долго стоял так. Затем опустился на колени, сжимая голову руками, словно терзаемый ужасной болью.

Здесь было очень темно. Холявицкий не мог точно разглядеть, что делает князь. Его действия казались странными и бессмысленными. Он то ли ощупывал стену, то ли царапал ее. Секретарю вспомнилась Зюлковская. Это тоже походило на какое-то странное, невзаправдашнее богослужение.

— Франек! Франек! Франек! — глухо позвал князь исполненным муки голосом. И снова принялся что-то делать у стены. Продолжалось это

довольно долго.

Вдруг старик заскулил — тихо, жалобно, как пес. И снова:

— Франек? Франек?

Но на сей раз это был не стон, а вопрос: князь явно ждал ответа.

— Франек? Франек?

И снова ничего. Наконец Гольшанский поднялся. Секретарь притаился за углом и увидел лицо князя, когда тот проходил мимо, — залитое слезами, искаженное болью. Но больше всего Холявицкого поразило то, что губы у князя были темными, почти черными, будто в крови.

Как только князь скрылся из виду, секретарь подбежал к стене и зажег фонарь.

Его взору открылось нечто очень странное.

Оказалось, князь не делал ничего загадочного — он писал. На каменном полу лежал химический карандаш. Этим карандашом он выводил на стене какие-то фразы.

Хотя нет, не фразы. Скорее отдельные буквы, беспорядочно разбросанные по стене, порой образующие какие-то фигуры, а иногда начертанные вверх ногами. Это походило на шараду.

Кроме того, стена была покрыта темно-фиолетовыми пятнами в форме сердечек. Холявицкому,

человеку светскому, сразу вспомнилось шутливое письмо, полученное недавно от одной дамы. Та вместо подписи поцеловала бумагу накрашенными губами — и на бумаге осталось такое же сердечко.

Значит, князь целовал стену. Целовал ее губами, намазанными химическим карандашом. За этой стеной что-то должно скрываться. Однако каменная кладка была настолько массивной и монолитной, что никакая сила не смогла бы ее разрушить.

Эта стена являлась внутренней перегородкой, отделявшей один подвал от другого, и была невероятно толстой. Холявицкий на всякий случай заглянул в соседний подвал, но ничего интересного не обнаружил.

Теперь все его внимание было занято буквами на стене. Вне всяких сомнений, он обнаружил тайное святилище безумца, его сокровенный «храм раздумий», место, которое по неизвестным причинам князь избрал для стенаний, молитв и признаний. Отшельник с незаживающей раной в душе исповедовался стене — за неимением лучшего друга.

Видимо, он не мог устоять перед потребностью излить свои тайны, но, опасаясь, что кто-то

обнаружит его признания, рассыпáл буквы и перемешивал их… Произвольно или согласно какой-то системе?

К счастью, Холявицкий, страшно скучая в течение нескольких лет, проведенных в замке, стал специалистом по разгадыванию шарад и ребусов. Теперь эти знания ему пригодились.

Было весьма вероятно, что слово «Франек» должно часто повторяться в этом мистическом дневнике, начертанном на стене. И действительно, буква «Ф» встречалась множество раз в разных комбинациях.

Секретарь отыскал остальные буквы этого слова и без труда разгадал метод князя. Однако ему удалось расшифровать лишь несколько фраз и отдельных слов. Остальное никак не поддавалось. Возможно, князь изменил шифр. Или же под влиянием страданий и нарастающего безумия стал выводить буквы наугад, забыв о прежнем ключе.

Но и того, что удалось разобрать, хватило, чтобы понять суть целого, — и это была информация первостепенной важности.

Никакие это не дневники и не исповеди. Письма! Письма к тому самому Франеку! Вот что скрывалось в этом огромном скоплении букв:

Франек, мой сын, мое единственное дитя, мой сынок. Ты все еще мучаешь меня.

Твой любящий Отец

Эти простые и незамысловатые слова князь оставлял на стене годами. Первая дата — 1926 год. И текст:

Франек, мое дитя, мой сынок.
Я все еще жду и умоляю.
Сжалься.

Твой Отец

И еще:

1931 год.
Когда ты перестанешь мучить меня?
Перестань злиться! Ты злой.
Ты все шевелишь его? Я видел. Заглядывал туда и знаю, что ты его шевелишь.
О, когда же придет избавление?

Не намек ли это на полотенце в старой кухне?

Холявицкий пропустил самые первые, почти стершиеся надписи и сразу перешел к свежим.

Франек, мой сынок, мое любимое и един-

ственное дитя.

Это ты его прислал?

Почему он не подал знак?

Сжалься надо мной.

Если он пришел от тебя, пусть скажет.

Освободи меня.

Я стар.

Смилуйся…

Пусть это кончится. Освободи! Дай уйти! Прости!

Не будь злым.

Ты злой!

Холявицкий переписал все фразы в свой блокнот. У него не было времени вникать в смысл этих мучительных строк. Вдруг князь еще вернется сюда.

Он осмотрел стоявшую в углу коробку с сохраненными на память вещицами. Прядь волос, перевязанная ленточкой. Медальон. Несколько пуговиц. Немного мелочи — пара злотых. Гребень.

Таким было тайное святилище князя Гольшанского…

Глава XIII

Через два дня после той злополучной встречи с Малиняком Майе позвонила пани Алимская и потребовала, чтобы та срочно к ней приехала.

Председательша нежно ее расцеловала.

— Дорогая! Прости мою позавчерашнюю нервозность. Этот Малиняк и святого выведет из себя! Что за чудак! Знаешь, что? Оказывается, я ошиблась, мы обе совершенно неправильно его поняли… Все идет как нельзя лучше! Читай!

Она показала ей визитную карточку Малиняка, на которой неразборчивым почерком было написано:

Сударыня. Если та особа ищет работу, могу взять ее секретаршей. Явиться 16–18, в среду, в отель, к секретарю.

— Детка, — сказала председательша, — я так счастлива… Поздравляю! Ты вытянула счастливый билет! Будешь секретаршей Малиняка! Это триумф! Жизненная удача! Это открывает перед тобой все возможности! А я-то думала, что ты ему совершенно не понравилась! Дитя мое, как мне

вымолить у тебя прощение?!

Майю этот неожиданный успех тоже обрадовал. Ее женское самолюбие было удовлетворено, особенно с учетом поведения Розы и ее подруг, которые восприняли неудачу Майи с затаенным злорадством.

Но сама должность настораживала. Зачем Малиняку секретарша, если у него уже есть секретарь?

Однако пани Алимская лишь рассмеялась в ответ на ее сомнения.

— Ты с ума сошла, золотко мое! Да он же старик, ты сама видела! Будь уверена, если бы здесь был намек на что-то неприличное, я бы тебе этого не предложила. Я ведь тебе как мать!

— Пожалуйста, оставьте мою мать в покое.

— Как трогательно ты ей предана! Ах, детка, детка! Но поверь, если ты у кого и можешь служить секретаршей, то именно у Малиняка. Больной полуживой старик-миллионер — ничего лучше для молодой девушки и придумать нельзя! Доверься моему жизненному опыту. Никто не сыщет в этом ничего предосудительного!

— Хорошо, но тогда он взял бы опытную секретаршу, а не меня.

— Ты ничего не понимаешь! У таких старых

миллионеров, стоящих одной ногой в могиле, тоже есть свои причуды. Им нравится окружать себя свежестью и молодостью — из эстетических соображений. Ты нужна ему, как цветок. Было бы даже эгоистично лишать его, вероятно, последней радости в жизни. Это, можно сказать, твой долг! Подумай, какой он несчастный, беспомощный, одинокий, брошенный. Он будет смотреть на тебя, слушать твой голос, опекать — и это подарит ему чистую и тихую отраду на закате дней!

Личный секретарь Малиняка, пан Тоцкий — полуполяк-полуамериканец, с которым Майя встретилась в отеле «Бристоль», — прежде всего заявил, что у него совершенно нет времени. Это была правда: в приемной толпилось не меньше пятнадцати человек, а телефон звонил не переставая. Затем Тоцкий сообщил, что пока она будет получать пятьсот злотых в месяц, и велел ждать в девять вечера в вестибюле отеля — ей предстоит сопровождать пана Малиняка на ужин…

Когда Майя спросила, каковы будут ее обязанности, секретарь вдруг сделался очень любезен и умоляюще заглянул ей в глаза.

— Послушайте, — торопливо проговорил он, — ваша первая и единственная обязанность — не отнимать у меня время. Пожалуйста, никогда и

ни с чем ко мне не обращайтесь!

И не успела Майя опомниться, как он выпроводил ее за дверь, весьма сердечно пожав на прощание руку.

Ровно в девять Майя в вечернем платье увидела выходящих из лифта Малиняка и ту самую даму, что ждала его тогда в кафе, — вроде бы племянницу.

Дама холодно представилась, особо подчеркнув титул:

— Маркиза ди Мильди.

— Иди-ка сюда, — сказал Малиняк Майе и, грузно опираясь на обеих женщин, проследовал в ресторан. Там он уселся в глубине зала и заказал у шестерых подбежавших официантов два яйца всмятку — непременно свежих! — и булочку. Маркиза потребовала цесарку.

— Зачем? — пробурчал богач. — Омлет с горошком куда лучше. И еще гренки принесите.

Маркиза закусила губу.

— А вы чего изволите? — спросил официант, видя, что Майю полностью проигнорировали.

— Я? Пожалуй, тоже омлет…

— Погодите-ка, погодите! — оживился Малиняк. — Подайте мне меню!

И заказал для нее изысканный и обильный

ужин из нескольких блюд.

Майя не посмела протестовать. Пришлось съесть все, что принесли, хотя аппетит у нее под завистливым взглядом голодной маркизы совсем пропал. Малиняк не сводил глаз с ее тарелки.

— Еще вот это, — тыкал он пальцем в особенно лакомые кусочки. — Вкусно? А? Теперь бокал вина.

— Я больше не могу! — простонала она, увидав перед собой странное сочетание ананаса и фруктово-шоколадной массы, залитых обжигающей жидкостью.

— Как это — не могу? Это же вкусно! Надо доесть! Зузя, положи даме еще крема!

— Право же, спасибо большое. Я больше не могу.

Майя произнесла это таким твердым, даже слегка барственным тоном, что миллионер тут же сбавил обороты.

— А может, вы пришли сюда, поев? — спросил он.

— Я и в самом деле довольно плотно пообедала.

— Это плохо. Впредь приходите обедать и ужинать очень голодной. Я сам есть не могу — болен. Зато люблю смотреть, как едят другие.

Он задумался и просидел еще около получаса в молчании. Беседу никто не поддерживал. Маркиза, видимо привычная к подобным паузам, не произнесла ни слова.

Это была яркая брюнетка лет тридцати со страстным, но скрытным лицом. Племянница Малиняка не сделала ни малейшей попытки помочь Майе в той — прямо скажем, непростой — ситуации, в которой девушка оказалась.

— Довольно, — внезапно заявил Малиняк. — Я ухожу. Завтра приходите в… ну, скажем, в четыре. Только голодной, смотрите мне! Лучше даже обед пропустите.

— А в чем будут заключаться мои обязанности? — осмелилась поинтересоваться Майя.

— Обязанности? Гм… Прежде всего — в ожидании. Вы должны ждать, пока я вас позову. Ну а вторая обязанность — еда. Я и моя племянница, маркиза, любим, когда хорошо едят. А что касается прочего — посмотрим. Что ж, до свидания. Сегодня же переезжайте сюда, в отель.

Майя стиснула зубы.

— Я не намерена переезжать.

Малиняк уже уходил, опираясь на плечо официанта, но при этих ее словах остановился.

— Что такое? Почему?

— Потому что я не собираюсь сидеть голодной, ждать вас и вообще находиться рядом. Я отказываюсь от места.

— Ну, пусть Тоцкий прибавит вам двести злотых.

— Я не останусь даже за двести тысяч, потому что вы дурно воспитаны!

Малиняк открыл рот. Такого он не ожидал. Его мертвое лицо озарилось глубоким удовлетворением.

— Браво! Отлично! Вы мне нравитесь.

Майя встала.

— Послушайте, — сказала она, — мне кажется, что дальнейшие дискуссии излишни. Я сказала, что не останусь, значит не останусь.

— Вы бросаете место — у меня?!

Она пожала плечами и посмотрела на него так, что Малиняк почувствовал себя никем, ничтожеством, жалким эмигрантишкой. Он побагровел и, казалось, собрался нагрубить девушке, но вдруг заметил неподдельное удовольствие, написанное на лице племянницы.

— Эй, маркиза! — рявкнул он. — Не особо-то радуйся! Она остается! — И миллионер взял Майю за руку. — Ну же, не сердитесь, прошу вас! Видите ли, я старый чудак и хам… но мне осталось

недолго. Месяц, два… Я понял, с вами так нельзя! Простите старика. Ну же! Второй такой, как вы, мне быстро не отыскать.

Малиняк умолял настолько искренне, что Майе стало его жалко.

— Хорошо, — сказала она.

Он вдруг закашлялся. Обслуга скорее вынесла, чем вывела его из зала. На прощание маркиза протянула Майе кончики пальцев.

— Поздравляю, барышня! Вы нашли идеальный подход к моему дяде. Просто продолжайте в том же духе, и ваша бескорыстность окупится.

— Я не барышня.

— Боже мой, но вы ведь такое юное создание. Я не хотела вас обидеть. Мой дядя обожает натравливать на меня таких девочек. Не знаю, поняли ли вы, — подчеркнула она, — что вас наняли специально, чтобы меня дразнить. Но меня не так-то легко вывести из себя, и через неделю ему это надоест.

Прежде чем Майя нашлась с ответом, маркиза повернулась к ней спиной.

Так началась служба Майи в качестве личной секретарши Малиняка. Она переехала в отель «Бристоль». За несколько дней освоилась со своими обязанностями. Львиную долю времени

и впрямь занимало ожидание. Никогда нельзя было знать, в какой момент Малиняк ее вызовет. Не желая торчать в вестибюле, она проводила эти часы в своем номере — в полной праздности. Невозможно было ничем заняться, и это изматывало больше всего. Майя думала о Лещуке. Наконец появлялся посыльный: «Господин Малиняк просят», и Майя шла, не зная, что ее ждет и что взбредет в голову чудаковатому богачу.

Уже на следующий день она убедилась, что маркиза была права. Действительно, казалось, будто Малиняк нанял девушку именно для того, чтобы доводить племянницу до бешенства. Едва Майя вошла, он подверг ее тщательному осмотру и заявил, что, по его мнению, секретарша одета недостаточно элегантно. Он, Малиняк, любит изысканность! И намерен позволить себе пополнить ее гардероб, чтобы хоть последние месяцы жизни провести в обществе изящно одетых дам!

Старик повел Майю по магазинам, велев маркизе сопровождать их. Начал он сверху, и вскоре Майя стала обладательницей нескольких прелестных шляпок. Хозяйка магазина, видя красоту Майи и зная возможности Малиняка, выложила самый лучший товар.

— Тебе тоже полагается шляпа, — сказал ста-

рик маркизе, выступавшей в роли «советчицы, обладающей вкусом». — Я сам ее выберу.

И выбрал — нечто чудовищное. Отвратительную, вычурную, перегруженную деталями шляпу, в которой несчастная маркиза ди Мильди выглядела пугалом и которая прибавила ей десяток лет.

— Я это не надену, — сказала она, побелев как полотно.

— Как это не наденешь? Это же мой подарок!

И несчастная ди Мильди, скрывая ярость, была вынуждена украситься сей мерзостью. То же повторилось и в других магазинах. Майя выходила оттуда вдвое прекраснее, а госпожа Мильди — вдесятеро безобразнее. Малиняк с изощренной зловредностью старался подчеркнуть ее приближающуюся старость. Есть вещи, которых женщина женщине не простит никогда. И Майя понимала, что в лице темпераментной маркизы приобрела смертельного врага.

А Малиняк и в самом деле был безжалостен к этой стареющей светской львице. Мстил ли он ей, подозревая, что ди Мильди жаждет его смерти и рассчитывает получить наследство? Или был влюблен — и мстил поэтому? А может, просто хотел наполнить оставшиеся ему месяцы азартом и

стравливал этих двух женщин, одна из которых расцветала, а другая — готовилась отцветать? Мало того, что под предлогом заботы он заставлял племянницу придерживаться диеты и ходить полуголодной, выдавая ей скудные суммы лишь на самое необходимое, так он еще и постоянно изобретал тысячи способов ей досадить.

Маркиза, подавляя ярость, покорялась капризам богатого дядюшки. Для надменной соблазнительницы, королевы светских салонов и спальных вагонов в международных экспрессах это было мучительно. Она понимала, что Малиняк забавляется Майей, что ему нравится злить племянницу, но надеялась, что старику вот-вот надоест очередная новая игрушка. Надо просто перетерпеть!

Особенно невыносимым было то, что при всей своей экстравагантности Малиняк внезапно отнесся к Майе с уважением. Девушка и сама не понимала, почему миллионер порой делался с ней по-холопски смирен. Эти внезапные перемены были совершенно необъяснимы. Но однажды тайна раскрылась.

— Вы, должно быть, из помещичьей семьи, — сказал Малиняк. — В усадьбе выросли, верно?

— Угадали.

— Родители обанкротились?

— Именно так.

— Жаль, — сказал он. — Богатые были?

— Около ста воло́к[3] земли.

— Фу ты ну ты! Недурно!

Майя улыбнулась, услыхав, с каким восхищением произносит это человек, чье состояние исчисляется миллионами. Малиняк поймал ее улыбку.

— Вы смеетесь… Но то, что есть у меня, — это не состояние. Настоящее состояние — это усадьба с парком, выезд, лес, поля… Это совершенно другое. Я знаю, потому что сам в молодости жил в деревне. Я крестьянский сын, а отец мой служил у одних господ… у графа Остецкого из Плева.

— Остецкие нам родня.

С тех пор Малиняк стал относиться к ней с еще большим уважением — и одновременно еще больше ее тиранил. Майя отдавала себе отчет в том, насколько ужасна и чудовищно унизительна роль, которую она тут исполняет.

Быть игрушкой в руках Малиняка… Служить красной тряпкой для маркизы, позволять использовать для этого свою красоту и молодость.

---

[3] Сноски: 3

Чуть больше 2 тысяч гектаров.

Принимать подарки. Иногда ей вспоминался Молович и хотелось сбежать. Но чаще Майя вспоминала Лещука — и тогда соглашалась на все, без возражений и сомнений. А маркиза, хоть и сама была не промах, поражалась цинизму девушки.

Майя же проводила все свободные часы в бесцельных прогулках по городу — высматривая, не мелькнет ли где знакомый силуэт, знакомый затылок, не окажется ли тот парень за углом тем самым…

Она уже знала, что Лещука не приняли в клуб. Но не знала его адреса. Справлялась в адресном бюро. Безрезультатно. Впрочем, можно было предвидеть, что он станет скрываться.

А может, его уже и не было в Варшаве?

Майя все больше тревожилась. Ее мучили кошмары, в которых она видела не только его, но и себя рядом с ним.

Единственное, что успокаивало девушку и придавало ей сил, — почти ежедневные встречи с Моловичем.

Молодой инженер ждал этих свиданий все более нетерпеливо. Майя сообщала ему о себе лишь самые скупые сведения. Молович знал, что она служит секретаршей у Малиняка, но ее личная жизнь оставалась для него загадкой.

Он и не пытался выведать больше: был уверен, что придет момент — и девушка сама все расскажет.

Но мучительное беспокойство Майи не могло ускользнуть от его внимания. Ее поведение было странным. Она кого-то искала… постоянно кого-то высматривала.

В кафе Майя всегда выбирала место у окна, и даже во время оживленного разговора ее взгляд скользил по лицам прохожих. Идя по улице, она часто оглядывалась. Более того, могла вдруг бросить:

— Подождите минутку. Я сейчас.

И исчезала в толпе, чтобы через мгновение вернуться.

— Вот и я, — говорила она, появившись.

Молович догадывался, что она влюблена. Это причиняло ему боль. Однажды он не выдержал и прямо спросил, не ищет ли Майя кого-то.

Девушка не ответила.

Больше всего его удивляло, что Майю оставляют совершенно равнодушной элегантные, хорошо одетые мужчины. Зато пролетарская молодежь моментально привлекала ее внимание. Это каким-то странным образом подходило к тем простонародным чертам, которые Моло-

вич уже подметил в ней ранее: протяжному «не-е-ет», специфическому смеху, неожиданным, шокирующим для столь изысканной барышни, вульгарным выходкам.

Эти ее мрачные раздумья… Жестокое, злое выражение глаз…

Наконец Молович решил рискнуть. Больше ждать — и мучиться! — он был просто не в состоянии.

— Панна Майя, не хороните в себе свое прошлое. Откройтесь мне! Вы слишком молоды — я помогу вам, вытащу вас.

— Со мной все в порядке!

— Неправда! Вас что-то гложет! Если вы действительно мне доверяете, скажите.

Она побледнела.

— Нет, не скажу. Поймите, так будет лучше для вас. Если бы вы знали все… вы бы разочаровались во мне.

— Вы утратили веру в себя, — с присущей ему энергией сказал Молович. — С вами, должно быть, случилось что-то ужасное, унизительное. Вы оступились. Не знаю, что вы делаете у этого Малиняка, но все это выглядит подозрительно. Почему вы не хотите сделать меня своей опорой? Вы же знаете, что я…

Майя опустила глаза. Ну вот… Она понимала, что он влюблен и сейчас признается в этом. Она бы предпочла уж хотя бы не унижать его отказом.

— Я не свободна, — быстро сказала она, прервав Моловича.

Лицо его сделалось серого цвета.

— А-а… — протянул. — Так я и думал. С самого начала догадывался.

Они шли по улице Новый Свят. Молович провожал ее в «Бристоль». Народу было много, и кто-нибудь то и дело оказывался между ними.

Вдруг Молович крепко взял девушку под руку.

— Пойдемте сюда. — Они свернули на улицу Траугутта. — Там невозможно разговаривать!

— Разве нам еще есть о чем разговаривать?

— Панна Майя, — сказал Молович, — простите, но мне этого мало. Подумайте. Даже если вы кого-то любите, это наверняка нездоровая, несчастливая любовь. Мне кажется, вы запутались в своих чувствах, из которых хотите, но не можете выбраться… в одиночку. Майя! Позвольте мне помочь вам. Вместе мы справимся, вытащим вас из всего этого.

Майя понимала, что он прав. Она прикрыла веки. На миг представила себя его женой.

Неужели он действительно сможет исцелить ее от Лещука? Но как признаться в этом? Как рассказать? Ведь это же невозможно объяснить. Сказать, что она похожа на Лещука? Смешно и бессмысленно… К тому же она боялась осуждения Моловича. Майя ни за что на свете не хотела выглядеть в его глазах нелепой и пошлой, она бы скорее открылась постороннему человеку, чем ему. У него вся эта история может вызвать лишь отвращение.

— Зайдем в бар, — сказала Майя. — Закажите мне водки.

Он нахмурился:

— Водки?

— Вы не понимаете! Это как обезболивающее перед пугающей операцией.

— Вот оно что!

Майя все еще колебалась. Остановилась, будто собираясь сбежать.

Но Молович взял ее за руку:

— Пойдемте. И вы расскажете мне все!

— Хорошо.

Они сели за столик. Зал был еще почти пуст. Молович внимательно смотрел на Майю своими выразительными и спокойными глазами.

— Попытайтесь без водки, — предложил он.

Он был уверен, что победил. Чувствовал это. Его переполняла радость. Майя была в его власти. Если она раскроет ему свою тайну, то уже не вырвется.

Молович наклонился к меню.

— Я не буду есть, — сказала Майя. — Давайте закажем пива.

— Ладно.

Молович поднял на нее глаза и остолбенел. За долю секунды лицо девушки изменилось таинственно и страшно. Перед ним все еще сидела Майя, но это была совсем другая, невероятная Майя. Лицо покраснело, глаза помутнели, губы исказила болезненная гримаса, руки неловко повисли вдоль тела. Вдобавок девушка как-то странно клонилась книзу, будто собираясь улечься грудью на стол.

— Вам плохо? — воскликнул Молович.

Он подозвал официанта.

— Воды. Быстрее. Холодной.

— Слушаюсь.

Но Майя уже пришла в себя.

— Пойдемте отсюда, — прошептала она.

— Вам стало дурно?

— Мне нужно домой.

— Когда мы увидимся?

Молович с ужасом понимал, что девушка ускользает от него, ускользает безвозвратно, — их разговор не состоялся. И молодой человек судорожно потребовал назначить дату новой встречи.

Однако Майя вместо ответа лишь улыбнулась. Ее губы раздвинулись, обнажив острые, ровные зубы в страстной, ожесточенной, счастливой и злой улыбке, в которой читалось также нечто заговорщицкое. Моловича ужаснуло, что эта улыбка была предназначена явно не ему.

Он не стал оборачиваться и искать взглядом какого-то незнакомца. Было ясно, что Майя — с этой улыбкой и с этим выражением лица — для него потеряна.

— Я провожу вас.

— Хорошо.

Они вышли. Молович шагал рядом молча и чувствовал, что в Майе что-то происходит. Какие-то страшные перемены. Он не смотрел на нее, но догадывался об этом. Когда они дошли до «Бристоля», он повторил вопрос:

— Мы еще увидимся?

Девушка протянула ему руку и сказала куда-то в сторону, не ему:

— Не стоит.

И ушла...

Глава XIV

Она знала, что дневная смена у официантов скоро закончится, поэтому вышла на площадь и стала ждать в одной из подворотен. Отсюда будет видно Лещука, когда он появится.

Майя ждала долго. Больше часа. Но усталости не чувствовала. Лишь нарастающее изумление: «Ах, так значит, я примчалась сюда, как дура, и жду его! Ах, так значит, с Моловичем все кончено! Как же все это случилось?!»

Майя все еще не могла смириться с собственной непредсказуемостью в отношении этого парня. Как только Лещук появлялся в поле зрения, она тут же начинала вести себя иначе, чем хотела, становилась будто пьяной — и до сих пор не могла понять: как же так, как сумел этот Лещук подчинить себе ее, Майю Охоловскую?!

Спрятавшись в подворотне, она напряженно всматривалась в двери бара — Лещука все не было. Зато перед баром появилась новая фигура — молодая девушка, скромно одетая, в темно-синем жакете. Она остановилась на углу и, по всей видимости, тоже кого-то ждала.

Майя поначалу не обратила на нее внимания, но через некоторое время что-то ее будто кольнуло. Неужели это возможно? Этого она не учла. А что, если девушка тоже ждет Лещука?

В этот момент Лещук вышел из бара, подошел к незнакомке, и они под руку направились в сторону Крулевской.

Как он посмел?! Так с ней поступить?!

Страшное унижение потрясло ее, как удар током. Этого Майя не предвидела. У него есть другая! Такое даже не приходило ей в голову. Казалось невозможным, чтобы он мог увлечься другой женщиной. Держась на расстоянии, Майя пошла следом за парочкой. Лещук несколько раз оглянулся, словно опасался слежки.

На Новом Святе, где было больше народу, Майя подобралась поближе — и теперь переживала муки, о существовании которых прежде понятия не имела.

В светлом пиджаке, в шляпе Лещук производил впечатление человека ее круга — так мог бы выглядеть ее кузен или кто-то из помещиков, — и Майя, смотря на него со спины, поняла… да, окончательно поняла… что они похожи и что, когда он говорит, смеется или наклоняет голову, все эти движения — ее, Майи, ей родственные, с ней свя-

занные, будто предназначенные именно для нее!

Но их забирала себе, принимала та, что шла рядом с ним, плечом к плечу. И Майя видела ее глаза, когда девушка поворачивала голову, — большие, смеющиеся, видела ее нежный профиль. Панна Охоловская заглядывала в эти глаза с изумлением и ужасом.

Разве можно было так смотреть на Лещука? Таким спокойным, ясным взглядом, так уверенно, искренне, дружелюбно? Она, Майя, не умела так смотреть на него: ее взгляд, если останавливался на нем, всегда оказывался отравлен стыдом, был каким-то сбивчивым, порывистым, беспокойным, полным сдержанной, опасной страсти и презрения.

Тем временем Лещук и его спутница свернули к мосту Понятовского. Майе пришлось немного отстать, потому что здесь было мало народу. И в этот момент она обнаружила, что не одинока в своих маневрах.

Молодой брюнет — с виду ремесленник или что-то вроде того, без шляпы и в поношенной одежде, будто только что с работы, — также свернул за парочкой и замедлил шаг. Похоже, он тоже заметил Майю, так как несколько раз украдкой взглянул на нее.

Парочка стала спускаться по лестнице, ведущей с моста на набережную. Майя ускорила шаг — незнакомец тоже. Вдруг Майя, которая и так плохо держалась на ногах, поскользнулась на какой-то фруктовой косточке, упала и скатилась на десяток ступенек вниз.

Незнакомец подбежал к ней:

— Вы не ушиблись?

Он помог Майе подняться.

— Спасибо! Ничего страшного! Все в порядке.

— На лестнице следует быть внимательнее.

Он не спешил уходить.

Наконец Майя рискнула:

— Похоже, наше с вами внимание занято чем-то другим.

Он заколебался, но потом согласился:

— Мне тоже так кажется.

— Вас интересует та девушка?

— А вас заинтересовал он?..

Майя кивнула. Парень удивленно взглянул на нее… Может, танцовщица? Кто ее знает? Может, в баре выступает?

— Так он вам изменяет с моей невестой?

— Это ваша невеста?!

— А то! Я, правда, сам на момент увлекся другой, мы поссорились. Но я этого так не оставлю, ей-ей,

уже второй день за ними хожу. Если он от нее не отстанет, накостыляю! Где это видано — на балы с ним ходить!

— На балы?

— Ну да! Сегодня они идут на бал в «Сирену». Тетка ее мне доложила. Там какой-то благотворительный вечер, так что многие официанты будут. Вы ему волосья повыдергайте, чтоб неповадно было с чужими невестами ходить, — а нет, так я сам проясню ситуацию! Но связаться с моей Юлькой, имея такую, как вы… Тю! Что за времена, боже ж ты мой! Вы погодите — я слетаю посмотрю, куда они пошли, и мы еще поболтаем. Я мигом!

Майя оперлась о перила моста.

— Майя! Майя! Майя!

Она обернулась. На мостовой стоял роскошный открытый семиместный «бьюик» цвета кофе со сливками, битком набитый веселой компанией. Роза, Иза Кшиская, председательша и двое мужчин, которых Майя знала по ночным клубам.

Один из них был Кристин Кшевуский, второй — владелец автомобиля пан Шульк, долговязый блондин, говоривший в нос.

— Что ты здесь делаешь?

— Поехали с нами! На часик в Констанцин! Мы

были на Люблинском шоссе. Едем в Констанцин! Садись! Подвиньтесь!

— Да я не помещусь!

— Готово! — Кшевуский, приняв причудливую позу, улегся между откидными сиденьями. Присутствие Майи повышало для него ценность этой поездки вдвое.

— Я поеду, — сказала Майя, подходя к ним, — но только за рулем!

— Договорились, — сказал Шульк, — за городом передам вам у-прав-ле-ни-е.

У него была манера особо выделять некоторые слова.

— Тебе не будет холодно? — забеспокоилась председательша. — Такая легкая блузка…

— Нет! Поехали!

Они сели в машину и тронулись. Их обдало порывом ветра. Роза сложила руки рупором и крикнула Майе в ухо:

— Кто был тот мужчина, с которым ты разговаривала?

За городом под веселые возгласы Шульк уступил Майе место. Она склонилась к рулю и нажала на газ.

— Только не гони! — закричала председательша. Но у нее мгновенно перехватило горло.

Великолепная машина рванула с места, набирая скорость. В ушах у всех зашумело. Деревья и столбы побежали назад. Шульк наклонился к Майе:

— Вы знаете, что уже набрали сотню?

— Этого мало!

Через мгновение стрелка спидометра показывала сто тридцать. От скорости и ужаса председательша потеряла дар речи. Зато девушки принялись кричать. В этом было что-то безумное. Машины, которые они обгоняли, казалось, стояли на месте.

— Отберите у нее руль! — вопила Роза. — Ты с ума сошла! Мы разобьемся! Разобьемся! Прекрати!

От страха она схватила Майю сзади за плечи. Но Кшевуский оттащил ее.

— Руки прочь, иначе всем конец!

Действительно, они были в ее власти. Пытаться сейчас отнять у Майи руль — безумие. Лишь когда она чуть притормозила на крутом повороте, Шульк попробовал это сделать, но Майя оттолкнула его, машину занесло — и вот они уже снова мчатся на предельной скорости. Председательша молилась и плакала, слезы ее сдувал ветер. Все сидели в напряжении, судорожно цепляясь за сиденья и следя за препятствиями на дороге.

Перед самым Константцином Майя сбросила скорость до двадцати километров в час и сказала:

— Что ж, отлично прокатились!

Шульк глубоко вздохнул и произнес, как всегда, в нос:

— Никогда еще я не был так близок к смерти. Как вы могли?!

Все, кроме разве что Кшевуского, были возмущены поведением Майи. Председательша не скрывала обиды — демонстративно молчала. Майя повернула голову и рассмеялась им в лицо — настолько демонически и провокационно, что все поняли: она играла с ними и наслаждалась их страхом. Несмотря на это, Кшевуский воскликнул:

— К черту упреки! Разве вы не видите, что она великолепна?!

Майя и в самом деле никогда еще не выглядела столь восхитительно. Глаза у нее горели, зубы сверкали, изящное лицо, исхлестанное ветром, было напряжено, и хотя девушка улыбалась, брови ее были сведены… Все смотрели на нее с восторгом, будто видели впервые. Шульк буркнул в нос по-французски:

— Да она опаснее, чем эта поездка.

И компания, поддавшись необъяснимому возбуждению, снова пришла в превосходное настроение. Обида растаяла без следа. Мужчинам сделалось стыдно, что Майя стала свидетельницей их страха, — какая-то неведомая сила исходила от этой девушки. Даже высокомерный Шульк вдруг ощутил потребность в каком-нибудь маленьком «безумстве», о чем свидетельствовали его слова:

— Может, выпьем чего-нибудь?

— Едем в дансинг! — воскликнула Кшиская.

— Опять дансинг? Зачем?

— А что же еще?

— Верно! Больше-то делать нечего.

Убожество их развлечений было очевидно. Вечно одно и то же. Майя медленно разворачивала машину, и тут стало ясно, насколько плохо она водит: двигатель дважды заглох. Председательша пригрозила, что выйдет, если за руль не сядет Шульк.

— Ну так что же мы предпримем?

— Едем на бал в «Сирену»! — предложила Майя.

— Что? Куда?

— Где это?

— «Сирена»! Отличная идея!

— Там будет куча знакомых!

— Наденем бальные платья!

Машина медленно двигалась по шоссе, а они кричали как сумасшедшие. Майя гениально придумала! Именно этого им и хотелось! Председательша, правда, возражала. С ее точки зрения, в этом была некая эксцентричность. Но Шульк произнес успокаивающе:

— Не думаю, что нам грозит что-то со стороны «местного элемента». Мы умеем держаться особняком! А по-смо-треть можно!

Они разъехались по домам, так как дамы пожелали нарядиться как можно эффектнее, — по предложению Розы и Кшиской. Вечером веселая компания уже высаживалась из автомобилей возле «Сирены».

Музыку было слышно даже в гардеробе.

Их нарядная группка вошла в шумный зал, где кружились в вальсе пары. Вокруг танцующих гомонила публика. Над головами парили воздушные шары.

— Ого! Сколько знакомых лиц, — проговорила Кшиская, заметив среди гостей тех, кто обычно обслуживал ее в любимых ресторанах и кафе.

— Еще бы! — ответил Шульк. — Это благотворительный вечер в пользу каких-то курсов для

мальчиков на побегушках или вроде того.

— Но это же настоящий бал! — наивно воскликнула Кшиская. Ей показалось странным, что официанты могут производить такое приятное впечатление. В ресторанах она их привычно не замечала. А тут вдруг их повседневные рабочие фраки выступают в роли бальных, нарядных. Кроме того, по долгу службы приученные маневрировать в толпе, эти люди двигались особенно свободно и изящно. В них ощущалась дисциплина ежедневного труда, которая выгодно отличала их от избалованной и чаще всего претенциозной публики, с которой обычно общалась Майя. Эти веселились легко и непринужденно; искушенные в развлечениях, которые наблюдали изо дня в день, они умели держать себя в узде, сдерживать импульсы и порывы.

А вот Шульк страдал «комплексом официанта». Он был из тех завсегдатаев ресторанов, которые особенно изощренно издеваются над обслугой. Любил сполна использовать привилегированную позицию посетителя, который всегда прав и чьи капризы должны исполняться. В ресторане Шульк требовал, чтобы его «хорошо обслуживали». Ему нравилось, что стоит пальцем пошевелить — и является подобострастный официант.

Он не скупился на чаевые, но только чтобы непременно чувствовать себя хозяином положения. Кроме того, ему нравилось муштровать официантов — он считал это своей культурной миссией и, убежденный в собственной непогрешимости, критиковал их непримиримо и сурово:

— Я жду!

Вид танцующих подействовал на Шулька, как красная тряпка на быка. Он раздраженно разглядывал публику и наконец буркнул презрительно:

— Плясуны!

И в чем-то был прав.

Лишь при ближайшем рассмотрении становилось заметно, сколь разношерстная публика заполнила зал. Официанты и официантки составляли лишь малую часть гостей. Бал был мероприятием благотворительным, куда мог прийти любой желающий — требовалось лишь быть прилично одетым.

Парикмахеры и лавочники, стенографистки и служащие, пролетарии и мещане, «народ» и «господа» — все это смешалось в едином порыве, отдавшись всемогущей мелодии вальса.

Что за свадьба без ба-ла,

Все заждались сигна-ла,
Чтоб отплясывать в такт,
Только что-то не так…
Ведь невеста пропа-ла![4]

Широко раскрыв глаза, Майя вглядывалась в это необычное зрелище.

В то время как ее спутницы плоско шутили и искали поводы высмеять собравшихся, девушку эта картина поразила до глубины души. Она смотрела, словно завороженная, будто все происходящее касалось ее лично.

Гордая, надменная барышня глядела на не слишком умело танцующую публику, на разношерстные наряды, на все эти недочеты и промахи, причинявшие ей болезненный дискомфорт. Это было не смешно. Это было — трагично. Майе казалось, что все здесь танцуют для нее, что этот бал насмехается над ней и стыдит ее. Она словно слышала крики: «Майя! Майя! Иди к нам! Пляши с нами! Ты наша! Наша!»

И вдруг она увидела знакомое лицо. Давешний Юлин жених, озираясь, стоял у стены — и Майя снова ощутила укол ревности.

---

[4] Сноски: 4
Перевод А. Хованского.

Но Шульк, которому наскучила собственная скука, предложил перейти в соседний зал. Шурша платьями, дамы поспешили следом. Заняли столик в углу у буфета и велели подать вина.

Их компания всем бросалась в глаза. Было видно, что эти люди пришли сюда… да просто полюбопытствовать, а может, посмеяться и кого-нибудь покритиковать. Кое-кто глянул на них неприязненно, но в целом все были заняты собой. Развлекались, словно их тут не было.

— Это было очень бестактно — заявиться в это место, — вдруг сказал Кшевуский. — Я чувствую себя дураком!

— Но почему? — возразил Шульк, развалившись на стуле. — Что такого? Они развлекаются, значит и нам можно!

— Мне кажется, скоро они развлекутся… за наш счет! — парировал Кшевуский.

Его раздражали позерство Шулька, его демонстративная светскость. Но и остальные невольно тоже принялись «играть роль». Дамы слишком хорошо ощущали, что не похожи на женщин вокруг. Каждое движение, каждое слово, каждая гримаса истошно кричали: мы другие, другие! Даже такт их отдавал бестактностью.

— Пойдемте танцевать! — с преувеличенной

непринужденностью предложила Роза.

— Хорошо, но только не с вами! — воскликнула Кшиская, обращаясь к мужчинам. — Я хочу потанцевать с Андрашеком. Я его видела! Он здесь!

Андрашеком звали популярного в Варшаве извозчика, под утро развозившего золотую молодежь по домам.

— Смотри, не у-вле-кись им! — пошутил Шульк.

— О, такое только вам может грозить! Для нас, женщин, мужчины из низших слоев не в счет! Они не существуют! Я бы не смогла полюбить крестьянина или рабочего.

— Почему? — спросил Кшевуский.

— Странный вопрос! Вовсе не потому, что я их презираю. Но что у меня может быть общего с таким человеком? Какая духовная близость может возникнуть между нами?

— Но тогда почему мужчины нашего круга иногда женятся, скажем, на своих служанках и живут долго и счастливо?

Иза всплеснула руками:

— Это совсем другое! Мужчина сильнее! Он может поднять женщину до своего уровня. А я, выйдя за рабочего, буду вынуждена опуститься на дно.

— А мне кажется, ты заблуждаешься.

Но Шульк, которого эта дискуссия раздражала, закинул ногу на ногу, продемонстрировав безукоризненные носки, и сказал немного в нос:

— Да хватит уже!

Кшевуский, однако, не сдавался:

— Я вовсе не призываю вас выходить замуж за простолюдинов, — продолжал он горячо, — я максимально далек от подобных сентиментальных историй! Но послушайте, вы же совершенно не разбираетесь в этом, вы не знаете простых людей. Мужчины из разных социальных слоев хотя бы пересекаются в армии или на службе и могут проникнуться друг к другу доверием. А женщины вашего круга, если только они не работают, живут изолированно. Отсюда у вас эти ни на чем не основанные фобии! Для вас жалкий слабак в смокинге и законченный негодяй с ухоженными руками — объект более достойный внимания, нежели порядочный, здоровый работяга. Народ по-прежнему разделен на классы и касты, которые не умеют найти общего языка!

Но эта речь, произнесенная с юношеским пылом, была встречена равнодушно. Никто не рвался продолжать дискуссию.

— Где Майя? — спросила председательша, по

обыкновению опекавшая своих питомиц.

— Пошла посмотреть на танцы.

Майя действительно стояла на пороге зала и смотрела.

Танцы и выпивка сделали свое дело. Толпу захлестнула волна веселья. Мощная энергия радости и бесшабашности, энергия людей, которым редко выпадает возможность развлечься, захватывала и увлекала. Для многих швей эта ночь стала ночью мечты.

Майя увидела Лещука, танцующего с Юлей, — в синем костюме, в мягкой голубой рубашке. Он, ведя партнершу чуть отстраненно, танцевал сдержанно и чопорно, исполненный уважения к этому ритуалу. Юля выглядела скромной и застенчивой, но счастливой. Заметив их, Майя спряталась за спинами зрителей. Ах, достаточно было взглянуть на Лещука, чтобы все вокруг сразу стало страстным и неистовым, страшным и непредсказуемым, безумным и злым! Оказаться в его объятиях, как та! И, как та, нежно склонять голову на его плечо!

О, как она тосковала! И вновь змея ревности ужалила ее сердце. Ничего больше не существовало в этом зале, одна лишь ее ревность. Ее попранные права. Ее желание отомстить…

Танец закончился. Запыхавшиеся кавалеры отводили раскрасневшихся дам на места и закуривали.

К Майе подошел монтер Владек.

— Вон они! — прошептал парень.

Словно сквозь туман, Майя заметила, что парень обращается к ней почтительно и с некоторой опаской — как к высшей инстанции, к божеству, способному решить его судьбу.

Лещук с Юлей стояли у противоположной стены и разговаривали. Майю отделял от этой пары нескончаемый хоровод дам и кавалеров. Но за мелькавшими фигурами она видела лишь два лица, обращенных друг к другу, улыбающихся друг другу, — и больше ничего.

Девушка направилась к ним, но не напрямик, а кружным путем, скользя вдоль стен, чтобы ее не заметили раньше времени. Но люди расступались перед ней. Оборачивались вслед. Бросали изумленные взгляды. Восклицали:

— Однако! Ну и ну! Эй, ты только глянь!

Майя с яростью осознала, что толпа выдает ее и мешает подойти к Лещуку незаметно. Она думала лишь об этом. А эти двое смотрели друг на друга и все не могли насмотреться!

Очаровательная, полная страсти девушка в

бальном платье, с застывшей на губах полуулыбкой была красивее и изящнее всего, что когда-либо — хотя бы даже в кино — видела эта публика. Никогда еще красота не являлась им с такой неодолимой силой. Мужчины таращили глаза. Женщины меркли рядом с Майей, будто свечи, — даже самые привлекательные. И все они с завистью, с болезненным чувством собственной неполноценности смотрели на нее: зачем она пришла сюда, зачем прелестью своих рук подчеркивает несовершенство их рук, своими глазами затмевает их глаза? Зачем только она явилась на их бал?

А Майя завидовала этим простым девушкам, тому, что они такие, какие есть, и тому, что каждая из них может подойти к Лещуку не таясь, открыто, как к своему. О, чего бы только она не отдала за то, чтобы быть такой, как они!

Майя приблизилась к нему. Остановилась за спиной. Теперь, несмотря на шум, она слышала его голос. Когда в последний раз они стояли так близко друг к другу?

В этот момент раздались мощные, тяжелые, ритмичные аккорды — и скрипки запели мелодию танго:

Никто так больше не умеет

Измучить сердце мне, шутя.
Никто так больше не умеет
В толпе растаять, как стемнеет,
И возвратиться год спустя[5].

Толпа теперь была всецело во власти музыки.

Лещук поклонился Юле; они уже собирались обняться и начать танец, когда юноша почувствовал, как кто-то легонько касается его плеча, — и обернулся.

Она!..

Майя стояла неподвижно, безмолвно. Она не произнесла ни слова. Но Юля в ту же секунду поняла, что Лещук для нее потерян. С этим ничего нельзя было поделать. Его отняли у нее!

Юля ошеломленно оглядела этих двоих. Что это за девушка, почему, ах, почему они сразу же стали парой?! Парой! Почему она вдруг оказалась за бортом, одна? Почему они — вдвоем, будто Лещук пришел не с ней, Юлей, а с той?

— Юля! — позвал Лещук, протягивая к ней руки.

Но она, опустив голову, поспешила уйти, исчезнуть в толпе. Владек догнал ее.

---

[5] Сноски: 5
Перевод А. Хованского.

— Юлька! — окликнул он.

Девушка разрыдалась; он взял ее под руку и увел куда-то вглубь ресторана.

Майя и Лещук остались одни.

Они ничего не говорили. Просто стояли рядом. И снова между ними повисла ненависть.

Танго бесновалось. Мелодия скрипок взмывала ввысь, чтобы в следующий момент с болезненным, сдавленным стоном рухнуть вниз. Глухие удары барабанов отбивали ритм.

Майя разомкнула губы в улыбке, будто ничего не произошло.

— Потанцуем, — предложила она.

Лещук хотел отказаться, но это было бы невежливо.

— Можно, — ответил он, и они вдруг обнялись, будто делали это не в первый раз.

Юноша держался церемонно, чуть отрешенно. Но постепенно Майя заставила его поддаться ритму. Они присоединились к другим парам. Лещук танцевал так же скованно и осторожно, как прежде с Юлей. Вел партнершу на расстоянии, двигался неуклюже — это выглядело скорее обрядом, нежели танцем. Майя чувствовала его и понимала. Это были… честные движения. Движения порядочного человека из простонародья,

исполненного уважения к танцу, наивные, но искренние.

Но Майя внезапно ощутила себя вознесенной на самые вершины музыки — и одновременно низвергнутой в ее самые темные глубины. Превосходная танцовщица, она до поры держала этот свой талант в тайне! И лишь постепенно, исподволь увлекала Лещука в волшебную страну танца, туда, где движение обращается в мелодию, а мелодия — в движение. Уже не он ее вел. Это Майя вела Лещука. И хитроумно, неспешно посвящала его — в пение скрипок, в грохот барабанов, во внезапные, случайные голоса флейт и во все, что происходило в этой музыке.

Никто так больше не умеет
Насмешкой слез моих унять,
Никто так больше не умеет
Своим злодейством покорять[6], —

пела музыка.

А Майя, нахмурив брови, пристально наблюдала, как юноша открывается танцу, — и в безмолвном счастье обнаруживала в нем тонкость, чувствительность, поэтичность, умение слиться

---

[6] Сноски: 6
Перевод А. Хованского.

со звуком, присущее прирожденному танцору. Откуда он знал все это? Каким чудом понимал? Вот еще, и еще! А теперь такая интонация! И Майя всем своим существом подсказывала Лещуку тайные знаки мелодии, завладевшей обоими.

Музыканты уже заметили эту пару. Возможно, их поразило «сходство» этих двоих, а может, их танец сам по себе — но, как бы то ни было, оркестр вдруг заиграл по-новому, выразительнее. Он обрушил на танцоров напряженную волну звуков, которая несла и захлестывала их. Иначе звучали теперь флейты. Иным стал голос саксофона, а скрипки и виолончель, будто опьяненные собственной красотой, словно наслаждались соревнованием друг с другом.

Когда танцую с ним, немею,
Губами белыми молю,
В глазах темно, но я не смею
Промолвить страстное: люблю[7].

Зал раскачивался и плыл. Майя ли с Лещуком заразили другие пары, передалась ли остальным их самозабвенность? Было в этом что-то ошеломляющее, что заставляло сердце биться быстрее, а

---

[7] Сноски: 7
Перевод А. Хованского.

их самих — полностью отдаваться танцу. Теперь уже не Майя вела. Вел Лещук, повинуясь власти музыки, а девушка лишь подсказывала, безмолвно нашептывала…

Танцевал весь зал. Кружились пары, красивые и комичные, молодые и старые, и даже пан Питульский — да, и он тоже! — бледный, с горделиво задранным романтическим носом, творил, словно в трансе, истинные чудеса со своей партнершей.

В этот момент председательша Алимская, обеспокоенная долгим отсутствием Майи, появилась в дверях в сопровождении Розы, Кшевуского и Шулька.

— Куда же она запропастилась?

И тут же увидела Майю с Лещуком. Одновременно все четверо осознали, что в зале происходит что-то странное. Музыка? Танец? Сосредоточенные, взволнованные лица зрителей? Непонятно, откуда взялось это ощущение.

— С кем это она танцует? — спросила председательша.

А Роза проговорила, словно ни к кому не обращаясь, тихо и сдавленно:

— В жизни не видела ничего подобного!

Шульк скривился:

— Этот тип у-жас-но танцует!

— Да не в этом дело!

— Тогда в чем?

— Замолчите, вы ничего не понимаете! — тихо сказала Роза, не отрывая глаз от этой пары.

Она инстинктивно угадывала, что Майя безумно счастлива.

Но Шульк понимал ситуацию лучше, чем кто-либо другой. Не будучи увлечен Майей, он все равно задыхался от ревности и носком лакированной туфли нервно почесывал себе щиколотку.

— Она себя компрометирует! — заявила наконец председательша, хотя наверняка не сумела бы объяснить, как именно компрометирует девушку танец. — Сделайте что-нибудь! Надо ее увести!

Танго оборвалось как раз в ту секунду, когда Алимская договорила. Пары рассыпались, все загомонили, разбрелись по залу — и Майя потонула в этой суматохе.

Они с Лещуком продолжали стоять на том самом месте, где застала их последняя нота. Оба внезапно ощутили полнейшую растерянность. Чары рассеялись.

— Пойдем, — глухо сказала Майя.

Они начали пробираться сквозь толпу. Оба чувствовали на себе любопытные взгляды, обоих одолевало чувство странного стыда.

Пан Питульский промчался мимо, ведя за собой по меньшей мере шесть веселящихся дам, которых он угощал водкой и бутербродами. Он обратил к Майе и Лещуку свой романтический нос.

— Ха! — вскричал он бесцеремонно.

— Ха! — вторили ему дамы.

Как только танец окончился, в толпе пробудилась невнятная неприязнь к этой паре. Те, кто только что находился под властью ее всепоглощающего обаяния, теперь сделались злы и насмешливы. Послышались грубые шутки, кто-то даже подставил Лещуку подножку. Людей раздражает чужое счастье, а Майя вдобавок была еще и слишком красива.

Они пробирались сквозь толпу с одной мыслью — скрыться от всех, бежать. Ускорили шаг.

Кто-то свистнул прямо у них над ухом.

— Если вам неловко со мной, я могу уйти, — предложил Лещук.

— Почему мне должно быть неловко?

— Я — не для вас.

Майя остановилась и, опершись о стену, обратила на него глубокий и серьезный взгляд. Она

обвела им Лещука целиком — сурово, испытующе.

— А мне как раз кажется, — сказала Майя, — что мы созданы друг для друга.

Лещук смутился и промолчал.

— Что это за Юлька была с вами? Идите же к ней, она ждет! — бросила она насмешливо.

Но Лещук упрямо ответил:

— Я не уйду.

И добавил с оттенком фатализма в голосе:

— Вы мне часто снились, и всегда одинаково.

— Как?

— В белой комнате. А на крюке в углу — что-то, я не совсем понял, что это было. И оно шевелилось.

Он вздрогнул. А ей сразу вспомнился сон, который так часто ее мучил.

Оба ощутили тревогу и не захотели дальше обсуждать сновидения.

— А как же теннис?

Он покраснел.

— Никак.

— Вас не приняли в клуб?

— Нет. А откуда вы знаете?

— Это я постаралась.

— Как?

— Я была там и говорила с Клоновичем.

— А…

Он вдруг схватил ее за руку и сжал так сильно, что Майя едва удержалась, чтобы не вскрикнуть. Наклонился к ней точь-в-точь как тогда, в лесу в Полыке. Лицо его потемнело, а зубы, те самые зубы, которые, пожалуй, больше всего были «похожи» — ровные и острые, — сверкнули в кривой усмешке.

— Зачем вы проделываете это со мной? Зачем вам надо, чтобы у меня ничего не выходило в жизни? Вы хотите все мне испортить. Чего вы ко мне прицепились?

Майя оттолкнула его.

— Что вы себе позволяете?! — воскликнула она.

Но Лещук не унимался:

— Почему вы от меня никак не отстанете?

Голос его звучал искренне. Майя смотрела на него — он казался приличным человеком. Она вспомнила их танец, вспомнила то, что поняла о Лещуке, пока они танцевали. Тонкая натура, умеет чувствовать, неглуп.

И тем не менее.

Они стояли на верхней площадке лестницы, которая вела к выходу. Еще мгновение назад

здесь было почти пусто. А сейчас десятки людей сновали туда-сюда: дамы с воздушными шарами, господа во фраках или пиджаках, с воротничками мягкими или накрахмаленными. Публика прогуливалась — и подсматривала.

Вдруг кто-то поклонился Майе.

Это был Шульк, а за его спиной стояли — под ручку, с лукавыми физиономиями — Роза и Кшиская.

— Простите, что помешал, — торжественно начал Шульк, кланяясь теперь Лещуку, — но председательша зовет вас к себе, Майя.

— Сейчас приду.

— Позвольте представиться. Шульк.

Подошли девушки.

— Что это за флирт на стороне?! Мы без тебя соскучились! — воскликнули они, смеясь.

Шульк тут же представил им Лещука.

— Очень приятно!

— Иду-иду, — нервно сказала Майя.

Но компания уже окружила Лещука:

— Вы тоже! Пойдемте все вместе! Просим за наш стол!

Оркестр заиграл фокстрот. Поток резких, легких и отрывистых звуков обрушился на толпу, и люди снова начали соединяться в пары.

Майя заколебалась. Она не хотела, чтобы Лещук шел с ними. Но делать было нечего — их вели к председательше. Шульк — гнусаво и напыщенно — принялся представлять Лещука каждому по очереди:

— Пан Лещук!

Майя покраснела. Лещук неловко кланялся и пожимал протянутые руки; председательша процедила:

— Как приятно! Прошу вас, присаживайтесь!

Они разглядывали его с едва скрываемым любопытством. Ловко это Шульк придумал: привести Лещука сюда и «посмотреть, что он за птица». Все были безумно заинтригованы.

Кто он? Где сумасбродка Майя выкопала этого парня? Что все это значит? Что между ними происходит? А ведь точно что-то происходит, это же очевидно! В особенности Шульк — в глубине души — был оскорблен и взбешен тем, что Майя изменила их компании. Он решил наказать ее и выставить на посмешище, намеренно подчеркивая все неловкие моменты ситуации. Собравшиеся едва владели собой.

Шульк обращался с юношей преувеличенно любезно. Он наполнил бокал Лещука, но у того дрогнула рука и вино выплеснулось на платье

Розы.

— Простите.

— Вы давно знакомы? — спросил Шульк Майю, любезным тоном компенсируя бестактность своего вопроса.

Майя приподняла брови:

— Ах, с Марианом мы знакомы куда дольше, чем… чем с вами!

Шульк поперхнулся. Что за тон?! Он так даже с официантами не разговаривает! Что она о себе возомнила, эта соплячка?! И к тому же зовет этого молодчика по имени! Они на «ты»!

Для Лещука это тоже было сюрпризом. Он тоже не знал, что они на «ты».

Но в глазах Майи зажглись опасные огоньки. Девушка уже поняла, что они намерены потешаться над Лещуком. Мерзавцы! Великосветский сброд!

— Я имел удовольствие где-то вас ви-деть! — заметил Шульк. — Где бы это могло быть?

— Может, в баре отеля «Европейский»? — предположила Майя. — Мариан служит там помощником официанта.

Это был новый удар для Шулька. Официант! Даже не официант, а помощник официанта, мальчик на побегушках! Чтобы скрыть нарастающее

раздражение, он достал портсигар и закурил. У Майиных подружек глаза на лоб полезли. Ну и ну, ай да Майя! Председательша молча пила кофе. Молодой Кшевуский ерзал на стуле, испытывая неловкость.

Шульк протянул Лещуку блюдо с салатом из апельсинов.

— Не желаете ли сла-день-ко-го?

— Нет, благодарю вас.

— Чем же вас у-гос-тить? Может, за-ка-зать что-нибудь?

— Нет, право, не стоит.

Но Шульк все не унимался. Он услужливо положил на тарелку салат и подал ее Лещуку, пародируя движения профессионального официанта.

С натяжкой это могло сойти за попытку ободрить чужака, которому наверняка было не по себе в их компании. Лещук действительно чувствовал себя отвратительно, поскольку понимал, что они за ним наблюдают и оценивают, что им всем только дай повод для насмешки. Чтобы не показаться невежливым, он принялся есть салат, но — непонятно, что на него нашло, — шумно, по-плебейски.

Однако юноша сразу спохватился. Что с ним

такое? Ведь даже в Полыке он никогда так не делал. Может, потому, что там никто от него ничего не ждал?..

Шульк не преминул злорадно заметить:

— Вижу, вам нравится!

Лещук вновь почувствовал себя неуклюжим и несчастным. К тому же он начал потеть! Это он-то, который на корте не потел даже в самую сильную жару. Капли пота выступили у него на лбу. Юноша мучился.

И Майя тоже мучилась. Этот пот, это причмокивание, эти неуклюжие движения! Девушка опять и опять убеждалась в том, что они принадлежат к разным мирам. Лещук оскорблял ее чувства. Он снова казался дикарем! Неотесанным! Непредсказуемым! Компания, сидевшая за столом, переводила взгляд с нее на него и обратно, даже не пытаясь скрыть свое любопытство.

В глубине зала продолжали танцевать.

А Шульк все паясничал. Он подсовывал Лещуку одно блюдо за другим и наконец закричал официанту:

— Меню!

И тут же дал волю своему раздражению:

— Как вы стоите?! Встаньте прилично! Нет! Я к такому не при-вык! Извольте еще раз подойти и

встать, как полагается!

— Да ладно вам, — успокаивала его председательша. Однако Шульк уже не владел собой. Уставший и немолодой официант попытался что-то сказать в свое оправдание, но Шульк не дал ему произнести ни слова.

— Я не собираюсь с вами дискутировать! Извольте еще раз подойти и принять мой заказ так, как по-ла-га-ет-ся! Ясно?

Все почувствовали неловкость. Это было уже слишком, хотя бы учитывая присутствие Майи. Но Шульк дал волю ярости, которую так долго сдерживал. Если уж нельзя Лещука, то хоть этого официанта отчитать, — прямо у него на глазах!

— Прекратите орать! — приказала в конце концов Майя.

— Я не ору, — возразил он холодно, — я требую достойного обслуживания!

— Тогда требуйте его в рамках приличия, господин Шульк!

Тот остолбенел. Что за тон! И это «господин Шульк»... Да она забывается!

— Будьте любезны учесть, что я не ребенок и никому не позволю делать себе замечания!

— Отчего же? Если вы делаете замечания другим, то и они вправе это делать!

Нельзя было понять, серьезно Майя говорит или издевается. Но пренебрежение, звучавшее в ее голосе, было явным и весьма обидным.

— Я, по крайней мере, не влюбляюсь в официантов! — язвительно ответил Шульк.

Панна Охоловская посмотрела на него, как на неодушевленный предмет.

— Вы угадали! Это в самом деле так, и я даже обручилась с одним из них — как раз сегодня! — небрежно бросила девушка.

Ее слова прозвучали как гром среди ясного неба. Алимская тихо ахнула. Роза и Кшиская разинули рты, не понимая, шутит Майя или говорит правду… Но когда молчание затянулось, все поняли, что на сей раз это не шутка. И тогда Шульк, окинув Лещука презрительным взглядом, произнес:

— В таком случае… поздравляю, у вас отличный вкус.

Лещук опустил глаза и замер… Он совершенно растерялся. А Майя накрыла своей ладонью его руку и спокойно, с глубоким, радостным вздохом, сказала:

— Вот мой жених!

В этот миг в зал хлынула череда танцоров, зазмеилась между столиками и исчезла в проти-

воположной двери. Дамы и кавалеры пронеслись, ритмично выгибаясь, взметнув руки с воздушными шарами, срывая на ходу скатерти и вызывая радостный переполох.

Сидевшая за столом компания не выдержала этого бесцеремонного вторжения. Все встали.

— Достаточно, — сказал Шульк. — Я плачу́!

Пока официант подавал счет, Шульк полез в карман. Однако его рука ничего не нащупала, а на лице отразилось удивление.

— Нет портмоне, — объявил он. — А пять минут назад оно было.

Все поспешили на помощь, повытаскивали свои кошельки, стали оглядываться по сторонам, словно портмоне Шулька могло зависнуть где-нибудь в воздухе.

— Может, уронили? — предположила председательша.

— Нет, оно было здесь, в заднем кармане.

Шульк, приподнимая полы фрака, показывал, где именно лежало портмоне.

— А может, забыли в гардеробе? Ведь здесь никто не мог его вытащить.

— Нет, оно точно было в кармане! — сказал Шульк и обернулся к Лещуку, который сидел рядом. — Вы не могли бы встать? — спросил он. —

Вдруг портмоне упало с этой стороны?

Лещук шевельнулся, но не встал. Воцарилась тишина. Всех поразило, что он один остался сидеть, когда все давно уже повскакивали со своих мест. Майя побледнела. Она заметила уголок портмоне между спиной Лещука и спинкой стула. Когда юноша сделал движение, бумажник сполз ниже. Он почувствовал это и замер.

— Ну?.. — поторопил Шульк.

Но в это мгновение Майя со всего маху ударила его по лицу. Пенсне упало на пол. Возник переполох. Дамы бросились к ним, председательша пронзительно вскрикнула:

— Майя, ты с ума сошла!

А Майя тем временем схватила бумажник и сунула к себе в сумочку. Одновременно она толкнула Лещука. Тот вскочил. И когда они вот так встали рядом, все снова, в который уже раз, увидели, что это пара, что они — одинаковые!

— Ха! — сказал Шульк. — Вы помешали мне вызвать полицию!

Вся компания поспешила в гардероб. Майя и Лещук остались.

— Ха! Ха! — рассмеялся проходивший мимо Питульский, горделиво несший свой романтический нос.

— Пойдем отсюда, — сказала Майя.

Глава XV

О скандальной истории с панной Охоловской мгновенно стало известно всему варшавскому «высшему обществу». Шульк рассказывал об этом направо и налево, а подруги Майи делились шепотом, по большому секрету. Наконец-то раскрылась загадка прекрасной Майи, которая за короткое время успела всех заинтриговать своим непонятным поведением. Влюблена в помощника официанта! Обручена с помощником официанта, которого, кроме всего прочего, подозревают в том, что он стибрил портмоне у Шулька! Толпы ринулись в бар отеля «Европейский», но Лещука там уже не было. На следующий день после бала его уволили — вероятно, не обошлось без вмешательства Шулька.

А Майя внезапно очутилась в полном одиночестве. Компания председательши отвернулась от нее немедленно — дружно, как по команде. Даже Роза отдалилась. Майю больше не приглашали на танцы и вечера. Остались только Малиняк и доведенная до бешенства маркиза. Впрочем, Майя не сердилась. Люди были ей не нужны. Она

жила словно в каком-то забытьи.

«Нет! Он не крал! — твердила она себе. — Не крал! Нет! Это невозможно! Как так?! Именно тогда, когда я наконец признала его!»

Но факты убеждали в обратном. Кто же, кроме него, мог украсть?

Однако когда Майя вспоминала, как он танцевал, и, закрыв глаза, снова видела его искреннее, дружелюбное лицо, ей вновь казалось, что это невозможно.

А кража в Полыке?!

Потом Майя восстанавливала в памяти, как грубо, по-простецки, да еще и потея, Лещук ел салат, — и ей становилось ясно, что он чужой, из другого мира, что она о нем ничего не может знать наверняка, что он способен на любую, самую хамскую выходку.

И еще одно видение преследовало Майю: сизые губы на уродливо исказившемся лице. Девушке начинало казаться, что Лещук, должно быть, больной, дегенерат, — чему, впрочем, противоречила его бросавшаяся в глаза прекрасная физическая форма.

Майя совершенно запуталась в этих противоречиях.

Когда сразу после бала она набросилась на

него, требуя признания, Лещук поклялся, что не крал. Единственное, что Майя сумела из него вытянуть, — он понятия не имеет, кто подсунул ему портмоне. Но говорилось это каким-то странным тоном. Девушка чувствовала, что он ей не доверяет.

Впрочем, стоило ли удивляться? Ведь она с первой минуты знакомства вела себя с ним, мягко говоря, эксцентрично.

По правде говоря, Майя и сама испытывала к себе все возраставшее недоверие. Скандал на балу, пощечина Шульку, спрятанное в сумочку портмоне — эта череда грубых, вульгарных, непорядочных поступков могла бы вывести из равновесия кого угодно, даже человека внутренне куда более устойчивого, чем Майя. Однако все эти действия были какими-то наивными, унизительными и в то же время ребяческими, почти глупыми.

И снова Майя ничего не могла понять. Ребячество и наивность? Или испорченность и цинизм? Вульгарность и грубость? Какая она и на что способна? Все было неясно, туманно, случайно.

В темном вестибюле «Бристоля» кто-то осторожно взял ее за руку. Она обернулась. Мама.

Пани Охоловская постарела лет на десять. Во-

круг рта и под глазами обозначились черточки морщин — это первое, что заметила Майя.

— Ты меня нашла?

Майя не слишком удивилась. Было ясно, что долгое пребывание в Варшаве скрыть невозможно. Она давно готовилась к этой встрече.

— Жена дяди Виктора написала мне, что видела тебя в городе. Я также навела справки в клубе. Сначала думала, что ты уехала во Львов, — быстро говорила пани Охоловская, идя с Майей по коридору к ее комнате. — Говорят, ты служишь секретаршей у Малиняка?

— Да.

— Майя, правда ли, что…

— Что?

Пани Охоловская грузно опустилась на стул.

— Дитя мое, скажи мне! Ты обручилась с ним? Он здесь, с тобой? Это правда — то, что болтают люди?

— Мама, ты слишком переживаешь.

— Слишком? Значит, ты считаешь, что это в порядке вещей?

Майя рассмеялась:

— Уж особенного в этом точно ничего нет!

Она встала перед матерью и заговорила свободно и спокойно, словно в этом всем действительно

не было ничего особенного. Майя преодолела свое волнение, не желая, чтобы мать разделяла ее муки. Нет, маме не надо знать подробностей!

И Майя, как всегда немного по-детски, объяснила, что в целом она очень довольна своим побегом из дома и пребыванием в Варшаве. Да, можно сказать, что у нее все отлично! Конечно, она заставила мать беспокоиться, но иногда такие радикальные решения необходимы и идут человеку на пользу. Она устроилась на службу к Малиняку и зарабатывает себе на жизнь. Это ведь хорошо. Кроме того, она узнала разных людей, вошла в светское общество…

— Знаешь, мама, мне кажется, я очень изменилась, — наивно говорила она. — Я сделалась глубже. Стала серьезнее относиться к жизни.

Что же касается Лещука, она действительно с ним встречается и даже устроила из-за него скандал на балу, потому что его обвинили в том, чего юноша не совершал. Она немного опекает его и хотела бы помочь ему с теннисной карьерой, но это уму непостижимо, какие интриги и зависть правят миром спорта. А слухи о помолвке — чепуха! Байки и сплетни. Однако вреда от них никакого, ведь с Холявицким она порвала окончательно.

Пани Охоловская не верила своим ушам. Ей и в голову не приходило, что Майя может так мастерски скрывать свои чувства. Мать ехала сюда с болью в сердце, с тревогой — и вот застает дочь довольной и уравновешенной! Послушать Майю — так можно подумать, будто все у нее просто, само собой разумеется, естественно.

Нет, пани Охоловская решительно не понимала свою дочь!

— Возможно, я скоро вернусь в Полыку, — продолжала Майя как можно более непринужденно. — Вот только, — она покраснела, — эта история… с деньгами… Мама, прости, пожалуйста. Я прекрасно понимаю, что для тебя в твоем положении означает такая сумма. Я откладываю с зарплаты и все тебе отдам, не сомневайся!

— Дитя мое, разве ты не понимаешь, что компрометируешь себя?! Что люди судачат о тебе?!

А Майя, у которой сжималось горло, когда она видела на материнском лице следы пережитых страданий, продолжала твердить себе: «Я обязана ее успокоить! Обязана!»

И она продолжала так беззаботно описывать свое столичное существование, что пани Охоловская устыдилась наконец слез, которые, оказывается, проливала напрасно. Впрочем, она

знала Майю достаточно хорошо, чтобы понимать: никакое давление на дочь эффекта не возымеет. Но обещание, что та скоро вернется в Полыку, успокоило женщину.

На прощание мать сказала:

— Есть еще один человек, который хочет поговорить с тобой.

И в комнату вошел Холявицкий.

Пани Охоловская незаметно удалилась. Из двух зол — Холявицкий и Лещук — она все же предпочитала первого. Майя и секретарь князя обменялись рукопожатием и застыли друг перед другом.

— Ты изменилась, — сказал Холявицкий.

— Ты изменился, — эхом отозвалась Майя.

На самом деле, как только мать вышла, маска беззаботности спала с лица девушки. Холявицкий поразился, увидев ее красоту, но это уже не была та прежняя — благородная и аристократическая — красота панны Охоловской. Теперь в ней ощущалось нечто двусмысленное, шаткое и даже униженное…

Однако и Майя не меньше удивилась тому, как выглядел теперь ее бывший жених. Холявицкий стал похож на призрака. Он похудел, пожелтел, глаза у него бегали, руки дрожали — казалось,

секретарь князя страдает тяжелым нервным заболеванием и держится исключительно благодаря силе воли. На лбу у него обозначились две вертикальные морщины, которых раньше не было. И даже несколько седых волосков появилось на висках…

Майе стало неловко. Да, она не питала никаких чувств к этому человеку, но ведь это из-за нее он страдал!

— Мы не виделись три недели, — сказал Холявицкий.

И девушка вдруг осознала, сколь мало времени прошло с тех пор, как она жила в Полыке, и сколь многое с тех пор изменилось.

Секретарь князя внимательно поглядел на нее, а затем сказал:

— Все ясно! Ты ко мне не вернешься. Все кончено.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу. Не стоит об этом говорить.

Майя облегченно вздохнула:

— Ты прав.

Холявицкий попытался сдержаться, но все-таки не утерпел.

— Три недели я жил одной мыслью — найти тебя и поговорить. Но теперь я не вижу в этом

смысла! — Он язвительно улыбнулся. — Желаю вам с пастушком счастья на лоне природы!

— Ты уверен, что с ним?

— Это же очевидно! Я не верил тому, что мне рассказали, — сегодня, буквально час назад. Но теперь верю! Ты уже не просто похожа на него! Ты стала точь-в-точь как он! Ты заразилась им! Превратилась в такую же вульгарную плебейку. Поздравляю — теперь вас ничто не разделяет!

— У меня к тебе просьба. Не делись этими наблюдениями с моей матерью. Она не должна ничего знать.

После долгой паузы Холявицкий проговорил, нервно озираясь:

— Я возвращаюсь в Мыслочь. Приехал сюда совсем ненадолго. Мне нужно в замок. Тут уже ничего не исправить. Но у меня к тебе тоже есть просьба. Ты посвящена в мои дела — надеюсь, ты никому о них не расскажешь и сохранишь мои планы в тайне.

— Можешь быть уверен. А как дела в замке?

— Неплохо.

Холявицкий снова огляделся, и Майе показалось, будто он чем-то встревожен.

— Ты уладил проблему со Сколинским?

Как же она стала далека от всего этого! Майя

говорила о замке так, словно уехала оттуда лет сто назад.

— Сколинский? Сколинский еще в замке. Составляет каталог. Мы с ним обо всем договорились.

Холявицкий поднялся со стула и шагнул было к умывальнику в углу комнаты, но отчего-то передумал.

— Хочешь пить? — удивилась Майя.

— Нет.

— А как поживает князь?

— Более-менее. Пока держится.

Холявицкий снова двинулся к умывальнику. На жестяной перекладине висел шарф Майи. Холявицкий пристально посмотрел на него.

— Почему он колышется? — пробормотал он. — Ведь окно закрыто.

— Что колышется?

— Ты не видишь? Он весь дрожит, сверху донизу.

Лишь подойдя поближе, девушка смогла уловить едва заметное движение шарфа.

— Что в этом странного? Форточка открыта, а в стене проходит труба с горячей водой. В результате образуется воздушный поток. Не понимаю, о чем ты.

Секретарь бросился к окну и закрыл форточку. Шарф тут же перестал дрожать. Холявицкий провел рукой по лбу и прошептал:

— Я схожу с ума!

— Что с тобой?

— Ничего… ничего.

Но Майя вдруг вспомнила свой сон, ту трепещущую тряпку, которая так ее напугала — и которая снилась также и Лещуку.

— Мне как-то снилась такая вот тряпка, она висела на каком-то крюке и шевелилась, — машинально сказала девушка.

Ее слова произвели неожиданный эффект. Холявицкий побледнел.

— Как это? Какая тряпка? Опиши мне ее подробно.

Майя вкратце рассказала ему свой сон. Подвал или комната, узкое окно, белые стены, железный крюк, а на нем извивается то ли какой-то кусок ткани, то ли нечто живое. Она не сумела разглядеть. Это *нечто* было настолько отвратительным и злым, что и передать невозможно. Ей это снилось несколько раз, и Майя всегда просыпалась измученная и вся в поту.

— А в этой комнате не было печи? Кухонной печи?

— Не было. А может, и была. Я точно не помню. А тебе тоже это снится? Что это значит?

Однако больше девушка ничего не смогла от него добиться. Холявицкий отвечал уклончиво и вскоре начал прощаться. Майе показалось, что он теряет рассудок.

Бывший жених схватил ее за руку.

— У меня к тебе еще одна просьба. Если тебе снова приснится сон с этой тряпкой, напиши мне, не забудь. Очень прошу. Это важно для меня! Ну, до свидания.

И снова Майя задумалась над тем, что означают эти сны…

К счастью, у девушки не было времени размышлять над этим. Малиняк вызвал ее и объявил, что через два дня они переезжают в Константин. Ему надоело жить в гостинице, он тоскует по солнцу и зелени. Еще ему казалось, что на свежем воздухе он быстрее доконает несчастную «светскую львицу», для которой уже закупил фантастические пасторальные наряды.

Ненависть маркизы к Майе достигла болезненного апогея. Тщетно она сдерживала себя, зная, что в противном случае будет лить воду на дядину мельницу, что Малиняк только того и ждет. Она, опытная авантюристка, женщина стильная,

роковая — бледная брюнетка, женщина-вамп, — не могла пережить, что вынуждена уступать этой провинциалочке, соплячке, этой деревенской гусыне, втершейся в доверие к Малиняку.

Кроме того, до нее дошли странные истории о Майе, о которых она не преминула сообщить Малиняку. Эта барышня из усадьбы на самом деле замешана в подозрительных делах! Она демонстративно прятала от Майи то немногое, что Малиняк не сумел у нее отобрать. Обращалась с девушкой почти как с дамой полусвета. А Майя уже сама не знала, кто она такая и как с ней следует обращаться.

Однажды эти бесконечные сомнения прервал телефонный звонок. Звонила председательша Алимская:

— Как поживаешь, дитя мое?! Я так возмущена поведением Шулька! Не окажешь ли ты мне любезность? Давай встретимся сегодня вечером — мне нужно передать тебе одну вещицу.

Для Майи это предложение, как и ласковый голос председательши, стали неожиданностью. После бала Алимская не напоминала о себе.

Они договорились встретиться в небольшой кондитерской — видимо, председательша все же избегала появляться с Майей в приличном

обществе.

Но когда Майя пришла, Алимская встретила ее очень радушно, хоть и разговаривала теперь немного иначе, чем прежде.

— Ну-ну! Я и не подозревала, что ты столь решительна, дитя мое! С таким характером ты многого добьешься в жизни! Не знала, что ты способна на подобную изворотливость! Ведь не ударь ты Шулька — что придало делу совершенно новый оборот, — он вызвал бы полицию и парню бы не поздоровилось. Кстати, дитя мое, ты в самом деле хочешь выйти за него замуж?

— Почему вы спрашиваете?

— Мне кажется, я имею право спрашивать. Я опекаю тебя уже довольно давно. Ты обязана мне Малиняком, да и в будущем, полагаю, я тоже смогу быть тебе полезной, ведь домой… домой ты, полагаю, уже не вернешься? В твоем положении тебе без меня не справиться.

И председательша долго доказывала Майе, что лишь она одна способна спасти ее положение в обществе и обеспечить финансовую состоятельность. После чего приступила к делу.

— Золотко мое, это я тебя устроила к Малиняку, так что ты должна кое-что для меня сделать.

— Что именно?

— Пустяки. Это тоже касается портмоне, только не Шулька, а Малиняка.

— То есть?

— Видишь ли, мне нужно, чтобы ты достала оттуда один документ. Один проект, связанный с расширением его новых промышленных предприятий. Ты принесешь мне эту бумажку на пару часов, а потом сунешь обратно в портмоне. Ни одна живая душа не узнает.

«М-да-а, — подумалось Майе, — еще неделю назад она не осмелилась бы сделать мне подобное предложение. Ну разумеется, Алимская ведь считает меня его невестой и знает, что мы с ним похожи…»

Кроме того, если она откажется, председательша способна отомстить, что в ее положении равносильно катастрофе. Майя решила потянуть время.

— А если Малиняк заметит?

— Как он может заметить? Он на ночь кладет это портмоне под подушку, а спит крепко. У нас будет целая ночь.

— Я подумаю.

— Ладно. Разумеется, я подожду. Уверена, ты не отплатишь мне неблагодарностью…

В этой приторности звучала угроза. Майя раз-

глядывала председательшу. Ага, вот она какая! А я — вот такая! И Лещук…

Нет! Нет! Это невозможно! Ни Лещук, ни она… Еще раз увидеться с ним! Еще раз убедиться!

Они теперь часто встречались, проводили вместе долгие часы. Но разговоры не клеились. И главное — они стеснялись затронуть самый важный вопрос. Ни разу, ни словом они не коснулись этой неожиданной «помолвки». Ни слова о совместном будущем или хотя бы о каком-то промежуточном решении. Столько всего нужно было обсудить, а они тратили время на пустые замечания вроде: «В эту пору на улицах особенно многолюдно».

Они не были ни на «ты», ни на «вы» — и это тоже мешало общению.

Майя решила посвятить его в план председательши.

У нее была безумная надежда, что Лещук отнесется к этому критически или хотя бы неодобрительно. Малейший подобный намек с его стороны подкрепил бы ее волю к сопротивлению. Знай Майя, что для него важно, чтобы она не ввязывалась в такого рода авантюры… Ну а если нет, если ему все равно, то тогда и ей тоже — и будь что будет!

Майя передала Лещуку свой разговор с председательшей. Не согласится ли он ей помочь? Вдвоем такое провернуть гораздо легче.

Парень не проявил ни малейшего удивления. Сразу перешел к обсуждению деталей. Единственное сомнение, которое он высказал, было сугубо практическим:

— А нас не поймают?

Если у Майи и оставались какие-то иллюзии, они растаяли безвозвратно.

Она не знала, что в этот самый момент таяли и последние иллюзии Лещука. Ведь Лещук был почти уверен, что это она украла бумажник у Шулька! Правда, прежде он немного подозревал пана Питульского, но сегодняшнее предложение Майи окончательно развеяло все сомнения. Да, она либо сумасшедшая — возможно, клептоманка, — либо хитрее его и абсолютно бессовестна. Впрочем, иначе и быть не могло, ведь нормальная девушка из ее круга не стала бы связываться с таким, как он.

Но он уже не мог ей сопротивляться. Майя стала слишком близка ему. Лещук остро ощущал в себе то же, что и она, — жажду жизни. И, услыхав ее предложение, в свою очередь решился высказать то, о чем уже давно размышлял:

— Я бы хотел еще раз попробовать с этим клубом.

— Как это?

— Я побью Врубеля всухую!

Майя пожала плечами — она устала, и все это ей наскучило. Врубель был одной из первых ракеток Европы, его имя уже несколько лет фигурировало в списке Майерса. О том, чтобы Лещук сумел его обыграть, не могло быть и речи.

— Я придумал новый удар. Теперь, если захочу, сумею побить любого.

— Что за чушь!

— Найдем корт — и я покажу.

Вскоре им попалась табличка «Теннисные корты». Они зашли. Майя была равнодушна, апатична. Они взяли напрокат туфли; Лещук долго осматривал струны, прежде чем выбрал для себя ракетку, — не новую, с красивым ободом.

И вот они уже стояли на корте друг против друга, совсем как в Полыке. Но играть им не хотелось. Они не были даже одеты должным образом, и вдобавок… теннис не мог уже доставить им прежнего удовольствия, а в их отношениях отсутствовала былая легкость, которую теперь сменили скованность, тяжесть, напряжение.

— Играем, — сказал Лещук.

Майя подала, он отбил. Удар был довольно мощным, но мяч, перелетев через сетку, внезапно начал вращаться и, словно им управляла невидимая рука, почти вертикально упал на землю. Ни один игрок не успел бы его взять, бежать было бесполезно.

То же самое повторилось со следующими мячами. Майя изменила стиль подачи. Потом попробовала мощные удары на заднюю линию. Но все мячи, которые Лещук отбивал, падали вертикально вниз сразу за сеткой. Игры как таковой, в сущности, не получалось. При этом формально придраться было не к чему. Казалось, Лещук довел искусство укороченных ударов до прежде невиданного, недостижимого уровня.

— Как такое может быть? — спросила потрясенная Майя, подойдя к сетке.

Лещук улыбнулся.

— Специальный прием. Берешь ракетку вот так, — принялся он объяснять, — и при ударе делаешь ею вот такое движение. Мяч начинает вращаться особым образом и обязательно падает сразу за сеткой. Это не какая-то хитрость — обычный «подрез», просто ракетку держишь иначе, вот мяч и летит по-другому.

— Но как же никто до этого не додумался?! —

воскликнула Майя.

Действительно — как? Казалось, уже не осталось в теннисе таких ударов и приемов, которые не были бы опробованы миллионами игроков на тысячах кортов мира!

— Случайно такой удар наверняка получался у многих — когда ракетка проворачивается в руке. Но весь фокус в том, что когда ударяешь так впервые, то думаешь, что это глупо и ничего не выйдет. Кикс, и все! Тебе кажется, что так держать ракетку совершенно бессмысленно, ерунда какая-то. Но если немного потренироваться, становится ясно, что из этого может кое-что получиться! Кроме того, тут не каждая ракетка подходит, нужна старая, со слабым натяжением струн, — особенно вот эти две струны сбоку должны быть ослаблены. Хорошей ракеткой так не сыграешь.

Майя хотела спросить, как он до этого додумался, но, не используя ни «ты», ни «вы», сформулировать вопрос оказалось сложно. Лещук, однако, угадал ее мысли.

— Я придумал это еще давно, в Люблине, — сказал он, — но только сейчас довел до совершенства. Теперь даже самый лучший игрок на свете не сумеет выиграть у меня ни сета!

— Но это вообще делает теннис невозможным! Придется вводить новые правила. Такой удар не оставляет шансов вести игру!

— Я мог бы победить их всех! — повторил Лещук упрямо.

И наклонился к Майе.

— Можно никому не говорить, что я придумал такой способ, — объяснял он, не глядя на нее. — Я ведь в целом играю неплохо, и если человек не знает, в чем тут дело, то подумает, что никакого обмана нет, просто я хорошо подрезаю мячи — и все! Мне необязательно делать это постоянно, можно лишь время от времени. В каждом сете выиграть пару геймов — никто и не догадается. Если бы мне сейчас устроили пробную игру в клубе, я бы всех там разгромил! Только надо уговорить их сыграть со мной. Клянусь, я всех положу!

Майя искоса взглянула на Лещука. Ага, так вот он какой! В его голосе слышалась доверительность, будто юноша знал, что она его поймет, и рассчитывал на ее поддержку.

Лещук неуверенно улыбнулся и почти шепотом спросил:

— Ну а что? Ведь если бы я выиграл… это облегчило бы нам жизнь. У меня было бы хоть какое-то положение.

Ого! Значит, он подходит к делу вот так… матримониально? Майя хотела с отвращением отстраниться от молодого человека, но ведь это были ее улыбка, ее манера говорить, она сама могла бы произнести эти слова. И вообще, чем она лучше? Плебей-недотепа и деклассированная барышня.

— Посмотрим, — неуверенно и как бы нехотя сказала она. — Скоро будет показательный матч в Сколимове. Можно что-нибудь придумать. Я займусь этим. Если бы удалось хоть раз публично разгромить Врубеля, им пришлось бы потом устроить официальный матч.

Глаза у него загорелись.

— Вот-вот!

Они сразу почувствовали себя близкими людьми, которые отлично друг друга понимают. Но почему же они сближаются только в дурном? Почему стоило им начать договариваться о чем-то неблаговидном, как тут же появлялось взаимопонимание и все препоны бесследно исчезали?

Майя поспешно распрощалась. Вернулась домой и легла, но перед сном еще вскочила с кровати и убрала все, что могло напоминать висящую тряпку: полотенца, шарф, блузки на вешалках. Все это Майя спрятала или разложи-

ла на стуле, чтобы ничего нигде не висело. Но, несмотря на это, сон снова настиг ее. И снова во сне на фоне белой стены с узким окном — то ли тряпка, то ли нечто живое, трепещущее, ужасное, отвратительно, судорожно шевелящееся, и они оба — Лещук и она, — парализованные ужасом, отданы на его милость и покорно ждут. А потом она увидела еще кое-что. Увидела, как эта тряпка лезет Лещуку в рот, и он задыхается. Майя закричала…

Глава XVI

Показательный матч в Сколимове, состоявшийся через два дня после переезда Малиняка, Майи и маркизы в Констанцин, собрал толпы зрителей. Хотя он и не был особенно ярким событием в мире спорта, выходной день и прекрасная погода привлекли множество варшавян, не говоря уж о местных жителях и их гостях.

Трибуны были заполнены под завязку. Такие матчи, воспринимаемые скорее как зрелище, развлечение, когда над игроками не довлеет бремя ответственности, часто доставляют и им, и публике больше удовольствия, чем серьезные представительные турниры.

Нередко на таких второстепенных мероприятиях, где можно рискнуть без того, чтобы тебя обвинили в легкомыслии, и случаются наиболее удачные удары.

А кроме того — приятная прохлада под деревьями, зелень, солнечные блики, доносящиеся издалека звуки оркестра. Все были в прекрасном настроении и пили лимонад, который разносили замурзанные мальчишки.

Разумеется, украшением матча был Врубель, чемпион Польши, который начал с того, что, к восторгу своих поклонников, разгромил Липского в одиночной игре. После перерыва должен был состояться смешанный парный матч: Врубель с Антонувной против Майи и Клоновича.

Антонувна, которая была гораздо слабее Майи, несколько уравнивала шансы, но все равно никто не сомневался, что Врубель, находящийся на пике формы, побьет соперников. Правда, Клонович с его приемчиками и опытом в парной игре был значительно сильнее, чем в одиночной.

— Ну все, хватит уже, поехали! — подгонял игроков Ратфинский, а зрители хлопали и свистели, выражая восторг и нетерпение.

— Я сегодня в ужасной форме, — на всякий случай предупредил Клонович. — Все утро болела голова.

— Я заметила, что ты бледен как смерть! — сочувственно сказала Антонувна, что вызвало смех, поскольку загар Клоновича был почти кофейного оттенка.

Все знали о его истериках и капризах перед каждым публичным выступлением.

Вот Врубель — тот действительно нервничал, хотя матч был для него пустячным, а четверть

часа назад он показал отличную игру. Теннисист нервно жонглировал ракеткой и нетерпеливо оглядывался.

— Пошли! — сказал он.

Их встретили аплодисментами. Первые удары не принесли никаких особых сюрпризов — головы зрителей ритмично поворачивались вправо-влево, — и вдруг Майя поскользнулась и упала. Клонович бросился к девушке, но та уже вскочила. Однако, сделав несколько шагов, захромала.

— Ох, я, кажется, вне игры, — сказала девушка.

— Что случилось?

— Лодыжка болит. Какой уж тут теннис…

Все замерли в замешательстве.

— Что же теперь делать? У нас нет запасного игрока! — воскликнул Ратфинский. — Матч летит к чертям! Вы хоть ничего себе не повредили?

— Нет, ерунда. Потянула связку.

— Клоновичу придется играть с Врубелем одиночный.

— Что? Я? Исключено! Я не в настроении!

— Нельзя прерывать матч. Публика заплатила деньги!

И Ратфинский, поднявшись на судейскую вышку, объявил:

— Дамы и господа! Панна Охоловская повредила ногу и играть не сможет. Поэтому состоится одиночная игра, Врубель — Клонович.

Но это решение было встречено свистом и протестами. Клонович был слишком слабым соперником для Врубеля. Кроме того, публика его не любила.

Зрители, кто поскандальнее, принялись вопить:

— Не хотим! Долой Клоновича!

— Невоспитанное быдло! — прошипел Клонович.

Майя, прихрамывая, подошла к нему.

— Возьмите Лещука, — сказала она. — Он играет не хуже меня. Вон, на трибуне.

— Какого еще Лещука?

— Ну, того, с которым ты играл три гейма на пробу.

— А! — вмешался Ратфинский. — Но он же совершенно беспомощный.

— Я много раз с ним играла, он лучше меня! Можете смело рискнуть. Тогда он был совершенно деморализован Клоновичем! Я за него ручаюсь, — горячо упрашивала Майя, и Клонович, устрашившись перспективы одиночной игры с Врубелем, проявил несвойственную ему

сговорчивость. Впрочем, после тех трех геймов всухую Лещук вовсе не казался ему опасным соперником.

— Что ж, это идея. В конце концов, замена экстренная. К тому же я тогда действительно немного его смутил. Если окажется, что он совсем никуда не годится, пусть Врубель играет только на меня, как-нибудь выкрутимся. Но согласится ли он?

Они с Майей подошли к трибуне и окликнули Лещука. И тут Клонович и Ратфинский сразу поняли, что это за история с якобы подвернутой ногой. Все было видно невооруженным глазом. До них, конечно же, донеслись слухи о подозрительных приключениях панны Охоловской, и вот теперь все подтверждалось. Если и был у нее какой-то сомнительный роман, то явно с этим Лещуком!

— Фи! — с отвращением проговорил Ратфинский.

Но отступать было уже поздно. Публика теряла терпение.

— Дамы и господа! — объявил капитан. — Вместо панны Охоловской будет играть пан Лещук.

— Кто?!

— Не хотим!

— Начинайте!

— Долой! Долой! Быстрее, бы-стре-е, бы-стре-е, бы-стре-е! — начали скандировать трибуны, опьяненные собственным ревом и летним зноем.

Под эти крики игроки и вышли на корт. Лещук с Клоновичем против Врубеля и Антонувны. Клонович вполголоса давал Лещуку указания:

— Главное, не мешайте мне! Старайтесь держаться в тени!

Мощная подача Врубеля прервала этот инструктаж. Игра началась.

Клонович не сумел отбить.

Лещук — тоже.

— Тридцать — ноль, — объявил судья.

Клонович снова не сумел отбить.

— Сорок — ноль.

— Нет игры! — вынесли вердикт трибуны.

Но четвертый мяч полетел как-то странно. Подача Врубеля, который не любил церемониться даже со слабым противником, была очень сложной и мощной. Тем не менее Лещук, этот случайный любитель, не только принял мяч, но и сумел так его укоротить, что отбить стало невозможно.

— Сорок — пятнадцать.

Затем повезло Клоновичу. Он отбил на Анто-

нувну. Удар был не слишком сильным. Антонувна сыграла на Лещука, считая, что это более слабый соперник.

— На нее играйте! — прошептал Клонович. — Избегайте Врубеля!

Но Лещук мощно послал мяч Врубелю и бросился к сетке. Удар был великолепен, мяч полетел, словно пуля. Врубель отбил его только чудом. Клонович без труда принял мяч, но завершить розыгрыш не сумел.

И тут, к изумлению зрителей, у самой сетки завязалась дуэль между Врубелем и Лещуком. Несколько быстрых как молния ударов с лета, лоб Врубеля, смэш Лещука — и все было кончено.

Раздался гром аплодисментов.

Они еще не стихли, когда Врубель послал мяч Лещуку. И снова — внезапный точный укороченный удар. Что происходит? Через мгновение первый гейм завершился победой пары Клонович — Лещук.

— Не мешайте мне! — горячился Клонович, которому по-прежнему казалось, что это он выиграл гейм. Но зрители уже не сомневались. И результат, и, что еще важнее, великолепная игра Лещука, трудно уловимый, но ясно ощутимый класс его ударов — все указывало на то, что это

игрок высочайшего уровня. Обычное воскресное развлечение обернулось неожиданной сенсацией.

Впрочем, многие считали, что Лещуку просто повезло, — это, мол, может случиться с каждым.

Однако во втором гейме те, кто знал Врубеля — а его знали почти все, — были потрясены произошедшей в нем переменой. Чемпион Польши сделался серьезен, сосредоточен и мрачен. Он сконцентрировался и напряженно-внимательно вступил в игру. Сейчас Врубель выглядел так, как во время самых сложных международных турниров. Играл он исключительно на Лещука.

И Лещук бил только в его сторону. Клонович и Антонувна оказались полностью выключены из игры. Непревзойденные драйвы, сильные, резкие, летели над сеткой по диагонали корта. Казалось, эти двое видят лишь друг друга. В какой-то момент Клонович хотел подбежать и завершить розыгрыш, но Врубель крикнул:

— Прочь!

Снова раздались аплодисменты. Все поняли, что о продолжении парной игры не может быть и речи. Игроки слишком увлечены друг другом, слишком хотят помериться силами. Фактически они уже играли одиночную игру.

Многие встали с мест. Раздались крики:

— Одиночный! Одиночный! Одиночный!

Ратфинский объявил, что «по желанию публики» парная игра приостанавливается и вместо нее состоится матч Врубель — Лещук. Это заявление было встречено новыми воплями, но, когда после ухода Клоновича и Антонувны на корте остались двое игроков, внезапно наступила мертвая тишина. Затем раздались аплодисменты в честь Врубеля. Врубель покрутил ракетку в руке и взглянул на зрителей со странной и печальной улыбкой.

Его волнение не могло укрыться от публики. Непонятное поведение Врубеля еще больше взбудоражило зрителей — только теперь все догадались, что фавориту может грозить поражение.

Эта мысль казалась невероятной, однако необычайная серьезность Врубеля придавала матчу оттенок драматизма. Снова все затихло. Врубель встал в стойку и крикнул судье:

— Начинаем!

Первые же удары показали, что у чемпиона Польши нет ни малейших шансов!

Спустя пять минут в этом уже никто не сомневался. Врубель безусловно был одной из первых ракеток Европы, однако сегодня на корте появил-

ся первозданный, невероятный талант, перед которым блекли вся техника и умения соперника. Талант, правда, еще юный и неограненный, компенсирующий спокойствие и выдержку безудержной яростью. Тем не менее никакие тактические ошибки не могли свести на нет это природное превосходство.

На трибунах уже никто не хлопал. Публика наблюдала за поражением своего любимца.

Врубель казался беспомощным, и в этом было что-то трагическое. Лучшие удары Лещука зрители встречали глубоким молчанием, продиктованным уважением к драме чемпиона.

А тот выкладывался полностью. Он знал, что борется за свою публику, которая в любой момент может отвернуться от него. Врубель уже не стремился к победе, он лишь желал, чтобы поражение не оказалось слишком сокрушительным.

Но, несмотря на прекрасные удары, он был бессилен — словно змея, у которой вырвали жало.

Каждый раз, когда Врубель получал преимущество в гейме, соперник начинал укорачивать удары. И в этих укороченных ударах, выполненных с невероятным мастерством, оказывался непобедим.

С этими ударами ничего нельзя было поде-

лать!

И слабость Врубеля становилась почти смешной.

Однако же никто не смеялся. Сет завершился в мертвой тишине. Лишь когда судья объявил результат: «Шесть — ноль!» — рев и овации сотрясли воздух. Публика бесновалась.

Врубель слушал, опираясь на ракетку. Когда-то и его так приветствовали.

Во втором сете игру то и дело прерывали аплодисменты. Толпа обрела нового фаворита! И какого! Лещук стал сенсацией, надеждой, славой, восторгом, мечтой! Зрители смотрели только на него! Восхищались поражением Врубеля.

А тот защищался как мог, до самого конца. Он честно проиграл во всех трех сетах: шесть — ноль, шесть — ноль, шесть — ноль.

После окончания матча Врубель подошел к Лещуку и протянул ему руку.

Но толпа буквально вырвала победителя у Врубеля из-под носа и подбросила вверх. Бывший чемпион покинул корт; никто его не остановил.

Потом Лещука окружили другие игроки.

— Черт возьми, черт возьми! — повторял Ратфинский. — Черт побери, господа, черт побери! Да чтоб мне провалиться!

— Кубок Дэвиса наш!

— И это он проиграл Клоновичу!

— Величайший день польского спорта!

— Вы нас обманули, — сказал Ратфинский Майе, которая совершенно забыла о своей ноге. — Ну и ладно! Так нам и надо!

Лещук вырвался из толпы и подошел к ней.

— Пойдем! — сказал он без тени радости.

Через час они шли по тенистой аллее Константцина.

Они приближались к вилле, снятой Малиняком. Это было большое двухэтажное деревянное здание, очень симпатичное, немного напоминающее усадьбу с садом.

— Здесь мы попрощаемся, — сказала она, не доходя до виллы.

Почти всю дорогу они молчали…

— Как мы поступим? — спросил Лещук, указывая на виллу.

— Еще есть время, — нервно сказала Майя, безумно уставшая от этого ужасного, несправедливого матча…

Но Лещук возразил:

— Не стоит откладывать. Лучше уж сразу со всем покончить.

— Вот его окно, — сказала девушка. — Моя

комната рядом, но сложность в том, что из нее нет другого выхода, кроме как через комнату Малиняка. Я могла бы и сама достать портмоне, но тогда мне пришлось бы либо провести остаток ночи на улице, либо вернуться к себе через его комнату, — а в этом случае есть опасность разбудить старика.

— И как же быть?

— Ночью я загляну к нему и посмотрю, крепко ли он спит. Если да, то на мгновение зажгу спичку в своем окне. Тогда можно будет забраться через окно в комнату, взять портмоне — оно под подушкой — и передать человеку, который станет ждать в машине у входа в парк. Все вместе не должно занять больше двух часов. Портмоне мне вернут через мое окно. Если что-то пойдет не так, например, если Малиняк проснется и обнаружит пропажу, я зажгу в своей комнате свет и наполовину опущу шторы.

— Договорились! Прямо сегодня все и сделаем.

— Сегодня?

— Сегодня! Сразу. Но мне нужно знать расположение комнат.

Лещук дал ей карандаш. Майя нарисовала на бумажке план и отдала ему.

В последний момент, когда они прощались,

девушка хотела все отменить, сказать, что не надо им в этом участвовать, — но у нее не хватило сил.

Во время давешнего матча Лещук полностью раскрылся перед ней. Майе стало все равно. Так надо ли рисковать и дразнить председательшу, если, продолжая общаться с этим парнем, она, Майя, через месяц или два, возможно, совершит поступки значительно хуже сегодняшнего?

Лещук не стал возвращаться в Варшаву — снял комнату в пансионе неподалеку. Войдя к себе, юноша тут же бросился на кровать. Он устал, но никак не мог заснуть. О своей победе над Врубелем Лещук вообще не думал. Теннис перестал его интересовать. Что случилось, то случилось. Назад дороги нет. А ведь он мог победить честно! Сейчас Лещук понимал, что имел бы преимущество, даже не прибегнув к обману. Результат был бы менее впечатляющим, но зато настоящим.

Что поделать. Это уже произошло…

Теперь ему всегда придется фальшивить в игре, потому что публика всегда будет ждать от него сокрушительных побед.

Что же касается Майи, тут тоже ничего не попишешь. Видно, так им суждено; видно, их с панной Охоловской могут связывать только узы

подобного рода.

Ну и ладно. От Майи он уже ни за что не уйдет. Будь что будет; раз уж он слукавил на корте, то теперь тем более все равно. Лишь бы поскорее со всем покончить…

Он нервничал и не хотел, чтобы Майя это заметила.

Небо было пасмурным, аллея перед виллой, густо обсаженная деревьями, казалась почти черной. Лещук стоял среди деревьев и ждал, пока Майя подаст знак. Калитка была приоткрыта, к окну Малиняка подобраться будет нетрудно, тем более что возле него тоже росли деревья и повсюду лежали густые тени.

Лещук ожидал сигнала, той самой зажженной спички. Юноша все сильнее волновался. Будь дело только в этой краже, он, конечно, боялся бы, но не так сильно или, во всяком случае, по-другому. Однако здесь, кроме очевидной опасности, присутствовало еще что-то, в чем он не мог до конца разобраться.

Нет, Майя точно ненормальная. Это противоестественно, чтобы девушка ее круга занималась подобными вещами: общалась с ним… сбежала из дому… Лещук подумал, что в их знакомстве с самого начала присутствовало нечто извра-

щенное.

А эти общие сны…

А эти губы…

А это сходство…

Он бы в тысячу раз меньше боялся истории с портмоне, если бы она не была связана с Майей. А вдруг она сумасшедшая? Может, и впрямь больная?

Наконец в окне Майи мелькнул слабый свет зажженной спички — и тут же погас. Знак, что Малиняк спит.

Лещук подождал еще минут десять, осмотрелся, не идет ли кто, и тихо шагнул в приоткрытую калитку. Было, вероятно, около часа ночи.

Он просунул голову в окно комнаты Малиняка и прислушался. Стояла мертвая тишина…

Более не раздумывая, юноша залез внутрь. Замер, готовый в любой момент сбежать, если хоть что-то шелохнется. Но ничего не происходило. Лещука поразило, что он не слышит дыхания старика. Что-то здесь не так. Неужели Малиняк не спит?

Лещук шагнул вперед и снова остановился. Эта тишина…

Но отступать было уже поздно. Он стоял в двух шагах от кровати и едва различал голову старика.

Голова была словно приклеена к стене. Малиняк не спал. Он смотрел на Лещука широко раскрытыми, почти вытаращенными глазами. Так, по крайней мере, казалось. Но что было ужаснее всего — эта голова выглядела совершенно, абсолютно неподвижной!

Юноша резко отпрянул и задел лампу — та с грохотом упала. Голова Малиняка осталась недвижима: старик по-прежнему смотрел, выкатив глаза, а его губы… губы были сизыми, почти черными.

Лещук бросился к Малиняку, схватил его за плечи. Голова бессильно упала набок…

Старик умирал…

В полной тишине, почти не дыша, с выпученными глазами. Только пальцы его сжимались и разжимались… На шее был затянут крепкий шнурок-удавка. Конец этого шнурка свисал с кровати.

Кто-то задушил Малиняка этой удавкой как раз в тот момент, когда Лещук пробирался в комнату. Но кто? Ведь здесь никого не было. А может, кто-то прятался под кроватью?

Лещук заглянул туда. Никого. Никого. В комнате никого не было… Кто же затянул шнурок?! Кто задушил старика?!

Волосы у юноши встали дыбом. Он бросился к окну, перепрыгнул через подоконник и пустился бегом по аллее.

Это Майя задушила Малиняка!

Кто же еще? Ведь никто, кроме нее, не мог попасть в его комнату. Через окно никто бы не влез — он бы увидел.

Только Майя! Это Майя подкралась, накинула петлю, потянула — а услышав, как он забирается в окно, убежала. Все остальное — иллюзии! А это голые факты — во всей их очевидности. Но зачем? С какой целью? И почему именно в этот момент?

Кто знает? Может, она сама попыталась вытащить портмоне, Малиняк проснулся, и она его задушила. Лещук не пытался вникать в причины и обстоятельства убийства. Для него было достаточно, что это сделала она.

Одержимая? Сумасшедшая? Или чудовище, совершенно аморальное существо?

И это к ней он питает такую неодолимую страсть! Это она так ему нравится! Это на нее он так похож! Вот с этой-то безумной, отвратительной девушкой его связывает нечто общее?!

Лещук, не понимая сути, тем не менее настолько глубоко ощущал свою связь с Майей, что все, что она делала, было словно сделано им самим,

словно принадлежало ему…

И хотя мысли в его голове метались, точно испуганные птицы, он сразу задал себе вопрос: а смог бы я сделать нечто подобное? Смог бы вот так задушить Малиняка?

От ответа на этот вопрос зависело все.

Ведь если бы он мог это сделать, значит и она могла… А если могла, значит сделала.

Все заставляло верить в то, что это она… Все, кроме одного: да разве способна она совершить столь безумный, чудовищный поступок? Накинуть петлю на спящего старика, затягивать удавку… Если да, то она, наверное, и правда помешанная.

Лещук внезапно остановился. Стоя неподвижно, он размышлял: а он способен? Парень изучал себя. Пытался себя почувствовать. Сумел бы он вот так? Войти, накинуть удавку, затянуть ее — жестоко, по-дикарски…

Юноша замер, размышляя…

И вдруг его словно осенило — он поспешно достал из кармана зеркальце. Губы его были сизыми, почти черными!

И одновременно Лещук ощутил, как внутри него что-то освобождается, — будто он ускользал от самого себя.

Он снова побежал. Но это не помогло — он чувствовал, что теряется, что не может собрать себя воедино. Что-то овладело им. Он хотел закричать, но не смог. Сжав рот, безмолвно, он мчался наугад через поля и знал только, что несет с собой эти сизые, злые, ужасные губы!

Глава XVII

Майя, вся в напряжении, подошла к двери, чтобы проверить, спит ли Малиняк, и зажженной спичкой подать знак Лещуку. В этот самый миг она услыхала, как в его комнате скрипнуло окно, и сразу после — скрипнула половица. Неужели Лещук уже вошел — прежде чем она зажгла спичку? Не захотел больше ждать — а может, сам, заглянув внутрь, убедился, что Малиняк спит? В любом случае это было неправильно. Майя прислушивалась.

Вдруг она услышала звон упавшей лампы, который разнесся по всему дому, и тут же — звуки чьих-то поспешных движений.

Майя бросилась к окну и еще успела увидеть Лещука, в панике выбегающего за калитку. Все стихло.

В комнате Малиняка царила тишина.

Майя минут пять простояла у дверей, прежде чем решилась их открыть. Тишина. Неподвижность — просто-таки мертвая. Что случилось? Малиняк лежал на кровати, задушенный удавкой. Рот его был полуоткрыт, губы посинели,

стали почти черными.

Лещук…

Ощутив дурноту, Майя присела на кровать. Мысли ее метались. Что делать?! Лещук! Спрятать?! Но ведь ничего не скроешь! Кто-то спустился по лестнице и тихонько постучал в дверь. Майя не открывала. Снова. Наконец начали ломиться, дергать ручку.

Она открыла.

В дверях появилась маркиза ди Мильди со свечой.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

А подойдя к кровати, вскрикнула — и через пять минут весь дом был на ногах. Камердинер, кухарка, ночной сторож. Поднялась суматоха — зажгли свет, стали звонить по телефону.

Майя оцепенела, хотела выйти во двор, перевести дух, но маркиза схватила ее за руку:

— Прошу вас не выходить, пока не прибудет полиция.

— Я буду здесь, возле дома.

— Ну уж нет! Останьтесь с нами, будьте любезны.

Майя побледнела.

— Почему?

— Я ничего не знаю! Я застала вас у дяди. Катего-

рически требую, чтобы вы никуда не отлучались до приезда полиции. Прошу ничего здесь не трогать! — обратилась она к прислуге.

Перед домом остановился автомобиль, и в сопровождении нескольких полицейских появился комиссар. Он потребовал, чтобы все вышли в соседнюю комнату, после чего, обеспечив сохранность следов, начал предварительный допрос.

— Кто из вас обнаружил труп? — спросил он.

— Я, — сказала Майя.

— Не вы, а я, — перебила ее маркиза. — Я, я, я!

«Светская львица» выступила вперед, бледная, с красными пятнами на лице, растрепанная, в чудовищном персидском халате, подаренном ей покойным. В довершение всех недавно пережитых несчастий у нее вскочил ячмень, и левый глаз совершенно заплыл.

— Я подняла тревогу! Я желаю дать показания!

— Говорите, пожалуйста, — сказал комиссар, видя, что так просто от этой истерички не отделаться.

— Господин комиссар! — начала госпожа ди Мильди. — Это самое загадочное преступление, о каком я когда-либо читала!

Комиссар не смог сдержать улыбки.

— Вижу, вы любите читать о преступлениях, —

заметил он.

— Нет-нет, я не это хотела сказать! Я так потрясена! Господин комиссар, это загадка! Ночью у меня болела голова, я не могла уснуть, сошла вниз, чтобы попросить у дяди порошок. Дверь в его комнату была заперта на ключ. Я постучала — никто не ответил. Я начала дергать дверь, и тогда мне открыла эта дама, и я сразу увидела, что дядя мертв. Тело было еще теплым.

— Значит, дверь была заперта изнутри?

— Да.

— А окно? Окно было открыто?

— Закрыто.

Майя хотела вставить, что окно было открыто, но у нее недостало сил.

— Значит, только из соседней комнаты был доступ в комнату пана Малиняка?

— Да.

— А кто занимал эту комнату?

— Панна Охо…

Маркиза осеклась, широко раскрыла рот, вытаращила глаза, развела руками.

— Это невозможно! — воскликнула она. — Может, я ошибаюсь! Может, кто-то через окно… Проверьте, есть ли следы под окном.

Она с ужасом вглядывалась в Майю.

— Вы подтверждаете, что дверь в переднюю была заперта изнутри? — спросил комиссар Майю.

— Она была заперта. Но я…

— Говорите спокойно.

— Я была у себя. Когда я вошла в комнату пана Малиняка, он уже был мертв.

— А зачем вы вошли?

— Мне показалось, что кто-то лезет в его окно.

— Значит, окно было открыто?

— Открыто.

— Врет, — язвительно вставила маркиза, — врет! Окно было закрыто. Но проверьте следы под окном. Если кто-то забрался в окно, должны были остаться следы, ведь земля мягкая. Обыщите сад!

Она бросилась к телу Малиняка.

— Она убила тебя! Убила! — кричала она. — О боже! Боже! Боже! Я давно, давно знала, что все этим кончится!

— Подождем следователя, — сказал комиссар, взглянув на часы.

Маркиза опустилась на диван.

— Мне дурно, — прошептала она.

Но полицейский, стоявший на посту под окном, крикнул:

— Есть четкие следы! Кто-то убегал!

Комиссар вышел на улицу, а через мгновение

вернулся. Лицо его выражало удивление.

— Есть следы шагов от калитки к окну и обратно. Тут не может быть двух мнений! Они совсем свежие.

Маркиза моментально пришла в себя.

— Как это? Есть следы? — спросила она.

— Отчетливые. От калитки к окну.

— Этого не может быть! Окно было закрыто! Это чепуха!

Она выбежала из дома, прежде чем кто-либо успел ее остановить. Но даже отчетливые следы на земле ее не убедили.

— Этого не может быть! — истерично кричала она. — Исключено! Я вам говорю, что окно было закрыто! Дядя всегда закрывал окно на ночь. Это какое-то совпадение! Может, вчера здесь кто-то ходил! Проверьте!

Приехал следователь и еще раз все изучил.

— Это не подлежит сомнению. Кто-то влез в окно, — постановил он. — Вот, на полу тоже есть следы ног.

Тут маркиза умолкла. Смерть Малиняка являлась для нее ужасной катастрофой, ибо она знала, что покойный ничего ей не оставил. К тому же получалось, что Майя, казалось бы уже поверженная окончательно и бесповоротно, снова

выйдет сухой из воды!

С заплывшим глазом, в узорчатом желто-зеленом халате, маркиза впала в какое-то оцепенение и лишь время от времени криво усмехалась.

Следователь же внимательно оглядел подушку под головой Малиняка и тихо произнес:

— Посмотрите! Очень странно! Видите, голова вдавлена в щель между подушкой и стеной. Как будто убийца прятался под кроватью и оттуда тянул за удавку.

— Чушь! — ответил комиссар и тут же добавил: — До чего странное убийство! Где это видано — душить удавкой? Может, он сам?..

— Нет! Его явно задушили.

— Из-под кровати?

Губы трупа почти совсем почернели. Оба отвернулись, чтобы не видеть этого. Комиссар заглянул под кровать и вытащил оттуда носовой платок, упавший с кровати на пол.

— А может, этот платок его задушил? — с иронией спросил он. — Только он и был под кроватью!

Майю отпустили, подробно допросив. Но, когда она вышла из дома, ноги у нее подкосились. Девушка была совершенно измучена, почти в полуобморочном состоянии.

Лещук? Что сталось с Лещуком? Как он мог это

сделать? — вот единственная мысль, которая билась в ее мозгу.

Зачем? Почему? Как? Ах, значит, он — чудовище! А она, которая ему помогла? Предоставила возможность? Они вместе, вместе…

Увидеться с ним? Нет, нельзя! И все же он сделал это! Сделал!

…Лещука она в пансионе не застала. Ей сказали, что он не появлялся там с вечера.

Майя поехала в Варшаву. Там она его тоже не нашла. Два дня девушка провела в безуспешных поисках, даже в клубе осторожно справлялась.

В спортивных кругах царило смятение. Готовился большой официальный матч с участием Лещука, а свежеиспеченный чемпион пропал, не оставив адреса.

К счастью, никому не пришло в голову связать исчезновение выдающегося теннисиста с убийством в Констанцине. Да и кто бы заподозрил юношу, стоящего на пороге блистательной карьеры?

— Что же с ним случилось?

Для Майи найти Лещука, понять, как он мог это сделать, встретиться с ним было вопросом жизни и смерти. Она ощущала себя на грани помешательства. Ах, только бы увидеть его, понять

и хотя бы что-то узнать!..

В состоянии полной прострации девушка ехала в трамвае, когда к ней внезапно обратился сидевший напротив господин:

— Прошу прощения, но вы сознаете, что делаете?

Удивленная, Майя подняла голову и увидела серьезного седовласого господина лет пятидесяти, с необычайно умным лицом.

— А что я делаю?

— Если вы не перестанете, то вконец изорвете свой рукав.

Майя увидела, что ее рукав ведь изодран. Нервничая, она бездумно терзала его. Пожилой господин улыбнулся и приподнял шляпу.

— Моя фамилия Хинч, — сказал он.

Майя вздрогнула. Так звали знаменитого варшавского ясновидящего, который не раз поражал публику своими необычными способностями. Читал письма в нераспечатанных конвертах. Находил пропавших людей и исчезнувшие предметы.

Не раз ему случалось верно предсказать грядущие события, хотя, справедливости ради, надо все же добавить, что многие из его предсказаний не сбывались. Однако Хинч не был шарлатаном, а

действительно обладал каким-то таинственным даром, недоступным прочим смертным.

Кроме того, это был человек, обладавший огромными познаниями, ученый, чьи работы в области телепатии получили широкую известность за границей.

— Да, я именно тот Хинч, о котором вы слышали, — шутливо ответил он на вопросительный взгляд девушки. А Майя тут же подумала, что он мог бы помочь ей найти Лещука. Только не знала, с чего начать.

— Смелее, — подбодрил ее Хинч, все так же добродушно улыбаясь.

— Вижу, что вы и в самом деле читаете мысли.

— О нет, просто долгий опыт позволяет мне чувствовать, когда человек нуждается в моей помощи. Скажу откровенно, я заговорил с вами именно потому, что мне показалось, будто вам требуется помощь.

— Вы не ошиблись, — прошептала Майя. — Я ищу одного человека.

— Это моя остановка, — сказал Хинч. — Если хотите, можем обсудить ваше дело. У меня как раз есть полчаса свободного времени. Посмотрим, что можно предпринять.

Девушка с благодарностью приняла его предло-

жение. Они вышли из трамвая и сели за столик в маленьком кафе на улице Новый Свят.

Майя уже собралась было заговорить, но вдруг испугалась. В ее положении доверяться ясновидящему небезопасно. С другой стороны, кто, как не он, способен ей помочь?

И Майя решилась.

— Я ищу одного человека, — неуверенно повторила она.

— Кого?

— Не важно.

— Хорошо, — согласился Хинч. — Не говорите. Мне достаточно какой-нибудь вещи, принадлежащей этому человеку, предмета, к которому он прикасался. Есть у вас такой?

Майя вспомнила, что в сумочке у нее лежит карандаш Лещука. Отдать? Или не надо? Если отдать, Хинч может разгадать все их тайны!

Но ясновидящий, который вдруг сделался одновременно серьезен и как-то беспокоен, взял Майю за руку.

— Со мной можно говорить откровенно, — сказал он. — Советую вам поступить именно так.

— Почему?

— Потому что я могу оказаться вам полезен. Я не беру гонораров, и мой интерес имеет другие

причины. Вы для меня — первоклассный объект. Я обратил на вас внимание еще в трамвае.

В глазах Хинча светилась страсть исследователя.

Майя протянула ему карандаш, который Лещук одолжил ей несколько дней назад, чтобы она начертила план виллы Малиняка. Хинч внимательно его осмотрел.

— Здесь есть следы зубов, — сказал он.

— Да, владелец часто грыз его. У него такая привычка.

— Тем лучше.

Хинч зажал карандаш в ладони и закрыл глаза. Вдруг рука его задрожала, а сам он тяжело задышал.

— Пойдемте отсюда, — резко сказал он. — Здесь я не могу сосредоточиться. Едем ко мне! Немедленно!

Он подозвал такси.

— Вы что-то… почувствовали?

— Это самый странный карандаш, с каким мне когда-либо приходилось иметь дело! — вполголоса ответил Хинч, внимательно глядя на девушку.

Майе стало не по себе. Уже столько времени вокруг нее происходят такие поразительные и страшные вещи… А вдруг этот Хинч все-таки

шарлатан или, зная, что она замешана в деле Малиняка, хочет таким образом что-то выведать?

Тем временем ясновидящий, усевшись в кресло у письменного стола и держа карандаш в руке, говорил:

— Я вижу его. Молодой парень, лет двадцати, русые волосы, светлая шляпа. Идет…

— Где?

— Сейчас. Не перебивайте, пожалуйста. Идет по шоссе, направление не вижу. Ага, километровый столб. Сто пятьдесят семь. Он на сто пятьдесят седьмом километре. Он устал, но…

— Что?

Хинч сосредоточился.

— Нет-нет! Он не идет, а пишет… Что-то пишет этим карандашом на стене. Стена белая, толстая. А теперь он идет по шоссе! Что это значит? Ему угрожает опасность.

— Опасность?

— Этот человек в опасности… большой. Нужно поскорее спасти его! Он хочет что-то сделать… И он то ли сумасшедший, то ли… Что-то вокруг него или в нем самом… Ага! Он снова что-то пишет на стене. Я не понимаю. И больше ничего не вижу.

Хинч выпустил из рук карандаш и посмотрел на Майю.

— Мы должны его спасти, — прошептал он. — Я ничего не понимаю. Я вижу одновременно двух человек — того, кто идет, и того, кто пишет. Такого со мной еще не случалось. Но обоим грозит ужасная опасность.

— Почему?

— Видите ли, точно я не могу сказать. Но мне еще никогда не приходилось иметь дело с предметом столь дурным, как этот карандаш. Это худшая вещь, какую я когда-либо держал в руках. А ведь она принадлежала этому человеку. И потом, когда я видел его на шоссе, я чувствовал, что в нем зарождается ярость. Может, это безумие? Но что самое странное, внешне человек кажется совершенно нормальным.

— Вы верите, что есть предметы злые и добрые? — спросила Майя, глядя на карандаш. Мысли ее путались.

— В этом мире еще много тайн, совершенно недоступных человеческому разуму, — ответил Хинч. — И я со своими… особенностями… способностями… постоянно сталкиваюсь с подобными загадками. Но чем больше встречается тайн, тем более очевидным и ясным становится одно: важен нравственный закон, то есть самые простые наказы совести. Мы многого не знаем, зато ощу-

щаем сразу и наверняка, что хорошо, а что дурно. Может, мои слова вас удивят, но я — человек глубоко верующий.

Тон его изменился.

— Мы не можем бросить этого парня! С ним случится что-то плохое. Нужно немедленно его найти. Но как?

— Сто пятьдесят седьмой километр? — спросила Майя.

— Да. Я отчетливо видел столб.

Куда мог идти Лещук? Почему он пошел пешком, а не поехал на поезде? Что это за шоссе?

Может, Хинч ошибается, бредит?

Майя вспомнила, что дорога из Полыки соединяется с Люблинским шоссе на сто шестьдесят втором километре.

— Опишите, пожалуйста, что это был за пейзаж.

Все совпадало. Равнина, редкий лес, разливы.

— Кажется, я догадываюсь, где это может быть. Я знаю эти места.

Майя кратко объяснила ясновидящему местоположение Полыки. Хинч заглянул в железнодорожное расписание.

— Через два часа будет экспресс. Нельзя терять ни минуты. Соберите самое необходимое. Встре-

тимся на вокзале.

— Вы едете со мной?

— Разумеется.

В поезде Майя рассказала Хинчу всю историю своего знакомства с Лещуком — в мельчайших подробностях. Она была совершенно откровенна. Даже не утаила, что это он убил Малиняка. Девушка была уже слишком измучена, чтобы скрывать что-либо.

Впрочем, Хинч внушал Майе полное доверие. Она рассказала ему о снах, об ужасных сизых губах и о том, каким роковым образом они с Лещуком воздействуют друг на друга.

— Если он убил, то и я могла бы убить, — лихорадочно говорила девушка, — у нас одинаковая натура! Я это знаю! Если он такой, то и я такая… И я тоже!

Хинч сосредоточился. Казалось, его мудрый, изучающий взгляд проникает Майе в самое сердце.

— Это одна из самых странных историй, какие я слышал, — прошептал он. — Но не теряйте надежды. Ведь не исключено, что ваш случай на деле окажется чрезвычайно простым и психологически объяснимым. Если Лещук и впрямь так похож на вас, то ясно, почему вы дурно влияете

друг на друга. Вы невероятно жизнеспособны, энергичны, даже агрессивны. И если такой человек, как вы, встречает родственную натуру, то природная, неистовая энергия умножается: он подталкивает вас, вы — его, и так до бесконечности. Подобная энергия сама по себе — бесценное сокровище. Но если не направить ее на добрые дела, она превращается в разрушительную стихию. Вероятно, так в данном случае и произошло, — продолжал Хинч, — поскольку с первой же минуты вы утратили доверие и уважение друг к другу. Да, все было бы ясно, если бы только…

— Если бы что?

— Если бы только сюда не примешивался ряд других факторов… Эти губы. Сны. Карандаш. Все это явления совершенно иного порядка. Сказать вам честно? У меня впечатление, что он одержим дьяволом.

— Вы верите, что такое возможно?

— Я верю, что человек может создать в себе условия, при которых злу будет легче проникнуть внутрь. Такой человек притягивает к себе зло, как магнит. А в мире полно людей и мест, пропитанных злом. Берегите себя, а главное, не теряйте надежды.

Майе казалось, что она видит сон. Это просто не

могло быть правдой. Попахивало чем-то средневековым, колдовским. Но с ней говорил человек совершенно современный.

Значит, Лещук одержим дьяволом? То есть он убил, находясь в состоянии помрачения?

Это вселяло в нее надежду. Но одновременно и ужас.

Мысль, что Лещук где-то бродит в таком состоянии — ничего не понимающий, не способный себя защитить, — причиняла чудовищную боль.

— Спасите его, — прошептала Майя.

Они уже подъезжали к станции. Сумерки окутывали городок — был вечер, семь часов.

Майя без труда раздобыла нужные сведения. Некто очень похожий на Лещука приехал утренним поездом и пошел по дороге в Полыку. Предчувствия Хинча и догадки Майи оказались верны.

Они наняли экипаж и бросились в погоню. Вдали за деревьями показался замок, подножье которого окутывал туман.

Но внезапно Хинч велел кучеру остановиться.

— Мы совершаем ошибку! Ведь я видел его на шоссе. Едем туда — там исходная точка наших поисков.

Они отправились на шоссе, на сто пятьдесят седьмой километр. Хинч огляделся:

— Да, именно это я и видел. Он шагал в ту сторону.

Долгое время они ехали молча. Вдруг Хинч снова велел остановиться и подошел к маленькому фруктовому деревцу, растущему у дороги. Ясновидящий внимательно изучил его.

На первый взгляд оно ничем не отличалось от других. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что деревце буквально истерзано ножом. Кое-где срезана кора. Некоторые ветки подсечены и едва держатся.

Хинч внимательнейшим образом разглядывал эти раны.

— Едем же! — нетерпеливо крикнула Майя. — Это обычные проделки деревенских озорников!

— Разве вы не видите, что деревце изувечено особым образом? Озорник, если бы захотел, просто обрезал ветки. А эти отсечены не до конца. За этим стоит не шалость, а злоба. Это сделано с изощренной злобой.

— Вы думаете, что Лещук…

— Очень возможно.

Майю пробрала дрожь. Зачем он истязал это деревце? Сошел с ума? Впрочем, она и сама была близка к безумию.

— Едем же, едем!

Вскоре им повстречалось несколько рабочих, возвращавшихся после смены.

— Точно! Мы видели молодого господина часа три назад, он шел в сторону Копшивы…

Так назывался городок неподалеку.

— Выходит, он бродил по округе. Вероятно, к вечеру вернулся в Копшиву. Может, мы застанем его в гостинице.

Они было тронулись в путь, но тут их окликнул один из рабочих.

— Этот человек, должно быть, сумасшедший, — сказал он.

— Почему вы так решили?

— Он подошел ко мне, спросил, который час. Я ему сказал, а он мне на ногу наступил, чуть не сломал.

— Может, случайно? — спросил Хинч.

— Какое там! Ладно бы подошвой наступил, так нет, он мне каблуком по пальцам вдарил. Специально ногу вывернул и каблуком придавил.

— Обезумел! — прошептала Майя.

— Хуже, — возразил ясновидящий. — Разве вы не видите, что все это *чрезмерное* зло? Лучше бы он избил этого человека, чем наступил ему на ногу каблуком. Этот каблук как раз и делает его поступок выходящим за пределы нормального

поведения.

— Зачем же мы его ищем?! — воскликнула девушка. — Нам все равно придется отдать его в руки полиции!

— Спокойно, спокойно. А может, это не он убил Малиняка? Да и невменяемость его совершенно очевидна.

Хинч утешал Майю, но та была в отчаянии.

Несмотря ни на что, она не могла поверить, что Лещук одержим дьяволом. Это звучало слишком фантастично.

Девушка была убеждена, что он помешался. А если нет, то, значит, стал убийцей.

Они вернулись в Копшиву около полуночи и направились прямиком в «Польский отель» — единственную здешнюю гостиницу.

Он представлял собой маленький двухэтажный деревянный домик с несколькими гостевыми комнатами. На первом этаже располагался ресторан. Управлял им дородный господин Котляк, который, увидав панну Охоловскую, низко поклонился.

— Да-да. Недавно прибыл такой господин, снял комнату и сейчас, наверное, спит, потому что свет у него погашен.

Майя и Хинч коротко посовещались. Трудно

было предугадать, как Лещук себя поведет при встрече с ними. Можно было ожидать чего угодно. Хинч решил, что разумнее подождать до утра и не будить его среди ночи, а потому снял комнаты для себя и Майи и заказал ужин.

Они ели мясо, когда вдруг появился Лещук и уселся за столик у окна.

К счастью, Хинча и Майю загораживала от него веселая подвыпившая компания.

Девушка, затаив дыхание, смотрела на изможденное лицо Лещука.

Безумен ли он? Юноша вел себя нормально. Тихим, робким голосом заказал бифштекс, казался смущенным и бесконечно печальным — Майя даже прослезилась. Сердце ее сжалось, она хотела подойти к молодому человеку, но Хинч решительным жестом остановил ее. Он считал, что им нужно еще понаблюдать. Они услышали, как Лещук расспрашивает о дороге в Полыку.

— Я хотел пойти туда сегодня, но заблудился в лесу и оказался на шоссе, — говорил он.

— Так это и есть тот самый парень? — прошептал Хинч, не сводя глаз с Лещука.

— Вы, уважаемый, верно, к пани Охоловской? — допытывался назойливый ресторатор.

— Да нет, я так, погулять… в лес.

— В лес? Никак древесиной интересуетесь?

— Не-е-ет, у меня другое дело.

Лещук начал есть, но спустя мгновение отодвинул от себя тарелку. Его внимание привлек некий предмет, лежавший на подоконнике. Это была липучка для мух. На бумаге, покрытой клеем, боролись со смертью десятки мух, из последних сил вытаскивая лапку, в то время как остальные прилипали еще крепче. Бумага полнилась чудовищными усилиями маленьких существ, умиравших от истощения.

— Уберите это отсюда, — торопливо проговорил Лещук.

— Липучку? Куда ж я ее уберу? — удивился пан Котляк.

— Все равно! Только чтобы ее не было рядом со мной! Быстрее!

Ресторатор удивленно посмотрел на него, но перенес липучку на соседнее окно.

И тут произошло нечто странное. Лещук вдруг встал и принялся пальцем добивать мух — одну за другой.

Посетители тоже встали и с удивлением наблюдали за этим действом, а хозяин спросил:

— Вы что же это, мух убиваете, уважаемый?

— Чтобы не мучились, — произнес Лещук ка-

ким-то сдавленным, не своим голосом.

Говоря это, он все ускорял движения, убивал быстрее и быстрее… Выглядело это настолько дико, что в конце концов один из посетителей сказал:

— Ну хватит уже!

И тут Лещук, на губах у которого выступила пена, набросился на него…

Обретя вдруг невероятную силу, он обеими руками схватил перепуганного мужчину за голову, закинул себе на спину и заметался со своей ношей по ресторану.

Люди бросились на помощь несчастному.

Майю и Хинча оттеснили в угол. По полу катался клубок тел. С грохотом и звоном рухнул буфет со стеклянными дверцами. Внезапно изнутри этого клубка раздался пронзительный, испуганный вопль:

— Боже мой! Боже мой!

Лещук высвободился, навалился всем телом на окно, выбил стекло и оказался снаружи.

Но прежде чем убежать, он на мгновение остановился. Оглянулся — и убил еще одну муху.

После чего скрылся.

Посетители высыпали следом.

— Держи его! Лови!

Городок проснулся. Открывались окна и двери, в них появлялись испуганные жители. Погоня неслась по улочкам, как зловещий призрак.

Хинч, не поспевавший за Майей, схватил рвавшуюся вперед девушку за руку и не отпускал. Они бежали последними.

— Его же убьют! — шептала Майя, как в бреду.

Издалека донесся еще один вопль. Преследователи окружили хату на окраине. Вооруженные дубинами, косами и вилами, они полезли через забор.

— Вот где этот гад прячется! — кричали они. — На чердаке!

— За ухо меня схватил! — выл хозяин халупы.

— Он мух убивал! Бей его! Бей!

— Надобно дом поджечь!

Избей их Лещук вдвое сильнее — они и то не были бы так разъярены. Но именно такие мелкие, но дикие поступки — схватить за ухо, убить муху — довели их до бешенства. Это было подло! Бей! Бей!

Майя подошла к ним:

— Люди, вы с ума посходили, что ли? Да ведь он вон куда удрал — через сарай.

— Куда?!

Многие узнали панну Охоловскую из Полыки.

Некоторые стали снимать шапки, но тут же раздались возражения:

— Ничего он не убежал! Здесь он! Сюда забежал и по лестнице полез на чердак.

— А я вам говорю, что он помчался вон туда!

Хинч, воспользовавшись суматохой, незаметно пробрался во двор, вывел из конюшни коня, привязал к его хвосту охапку соломы и поджег. Конь встал на дыбы и поскакал в поле.

— Убегает! — закричали люди, услышав топот. — Коня увел!

Все бросились к задней части дома.

Тем временем Лещук разодрал кровлю, выбрался на крышу и молниеносно спустился на землю.

На мгновение Майя увидела его — юноша стоял, ничего не соображая, с диким взглядом, дрожащий, потерянный. Она хотела крикнуть, но в этот момент Лещук кинулся на другую сторону улицы, к хозяйственным постройкам. Там виднелся глубокий и узкий круглый колодец с высоким журавлем. Юноша, не раздумывая, запрыгнул в бадью и поехал вниз.

Мужики возвращались с криками:

— Да никуда он не убежал! Коня только поджег! Ищите его! Он здесь! На чердаке засел!

Толпа снова окружила дом. Майя и Хинч в

тревоге ждали, что мужики заметят опущенный журавль, — ведь еще недавно бадья болталась высоко в воздухе. Несколько человек стояли возле колодца, опираясь на сруб… Им достаточно было глянуть вниз, чтобы обнаружить Лещука. Разве что он ушел с головой на дно. Если бадья зачерпнула воды, ему конец.

Но лезть на чердак мужики все ж таки боялись. Стояли, подталкивая друг друга.

— Эй! — крикнул пан Котляк какому-то парню. — Двустволку неси! У меня за шкафом! Живо!

Майя со всех ног бросилась к гостинице, вбежала в опустевший ресторан, достала из-за шкафа двустволку. Она была заряжена. Майя, не раздумывая, выстрелила в воздух из обоих стволов, а потом отшвырнула ружье и убежала.

Появились мужики, встревоженные стрельбой.

Хинч догнал Майю:

— Это вы стреляли?

— Я, я. Скорей к колодцу!

Еще издалека она увидела, что журавль вернулся в прежнее положение. Лещуку удалось скрыться. И что теперь? Где его искать? На какие еще ужасные поступки он способен? Майя с

Хинчем озирались по сторонам, но парня и след простыл.

— Он сошел с ума! — сказала Майя в отчаянии. — Рехнулся! Смерть была бы для него самым лучшим исходом!

И еще эта страшная мысль, что он помешался из-за нее, что это она довела его до сумасшествия!..

Но Хинч был другого мнения.

— Нет! — настаивал он. — Это что-то другое! В его поступках есть какой-то избыток зла. Безумец избил бы людей, но не стал бы убивать мух! И особенно ту, последнюю. Чтобы после такой драки, еле вырвавшись, еще остановиться и раздавить муху, — ну нет, это не просто безумие! И вы вспомните, как все развивалось… Ведь сперва он давил этих мух из жалости, не в силах вынести их мучений, — и только в процессе убийства его охватило бешенство. Убийство последней мухи было уже чисто дьявольским поступком. Но этот парень не выглядит одержимым! Умоляю вас, гоните прочь сомнения! Доверьтесь мне! Мы его спасем!

После нескольких часов бесплодных поисков Майя с Хинчем вернулись в гостиницу. Около семи утра в дверь постучал пан Котляк — мол, один

человек хочет поговорить с панной Охоловской по срочному делу. Майя, которая всю ночь глаз не смогла сомкнуть, сразу согласилась. Ей поклонился мужчина лет сорока, крепкий, жилистый.

— Мне бы наедине, — сказал он.

— В чем дело? — спросила девушка, когда они вышли во двор.

— Я хотел сказать, что тот господин, что вчера дрался, — он у меня.

— У вас? Это где же? — спросила Майя, скрывая волнение.

— В моей хате. У меня есть клочок земли в пяти километрах отсюда, под лесом, в Занивче. Тот господин сейчас спит, и я велел жене сторожить его.

— Кто вас ко мне направил?

Мужик хитро улыбнулся:

— Полыка-то рядышком, видал я вас, барышня, вместе с этим господином, вот и знаю, что он из усадьбы.

— Я вас отблагодарю.

Майя тут же позвала Хинча, и они поехали вместе с мужиком. Перед дорогой ясновидящий заставил девушку выпить стакан теплого молока.

Великолепное утро золотило стерню. Поля бы-

ли объяты покоем.

Хинч расспрашивал мужика.

— Да хранит его рука Божья! Кабы не я, ему бы конец! — проговорил тот.

— Как это?

— Я утром за хворостом в полыкский лес отправился. Иду по просеке, а там что-то чернеется в зарослях…

Майя дрожала.

— Думаю — кабан, что ли? Подошел поближе, а это тот господин ремень из штанов вытащил да на ветку накидывает. Я сразу смекнул, что он задумал, но только кашлянул, как он сразу замер. Минуты две прошло, он ждет, ну и я жду: я жду, и он ждет. А потом смотрю, на меня пошел…

Тут мужик осекся. Он казался довольно толковым, и лицо у него было смышленое, однако же ему никак не удавалось подобрать точное слово.

— В общем… наступать на меня начал. И потом шел за мной до самого дома и все время… наступал. Аж моя баба его от меня отгонять стала. Ни на кого не… не наступал, только на меня одного. О, а вон и моя хата, — указал мужик на маленький хутор, располагавшийся на выселках, у самого леса.

— Вы нам поможете, — сказал Хинч. — Если он

не захочет идти с нами, нам придется его связать и отвезти в Полыку. Нет-нет, погодите. Не торопитесь. Сперва мы подкрадемся тихонько к забору, а вы его выведите во двор — хочу посмотреть, как это он «наступает».

— Зачем? — заволновалась Майя. — Опять ведь сбежит.

Но Хинч не разделял ее опасений. Из слов мужика он понял, что Лещук совершенно измотан. Зато ему казалось чрезвычайно важным точно понять характер его безумия.

— Очень любопытно, что мужчина не смог описать это «наступание». Это, вероятно, снова что-то выходящее за пределы нормы. Помните, трудности только начинаются. Пока у нас не будет ключа к его болезни, мы не сможем ее обуздать.

И поведение Лещука полностью подтвердило его предположения.

Мужчина, как и обещал, вывел юношу из дома и несколько раз обошел с ним двор. Своим теперешним состоянием Лещук разжалобил бы даже самое черствое сердце. Он шатался, избитый и обессилевший, и прежняя печальная кротость, какая-то безнадежность вконец потерявшегося человека читались во всей его фигуре, в каждом его движении.

Крестьянин был прав, Лещук и в самом деле «наступал». Выглядело это так, будто юноша хочет что-то сказать, установить с другим человеком какой-то контакт, но отчего-то не может. Он приближался к хуторянину вплотную, жался к нему, шел следом, словно его притягивал таинственный и мощный магнит.

Казалось, он действует не вполне осознанно, но проявлялось это только по отношению к крестьянину. На его жену, которая недовольно наблюдала за маневрами Лещука, юноша не обращал никакого внимания.

Мужчина развеселился — все посматривал на забор, за которым стояли Хинч с Майей, и строил им забавные рожи.

— Не надо его связывать, — сказал он, вернувшись к ним. — Что-то ему во мне приглянулось — пойдет за мной, как собака.

Решили, что Майя отправится в Полыку первой и подготовит все к приезду Лещука. Прежде всего нужно было скрыть его возвращение от гостей пансиона.

Хинч, кроме того, опасался, что, увидев девушку, Лещук может испытать слишком сильный шок. Он надеялся, что с помощью хуторянина удастся доставить его в Полыку без особых хло-

пот.

Майя отправилась верхом, без седла, напрямик через лес. Вскоре к боковым воротам усадьбы подъехала телега. С нее сняли Лещука и перенесли в одну из комнат наверху. Идти сам он уже не мог, падал от усталости. Юноша почти не понимал, что с ним происходит, даже Полыку не узнал. Оказавшись в постели, он мгновенно уснул.

Глава XVIII

Появление в Полыке Майи вызвало переполох среди гостей пансиона. Особенно эта новость взволновала панну Гнетунскую и докторшу.

— Знаете, кто приехал сегодня утром? Охоловская!

— Как так? Вчера уехала, а сегодня уже обратно?

Дело в том, что, узнав из газет об убийстве Малиняка, пани Охоловская немедленно отправилась в Варшаву.

— Да не старуха — Майя! Я сама ее в окно видела!

В газетах подробно описывалась загадочная смерть Малиняка, и имя Майи в этих заметках мелькало неоднократно. Докторша была потрясена.

— А вы знаете, что она не одна приехала? Сюда еще кого-то привезли! Внесли наверх! Я через дверь слышала.

— Марыся мне говорила, что вчера в Копшиве была какая-то драка.

Возбуждение обеих дам достигло предела, когда

служанка Марыся по большому секрету сообщила им, что привезли Лещука — и устроили в одной из верхних комнат. С этого момента Гнетунская с докторшей постоянно торчали в столовой или на веранде.

Но ничего не происходило. Майя не появлялась. Дом погрузился в блаженную послеобеденную тишину.

Шторы в комнате на втором этаже были опущены. Лещук спал. Ближе к вечеру появился врач. Хинч долго и обстоятельно с ним беседовал.

— Организм в порядке. Раны поверхностные. Симптомы, о которых вы говорите, могут иметь нервную природу. Я бы советовал вызвать психиатра.

Но Хинч был другого мнения. Он подозревал, что пострадали не нервы больного, а его дух. Ясновидящий попросил доктора дать Майе снотворное и сам тоже принял какую-то успокоительную микстуру. Прежде всего им обоим следовало восстановить силы.

Итак, в Полыке царила тишина — до полудня следующего дня. Наконец Лещук пришел в себя.

— Где я? — прошептал он, протирая глаза.

— Не двигайтесь, — сказал Хинч, который все еще не подпускал к нему Майю. — Вы больны.

— Но где я?

— В Полыке.

Внезапно Лещук явно все вспомнил, потому что резко сел на кровати.

— Что я натворил? Кто вы? Ах да, меня хотели избить… А я?.. Что я?..

Он снова почувствовал слабость и прикрыл глаза. Но через мгновение заговорил:

— Вы доктор?

— Нет.

— Скажите мне правду. Я сошел с ума?

— С какой стати? — возразил Хинч. — Вчера вы вели себя немного нервно, но, должно быть, просто перевозбудились.

Он прикладывал все усилия, чтобы успокоить юношу.

Однако Лещук, припомнив события прошлой ночи, впал в мрачную апатию. Он закрыл глаза и молчал.

Хинч обстоятельно рассказал парню, как они его нашли. Утаил только, что сам он — ясновидящий. Сказал, что отвозил Майю в Полыку и что они, решив пообедать в гостинице, случайно заметили его в ресторане.

— Она здесь? — спросил Лещук.

— Хотите ее увидеть?

— Нет, — ответил он испуганно.

И добавил:

— Я уеду отсюда.

Хинч достал из кармана карандаш.

— Скажите, откуда у вас эта вещь?

Лещук не ответил. Лишь после того, как Хинч несколько раз повторил свой вопрос, неохотно пробормотал:

— Да это вообще не мой карандаш.

— Как не ваш? Взгляните. Вот следы ваших зубов.

— На карандаше? А, да. Я его нашел.

— Где вы его нашли?

— В замке. Был там однажды и… поднял его с пола в такой белой ком…

Лещук не договорил. Ему вспомнилась белая комната, которую он видел во сне.

— Похоже, та комната мне и снилась, — неохотно пробормотал он и повернулся на другой бок. — Я, пожалуй, посплю.

— Еще минутку. Этот карандаш уже был погрызен, когда вы его нашли?

— Да.

— А вы его тоже грызли?

— Не знаю. Да. У меня такая привычка.

Он замолчал и лежал, уставившись в потолок.

Хинч понял, что больше ничего не добьется.

Но его рассказ глубоко потряс Майю. Так это карандаш из замка? Лещук, вероятно, нашел его той же ночью, когда потерял перочинный нож! И с тех пор носил в кармане.

Вскоре после этого его губы стали сизыми — тогда, на прогулке в лесу. И нашел он его в белой комнате — девушка немедленно вспомнила белую комнату из своего сна. Майя и раньше догадывалась, что такая комната может быть именно в замке. Неужели за всем этим действительно стоит нечто сверхъестественное?

Она рассказала Хинчу о замке и о том ужасе, который всегда испытывала, сталкиваясь с его таинственной пустотой, словно бы живущей своей отдельной жизнью.

Да, та комната из снов точно связана с замком. Все эти открытия произвели на Майю огромное впечатление. Ей вспомнился Сколинский. Она ни за что не хотела впутывать в эти дела Холявицкого — знала, что он ненавидит Лещука. Но если профессор еще в замке, он, вероятно, сможет что-то прояснить. Хинч был полностью с ней согласен. По его мнению, этот загадочный и вызывавший такое отвращение карандаш мог оказаться ключом к разгадке. Это именно тот

вопрос, который следует выяснить прежде всего.

— Знаете что? Мы вместе нанесем визит профессору. Мне было бы любопытно взглянуть на замок. Лещука можно пока оставить на Марысю. Она девушка энергичная, а он еще слишком слаб, чтобы ей сопротивляться.

Они прошли по гати через болота, затем по подземному коридору… Майя повела ясновидящего через темные и пустые комнаты. Она надеялась, что им удастся добраться до профессора, не столкнувшись с Холявицким, — лучше бы ему как можно дольше не знать о ее возвращении в Полыку.

На втором этаже девушка остановилась.

— Подождите здесь.

Но тут из глубины анфилады комнат донеслись голоса, и они увидели луч света, падавший из приоткрытой двери. Майя хотела отступить, но Хинч удержал ее.

— Давайте-ка подойдем поближе, — сказал он. — Даже если нас заметят, ничего страшного не случится, а мне хочется узнать, что там происходит.

Майю тоже заинтересовали эти звуки, потревожившие привычную тишину, которая прежде царила в замке.

Они стали свидетелями поразительной сцены.

За столом в обшарпанном, полуразрушенном зале сидели князь, Холявицкий и профессор. Обслуживаемые Гжегожем, они вели светскую беседу — обменивались любезными фразами так, словно никакие разногласия никогда их не разделяли. На первый взгляд, ничего особенного — ибо что может быть обыденнее разговора за столом? Однако же в нем ощущалось нечто нарочитое и демонстративное. Гладкие фразы и учтивые манеры контрастировали с усталыми, измученными лицами собеседников, и потому казалось, будто присутствующие играют в какую-то жуткую и опасную игру. Будто эти люди из последних сил стараются не говорить и не думать о делах куда более серьезных.

Но самое невероятное — жесты, которыми сопровождалась эта застольная беседа. Они были какими-то… несогласованными и неправдоподобными. Время от времени Сколинский и Холявицкий делали странные движения: например, один загибал книзу палец, а другой тянулся к блюду слишком широким, слишком округлым движением. Даже Гжегож наливал воду в бокалы неким особым образом.

— Что все это значит? — прошептал Хинч.

Майя на мгновение выглянула, чтобы Сколинский ее заметил, и приложила палец к губам. Тот все понял и вскоре присоединился к ним.

— Пойдемте с нами в Полыку, профессор, — прошептала Майя. — Нам нужно с вами поговорить. Я не хочу, чтобы Генрик знал.

— Хорошо. Я тоже хочу с вами поговорить.

По дороге в Полыку, услышав фамилию Хинча, Сколинский спросил:

— Вы тот самый знаменитый ясновидящий? Кто же вас сюда вызвал?

— Погодите, погодите, профессор! Сначала скажите мне, в замке происходят какие-то анормальные явления?

— Откуда вы знаете?

— У меня есть основания предполагать.

— Господи, наконец-то мне есть с кем это обсудить! — воскликнул обрадованный профессор. — Вы как раз вовремя! Дольше я бы не выдержал!

И он рассказал им все, что ему довелось пережить в этом ужасном месте. Кухня. Полотенце. Князь. Холявицкий. Зюлковская. Знак. Все это проносилось перед Хинчем и Майей, как в сказках «Тысячи и одной ночи».

— Значит, я не ошибся, — шептал Хинч, глу-

боко потрясенный. — Здесь действуют какие-то чуждые силы.

— Какие?

— Профессор, — сказал Хинч, — будьте осторожны. Мы видели, как вы вели себя за ужином. Что это за странные жесты?

Ученый смутился.

— Я все пытаюсь обнаружить этот знак. Использую любую возможность выведать его у князя. Уже привык добавлять к каждому своему движению что-нибудь необычное.

— Это очень опасно.

Профессор и сам понимал, что постепенно поддается действию каких-то разрушительных сил. По его мнению, ситуация была крайне серьезной.

Они подошли к усадьбе, и Майя через боковой вход провела их наверх, в свою комнату.

— Я надеялся, что раскрою знак и смогу вывести князя из состояния, которое убивает его морально и физически. Но, увы, пока не продвинулся в своих изысканиях ни на йоту. Я ужасно устал от всего этого, едва держусь… Силы тают с каждым днем. Да и Холявицкий, боюсь, очень плох. Он проявляет отчетливые признаки безумия.

— Неужели все настолько ужасно?

— Да кто ж его знает?! Я уже ни в чем не уверен! Может, это не наши силы тают, а возрастает напор тех самых таинственных сил… Не стоит удивляться, что человек в конце концов перестает что-либо понимать и начинает сомневаться в своих умственных способностях. Это явления, превосходящие возможности моего разума. Я бесконечно рад, что вы пришли мне на помощь. Вам эта сфера знакома лучше моего. Можно ли все это объяснить естественным образом?

Хинч в свою очередь рассказал Сколинскому историю Лещука.

— Это может означать, что сила зла заразна, что она может поразить человека, — прошептал профессор.

— Я могу ошибаться, — сказал Хинч, — но, по-моему, нравственный и духовный смысл этих удивительных событий очевиден. Полагаю, что фактом наименее загадочным является как раз движение полотенца. Любой человек, когда-либо принимавший участие в спиритических сеансах, знает, что есть какие-то неведомые силы, которые способны поднимать предметы, опрокидывать мебель и даже наносить удары собравшимся за столом. Эти явления необязательно имеют сверхъестественный характер. Вероятно, здесь

действуют еще не изученные силы, которые присущи нашему психофизическому устройству. Представим, что несчастный Франек в порыве феноменального напряжения своих жизненных сил передал этому полотенцу частицу своей энергии. Вы разве не заметили, что этот его трепет — сродни движениям медиума? Таким образом, одну часть загадки можно если не объяснить, то хотя бы соотнести с уже известными фактами, с теми экспериментами, которые проводились во время спиритических сеансов. Думаю, — продолжал Хинч, — что мы столкнулись с казусом, уникальным по интенсивности. Франек, должно быть, достиг некоего максимума напряжения, о котором нормальный человек просто не имеет представления, и пробудил силы, действующие теперь в радиусе, определить который мы не в состоянии. Часть этих флюидов, должно быть, проникла в карандаш и передалась Лещуку. Здесь имеется одна чрезвычайно любопытная деталь: все эти явления каким-то образом связаны со ртом. У Лещука несколько раз делались сизыми губы. Мы знаем, что он имел привычку грызть карандаш. Но, как выяснилось, карандаш этот уже раньше грыз кто-то еще. Уверен, что это был Франек, то есть на этом карандаше следы зубов

Лещука наложились на следы зубов Франека.

— Рот, — сказал профессор. — У меня тоже случались проблемы с губами. Пару раз заметил, что губы пульсируют или дрожат, но потом это само проходило.

— Видимо, легче всего этой силе проникнуть в рот человека, — задумчиво сказал Хинч.

— Да и в тех бумажках, что оставил Рудзянский, тоже о нем говорилось.

— Однако вы утверждаете, что этим проблема не исчерпывается, — обратилась к ясновидящему Майя.

— В том-то и дело, что нет. Сила, действующая вокруг нас, отнюдь не является нейтральной в духовном плане. Она явно негативна. Это сила зла. Еще раз повторю: я ощущаю ее как исключительно дурную и доверяю своему ощущению. Вполне возможно, что она передается механически через «зараженные» предметы, но я убежден, что ее можно привить лишь человеку, который к ней духовно восприимчив. Почему профессору, так долго находившемуся рядом с той комнатой, она до сих пор не нанесла серьезного вреда? Потому что дух профессора сопротивлялся ей. А почему Лещук «заразился»? Потому что роковое стечение обстоятельств заставило его усомниться в себе

и ослабило.

— Да, — с отчаянием подтвердила Майя.

— Итак, не сдавайтесь! Мы еще поборемся.

— Что же мы можем предпринять?

Хинч сосредоточился.

— Очень многое. Нам с вами предстоит понять суть этих событий. Для начала следует заняться Лещуком — я за то, чтобы не скрывать от парня его состояние. Если мы объясним ему ситуацию, он, возможно, найдет в себе решимость и мужество оказать сопротивление этой силе. Нужно выяснить у него, что произошло с Малиняком. Отговорить от мысли о самоубийстве. И вообще — пусть расскажет нам подробнее о своем психическом состоянии!

— Это будет нелегко, — сказал профессор.

— Посмотрим. Но это еще не все, — хмурясь, продолжал Хинч. — Меня занимает этот крестьянин. Почему Лещука так потянуло именно к нему? И еще: почему я, держа в руке карандаш, видел двоих? Лещука, идущего по дороге, и еще кого-то, пишущего на стене. Неужели это и был тот самый Франек?

Профессор достал из кармана старую пожелтевшую фотографию.

— Не похож ли он, случайно, на этого чело-

века?

— Это Франек?

— Да.

Профессор и ясновидящий с любопытством разглядывали снимок.

— Да, это тот человек, что писал на стене, — сказал Хинч. — Это он.

— Вам не кажется, что он похож на Лещука? — спросил профессор.

— Что вы говорите? — удивился Хинч. — И в самом деле! Но нет, это не сходство! Присмотритесь — у него совсем другие черты лица. Здесь происходит то же, что и с вами. — Ясновидящий указал на Майю. — Они не похожи друг на друга, но производят такое впечатление, потому что их связывает родство натур. Сходство заключается лишь в выражении глаз, в очертаниях губ, в характере. Вас троих объединяют страстность, витальность, жажда жизни. Посмотрите, профессор.

Хинч обрывком бумаги прикрыл Франеку глаза. Сходство мгновенно исчезло.

Но Майя вздрогнула, осознав, что он сказал «вас троих», — словно они были родственниками.

Между тем Хинч стоял, погруженный в раздумья. Лоб его пересекала глубокая вертикальная

морщина.

— Господа! — сказал он. — Не станем предаваться иллюзиям. Ситуация, в которой мы оказались, чрезвычайно сложна и потребует от нас максимального напряжения сил. Надо взять себя в руки. Никакой мистики, никакого фатализма. А пока — пойдемте ужинать.

— Ужинать? — удивилась Майя.

— Конечно. Надо же чем-то питаться! И потом, мы ведь не можем дольше скрывать свое присутствие от постояльцев пансиона. Поверьте, чем естественнее мы будем себя вести, тем лучше.

Они вошли в столовую. Докторша, Гнетунская и советник Шимчик, которым было известно бурное прошлое и еще более бурное «криминальное» настоящее Майи, жадно искали на ее лице следы изнуренности. Зато недавно приехавшие в пансион молодые супруги с ребенком, находившиеся в блаженном неведении, как ни в чем не бывало наслаждались трапезой.

Майя постаралась произнести фамилию Хинча не слишком внятно и сразу же объявила, стараясь, чтобы это прозвучало как можно более естественно:

— С нами приехал пан Лещук, но крестьяне избили его в Копшиве, и ему потребуется некоторое

время, чтобы оправиться от побоев.

— А-а, — сказала панна Гнетунская.

Майя с волнением смотрела на такую знакомую столовую, освещенную двумя керосиновыми лампами. Девушке казалось, что она не была здесь целую вечность.

— А вы, дорогой наш профессор, все сидите в замке и даже не заглянете к нам! — кокетливо проговорила пухленькая докторша.

— Да, я подружился с князем, — сказал Сколинский, — и изучаю тамошний архив.

Однако Гнетунскую его объяснения не удовлетворили. То, что Майя выглядит ужасно, это понятно. Но профессор? И потом, этот новый господин кого-то ей напоминает… Неужели…

— Это, кажется, Хинч, — прошептала ей докторша. — Знаете, тот предсказатель! Я видела его фото в журналах!

Хинч! У панны Гнетунской возникло такое ощущение, будто перед ней предстал британский король. Тем не менее она кисло ответила:

— Возможно, это действительно тот самый гадатель, но я подобными вещами не интересуюсь.

Над столом повисло молчание — возникла одна из тех неловких пауз, которые так сложно прервать. Никто не мог подыскать тему для бе-

седы. И, странное дело, в этом молчании начала ощущаться какая-то тревога. Возможно, причиной тому было присутствие Хинча — медиума и спирита: обе дамы почувствовали себя не в своей тарелке. И — заговорили о привидениях. Напрасно Хинч пытался их остановить. Докторша рассказала какую-то жуткую историю, Гнетунская не осталась у нее в долгу. Их невозможно было угомонить! Обе дамочки просто упивались мыслями о чудесах!

После ужина Хинч вышел в парк и, прогуливаясь по извилистым дорожкам, попробовал разобраться в происходящем.

Никогда еще он не ощущал подобного бессилия. Да, природа наделила его способностью частичного и, увы, беспорядочного «ясновидения», но какой в нем толк, если оно ничего не объясняет, а, напротив, порождает еще большую неуверенность, заставляя входить в контакт с таинственными и непонятными силами? Хинч постоянно соприкасался с метафизическим миром, природу которого не умел постичь.

Он все больше склонялся к вере. Все отчетливее среди этой ужасающей непостижимости мира ему открывалась простая и незыблемая истина: единственной опорой человека, его единствен-

ным оружием и единственным законом являются нравственные качества, а единственным ориентиром — мораль. Он был уверен, что, если Майя и Лещук обретут должное нравственное самочувствие, им удастся преодолеть любые трудности.

А потому Хинч радовался, что нашел в профессоре морально стойкого союзника. Но вот глупость и поверхностность обеих дамочек из пансиона — чиновницы и докторши — сулили одни лишь проблемы. Эти, узнай они обо всем, начнут сеять смятение и панику. Страх лишит их остатков достоинства и разума.

Хинч взял зловещий карандаш и при лунном свете стал рассматривать следы зубов. Кто еще грыз его? Чьи это зубы — и насколько безумен был их хозяин? Ясновидящий напрягся, сосредоточился и, выпрямившись и вытянув вперед руку, попытался что-то разглядеть, приподнять край завесы.

Напрасно! Может, здесь, близ замка, действие зла было слишком велико? А может, Хинчу недоставало бесстрастного спокойствия и душевного равновесия? В любом случае он тщетно напрягал свои силы и так ничего и не увидел. Однако его вновь охватило гнетущее ощущение присутствия зла: в карандаше бесспорно таилось нечто

дурное.

Он медленно вернулся в дом и застал в столовой докторшу, чиновницу и молодых супругов, недавно прибывших в Полыку. Все они собрались за маленьким столиком в углу. Хинч сейчас сделался настолько чуток к любым аномалиям, что сразу почувствовал: эти люди сидят *слишком* близко к столику и *слишком* тесно друг к другу.

При его появлении чиновница пискнула, словно ребенок, которого застали за какой-то шалостью, да и остальные тоже выглядели одновременно смущенными и возбужденными.

Что они там задумали? Хинч хотел пройти мимо, но увидел на столике большой лист бумаги, на котором были написаны буквы и стояло перевернутое вверх дном блюдце.

— Решили устроить спиритический сеанс? — поинтересовался Хинч.

Компания захихикала.

— Да вот, хотим попробовать, — смущенно буркнул молодой муж.

— Эта дама, говорят, медиум! — воскликнула молодая жена, указывая на панну Гнетунскую.

— Мы все чрезвычайно интересуемся медиумическими и спиритическими вопросами, — как всегда, многословно выразилась докторша, зача-

рованно глядя на Хинча. — А вы не согласитесь принять участие в сеансе?

Ясно. Ему устроили западню. Его инкогнито раскрыто, и эти люди, возжелав острых ощущений, пытаются столь неуклюжим способом втянуть его в несерьезную забаву. Хинчу захотелось поколотить этих глупцов, не ведающих, что играют с огнем.

Но он тут же подумал, что сеанс мог бы оказаться даже полезен, — при условии, что в нем примет участие Лещук. Да! Пожалуй, неплохая идея! Возможность, пускай и эфемерная, пролить какой-то свет на происходящее. Вдруг эксперимент окажется удачным? Однако не слишком ли все это рискованно?

Хинч задумался так глубоко, что перестал слышать капризные голоса новоявленных спиритов и спириток.

Вдруг за окном раздался конский топот — и вскоре в столовую вошел высокий человек в костюме для верховой езды.

Холявицкий!

— Говорят, панна Майя приехала, — сказал он, поздоровавшись с присутствующими неприятным, бесцветным голосом и ни на кого не глядя.

— Да, приехала, — поспешно подтвердили да-

мочки, придя в восторг от перспективы новых впечатлений.

— Она наверху?

— Да-да, наверху!

— Еще и пан Лещук здесь, — добавила Гнетунская, словно бы между прочим.

Холявицкий направился к лестнице, но Хинч остановил его.

— Я как раз иду наверх и передам панне Майе, что к ней гость.

Ясновидящий хотел и предупредить девушку, и не пустить Холявицкого на второй этаж. Однако тот, не обратив внимания на его слова, стал тяжело подниматься по ступенькам. В коридоре он сразу увидел Майю, стоявшую у одной из дверей. С ней был Сколинский. Секретарь застыл как вкопанный.

С той минуты, как они с его бывшей невестой простились в Варшаве, страдания Холявицкого только усилились. Мысль о том, что Майя для него потеряна, что Лещук полностью завладел ее вниманием, не давала секретарю покоя. Услышав о приезде панны Охоловской, он, забыв обо всем, бросился в Полыку. О появлении Лещука ему, разумеется, известно не было. Холявицкий находился на грани помешательства. Майя всем

своим обликом напомнила секретарю о тех днях, когда он еще был частью обычного, нормального мира. Их нынешняя встреча разожгла в нем чудовищную ревность.

— Майя, — проговорил он глухо.

Девушка отпрянула от двери.

— О, кого я вижу! — воскликнула она с натянутой улыбкой, стараясь скрыть свое волнение.

Но Холявицкого заинтересовал тот факт, что Майя, казалось, не хотела, чтобы он входил в эту дверь.

— Кто там, в комнате? — поинтересовался он.

— Пойдем вниз!

Секретарь выразительно глянул на Майю и, вместо того чтобы ответить, нажал на дверную ручку. Его направляла ревность. Майя попыталась помешать бывшему жениху, но он все же ворвался в комнату. Хинч влетел следом, взбешенный этой неожиданной диверсией, которая могла чрезвычайно навредить больному. И остолбенел. Кровать Лещука была пуста! Больного не было в комнате! Он исчез. Открытое окно не оставляло сомнений в том, каким путем юноша покинул комнату. Большой клен, росший возле окна, послужил ему отличной лестницей.

На Холявицкого никто не обращал внимания.

Все выскочили из дома и, натягивая на бегу пальто, устремились к лесу.

— Куда он мог направиться?

— Поедем к крестьянину! — крикнул Хинч. — Наверняка его опять туда понесло!

Майя поспешно отдала распоряжения, и они сели в бричку.

Холявицкий молча вскочил на коня. Он понятия не имел, что означают побег Лещука и эта внезапная погоня, в которой он принимал участие, — для него было важно лишь волнение Майи, которая при виде пустой комнаты забыла обо всем на свете.

Секретарь скакал за бричкой, почти радуясь тому, что его не замечают, — это позволяло ему спокойно переживать свое горе. Они уже подъезжали к хате крестьянина, когда навстречу им выбежал сам хозяин — весело смеющийся Гандрыч.

— И ведь снова ко мне заявился! — закричал он издалека.

В самом деле: со двора вышел Лещук и направился к ним. Он был как будто пьян. Шагал, пошатываясь, с упорством пьяницы, словно в забытьи. И тут Майе изменила выдержка. Она кинулась к нему.

— Что ты делаешь? Пожалей себя! — кричала девушка.

Хинч попытался заслонить ее от Лещука. Но не успел.

— Опять она явилась за мной! — завопил тот, словно помешанный, взгляд его сделался безумен, и юноша бросился на Майю. Его схватили. Лещук вырывался, охваченный какой-то неистовой яростью.

— Она убила! Убила! Убила! — ревел Лещук.

Клубок тел покатился по земле. Подбежала жена Гандрыча с веревками. А Холявицкий наблюдал за всем этим сверху, не слезая с лошади, ни во что не вмешиваясь.

Лещука скрутили и отнесли в хату. После этого секретарь наконец спешился и осторожно подошел к окну, чтобы расслышать каждое слово.

— Уйдите! — крикнул Хинч Майе. — Вы доводите его до сумасшествия.

Лещук разразился рыданиями. Хинч внезапно шагнул к нему и положил руку на плечо.

— Послушайте меня! — сказал он твердо. — Вы одержимы злым духом! Поняли? Вы — во власти дьявола!

Учитывая низкий интеллектуальный уровень парня, ясновидящий решил не мудрить и исполь-

зовать самые простые слова.

Ответом ему было молчание.

Тогда Хинч, не убирая руки с плеча Лещука, четко и ясно рассказал ему все, что узнал от профессора и Майи. Ясновидящий говорил медленно, следя за тем, чтобы юноша понял каждое слово. Он поведал о страшной комнате, о карандаше и о том, что с ним, Лещуком, случилось за последнее время. Обрисовал всю ситуацию, а затем осторожно отпустил его плечо и принялся гладить несчастного по голове.

Слышал ли юноша Хинча? Понимал ли обращенные к нему слова?

Ясновидящий ни в чем не мог быть уверен, однако речь его длилась не менее получаса, почти без пауз.

Лещук посмотрел на него глазами, расширенными от ужаса.

— Вы правду говорите? Значит, я…

— Да. Но не сдавайтесь. Мы боремся за вас. А вы должны нам помочь.

— Я поэтому бежал к крестьянину?

Юноша явно приходил в себя.

— Спасите меня… — шепнул он.

— Воспользуйтесь этим мгновением прояснения. Сейчас вы полностью в здравом уме, — убеж-

дал его Хинч. — Постарайтесь ответить на мои вопросы как можно точнее.

— Спрашивайте.

— Почему вас так тянет к этому крестьянину?

— Не знаю.

— Вы встречались с ним раньше?

— Никогда.

— Значит, вы с ним незнакомы… Но осознаете ли вы, что делаете в такие моменты безумия? Вы это помните?

— Помню, — прошептал он. — Но не могу сдержаться. Будто пьян или вроде того…

— А когда это случилось с вами впервые?

Лещук мгновение колебался, прежде чем ответить:

— Да вот тогда… после убийства Малиняка.

— А почему вы убили Малиняка?

— Кто, я?!

Лещук сел на кровати.

— Это она убила! — воскликнул юноша, и лицо его потемнело. — Она! Она!

Хинч резко встряхнул его.

— Спокойно! — крикнул он, видя, что парень вновь погружается во тьму. — Что вы такое говорите?! Одумайтесь! Черт возьми, да возьмите же себя в руки!

— Она накинула ему петлю на шею и тянула через дыру в стене. Я сам видел, — прошептал Лещук и потерял сознание.

Хинч привел его в чувство при помощи мокрой тряпки.

— Вы помните то, что сказали минуту назад? Продолжайте! Расскажите нам все подробно.

— Зачем? — апатично спросил Лещук.

— Потому что она не убивала! Вам почудилось! Может, вы уже тогда были безумны?

Нет! Он не был безумен! И все прекрасно помнил. Ведь когда он вошел в комнату, Майя как раз душила старика. Накинула петлю ему на шею, пока тот спал, просунула концы веревки через щель в стене в свою комнату — и тянула. Сначала он не мог понять в точности, как все это произошло, но потом догадался. Наверное, веревка была протянута понизу, через щель между стеной и полом. Доски прилегали там друг к другу неплотно, так что раздвинуть их оказалось нетрудно. Сначала Майя пробралась в комнату Малиняка, накинула петлю на шею спящего, протянула веревку через щель. Потом подала Лещуку сигнал при помощи спички — чтобы он влез в окно. И уже после этого задушила старика. Вот как хитро она все придумала — чтобы подставить его, Лещука. Кто

бы заподозрил Майю, если это он влез в окно?

Хинч провел рукой по лбу. Неужели это возможно? А вдруг?.. Когда вокруг такое творится, ничего нельзя исключить. Что, если Майя тоже попала в орбиту действия этих сил и в приступе безумия задушила Малиняка?

Но он же поклялся себе ни при каких условиях не поддаваться чудовищным аберрациям воображения! Значит, следует сосредоточиться на фактах. Майя говорила ему, что не зажигала спичку. Почему же Лещук утверждает, будто она подала ему сигнал?

Он еще раз уточнил это у Лещука, а затем побежал к Майе, сидевшей на крыльце в мучительном ожидании, и пересказал ей услышанное.

— Да он с ума сошел! — воскликнула девушка. — Во-первых, кровать Малиняка стояла у стены, противоположной той, что отделяла его комнату от моей. А во-вторых, я не зажигала спичку. Кто же убил, если не он? Знаете что? Чем больше я обо всем этом думаю, тем больше склоняюсь к мысли, что здесь нужен психиатр.

Майю постепенно охватывало отчаяние, однако Хинч не позволял себе сомневаться. Он решил верить! Если Майя с Лещуком не доверяют друг другу — он станет верить им обоим. Если Майя

утверждает, что не зажигала спичку, а Лещук утверждает, что видел в окне огонек, значит оба правы. Если они оба подозревают друг друга в убийстве, значит никто из них не убивал. Так что же произошло? Нечистый? Но и этим именем не следует злоупотреблять, разве что не останется никаких других объяснений.

На всякий случай Хинч попросил Майю начертить ему план виллы и еще раз подробно описать те драматические события, минута за минутой.

Девушка выполнила эту просьбу неохотно. Она уже не питала никаких иллюзий. Такую же апатию Хинчу пришлось преодолевать, когда он уговаривал Лещука заново повторить свой рассказ и все показать на плане.

И выяснилось, что Лещук ошибся! Он неправильно представлял себе расположение комнат: с одной стороны от комнаты Малиняка была комната Майи, а с другой — маленькая прихожая и лестница на второй этаж.

— В каком окне вы видели огонек — в этом или в том? — спрашивал Хинч в который уже раз, указывая поочередно на окно комнаты Майи и на окно прихожей. Лещук неизменно указывал на прихожую.

— В этом. В ее комнате.

— А кровать Малиняка была у этой стены?

— У этой.

— Тогда вы ошиблись. Это вовсе не комната панны Майи.

— Мне все равно, — ответил парень безучастно и едва слышно. — Если во мне сидит это… Если я…

Он отвернулся к стене, и больше Хинч ничего не смог от него добиться.

Но и Майя тоже не поверила ясновидящему, когда тот объяснял ей, что, по его глубочайшему убеждению, Лещук говорит правду: не он убил Малиняка.

— А кто же тогда? Он либо не помнит, либо боится наказания. Все эти разговоры о стене — детские сказки.

— Возвращаемся в Полыку, — объявил в конце концов Хинч. Хуже всего было то, что он не мог поговорить с обоими одновременно. Ясновидящий опасался, что ни Майя, ни Лещук этого не вынесут.

Майе пришлось снова ехать одной, так как на бричке везли Лещука.

— Я в замок, — сказал профессор. — Вы и без меня управитесь, а я не могу надолго оставлять без присмотра моего старичка.

— Хорошо, но нужно наладить надежную связь. Если ничего не случится, загляните завтра после обеда в Полыку. Ах да, еще одно. Где Гандрыч? Надо бы и его расспросить.

Хинч подозвал крестьянина:

— Приходите завтра утром в Полыку. Нам нужно с вами поговорить.

Однако тут вмешалась жена Гандрыча.

— Никуда он не пойдет, — сказала женщина решительно.

— Это еще почему?

— Ему и дома есть чем заняться.

— Не спорь! — возразил крестьянин, который сообразил, что ему может от этого что-нибудь перепасть. — Во сколько приходить?

— А я говорю — никуда ты не пойдешь! — закричала жена. — Только голову тебе морочат! Дома вон работы невпроворот!

Хинч внимательно посмотрел на нее. Ясновидящего удивило это неожиданное сопротивление.

— Ладно, — согласился он. — Нет так нет.

На самом деле Хинч решил, что завтра заедет к ним и расспросит эту загадочную пару.

Все отправились в путь. Они уже были в лесу, когда вдруг послышался конский топот и на скрещенье дорог мелькнул силуэт всадника.

Холявицкий… Стук копыт и глухие звуки ударов хлыста нарушили лесную тишину. Какая ярость была в этом галопе! Хинч с тревогой вглядывался в даль, но всадник уже исчез.

* * *

Холявицкий передал измученную лошадь мальчику-конюху и вошел в замок. Мгновение назад он мчался безумным галопом, но теперь шагал по пустым комнатам очень медленно; голова и руки дрожали как в лихорадке. Он подслушал разговор Хинча с Лещуком. Теперь он знает все!

Итак, то, что обитает в старой кухне, действительно является силой зла! И эта сила передается людям… Отчего же она до сих пор не передалась ему? Почему именно Лещук? Да, в самом деле любопытно почему. Секретарь был изумлен. Как же так? Ведь он, Сколинский, и князь, постоянно находившиеся в замке, не подверглись нападению этой силы, а вот Лещук… Парень вон даже в Варшаву уехал…

Холявицкий открыл тяжелую кованую дверь и остановился на пороге старой кухни. Зажег спичку. Полотенце двигалось неутомимо, хоть и почти незаметно. Трепетало, сжималось и труди-

лось, трудилось беспрестанно…

Холявицкий точно так же, как случалось уже много раз, молча смотрел на пожелтевшую ткань. Мерзко! Непередаваемо отвратительно! До ужаса и кома в горле… И — глупо.

Значит, эта тряпка преследовала Лещука и Майю. Выбрала их на роль жертв. Холявицкий невольно хихикнул и вздрогнул от звуков собственного смеха.

«Следует признать, что даже если это не что иное, как слепая и механическая сила природы, некая, так сказать, спиритически-плазматическая энергия, то она… она знала, в кого целиться», — подумал секретарь.

Но почему? Неужели это беспокойное, судорожное проявление жизни было привлечено тем таинственным напряжением, которое возникало между Майей и Лещуком?

Впрочем, Холявицкий предпочел не вникать в детали. Он лишь понял, что полотенце (будем называть эту силу так) не было ему врагом. Он вспомнил, как пытался запереть здесь на ночь профессора. Сколинский тогда ускользнул. Но теперь флюиды этой тряпки преследуют Лещука. Вот бы познакомиться с неведомой силой поближе: использовать эту загадочную заразу,

завладеть ею, остаться тут на ночь, понаблюдать… Если на Лещука так пагубно подействовал даже дурацкий карандаш, то что уж говорить об этом…

Конечно, это было отвратительно. Но разве не был отвратителен он сам? Измученный, отчаявшийся, утративший Майю и сокровища — проигравший на обоих фронтах.

Холявицкий уже давно понял, что проиграл. С тех пор, как профессор поселился в замке, с тех пор, как Майя сбежала с Лещуком. И вот сейчас ему представилась возможность отомстить.

Секретарь снова рассмеялся.

— Я тебя еще больше расшевелю! — пробормотал он.

И стал медленно приближаться к полотенцу. Подойдя к нему, он удивился, насколько неправдоподобно легким оказалось то, на что он так долго не мог решиться. Он больше не чувствовал ужаса этого явления, а ощущал лишь собственный ужас, и хотя лицо его исказилось страхом, этот страх относился не к полотенцу, а к нему самому…

Глава XIX

Тем временем Хинч не прекращал своей лихорадочной деятельности. Он единственный из всех этих бесконечно уставших и растерянных людей сохранял нерастраченную психическую энергию и волю к сопротивлению. Провидец понимал, какая ответственность на нем лежит. Необходимо прояснить ситуацию! Исследовать все, что недостаточно понятно, пройти по каждому следу — таков был метод, который он избрал.

И Хинч написал письмо в Варшаву, в следственные органы.

В связи с чрезвычайно срочными делами я, к сожалению, не могу лично связаться с господином судьей, однако считаю своим долгом поделиться догадкой, которая посетила меня в связи с убийством Малиняка. Как известно, текущая версия следствия заключается в том, что убийца проник через окно. Но остается невыясненным, почему он использовал петлю. Кроме того, положение тела и, в частности, расположение головы уби-

того вызывают у полиции множество вопросов.

Итак, я настоятельно советую подвергнуть тщательному осмотру стену между комнатой Малиняка и прихожей. Допустите на мгновение гипотезу (не смущаясь ее кажущейся нелепостью), что убийца набросил петлю на шею спящего Малиняка, протянул веревку через щель в стене, затем переместился в прихожую и оттуда затянул ее. Затем отрезал веревку у самой стены и протолкнул ее обратно в спальню Малиняка.

Я отлично понимаю, что изложенное выше предположение, само по себе довольно фантастическое, кажется совершенно невероятным из-за того, что дверь комнаты Малиняка была заперта изнутри, а значит, убийца вроде бы не мог войти и набросить петлю. Если же он проник через окно, то не мог попасть в прихожую. Тем не менее я полагаю крайне важным следовать этой гипотезе, поскольку абсолютно убежден в том, что именно так дело и обстояло. Прошу также немедленно уведомить меня о результатах

осмотра помещения, что облегчило бы мою дальнейшую работу. Остаюсь и прочая, и прочая.

Хинч решил рискнуть и поставить на свой авторитет.

Около пяти часов дня прибыл Сколинский.

— Наконец-то! — сказал Хинч. — Я вас ждал! Позаботьтесь о нашем пациенте, а я поеду к Гандрычу. Это не самая малая из загадок, которые нам предстоит разгадать.

— Не знаю, правильно ли я делаю, покидая замок, — проговорил профессор. — Холявицкий сегодня не вышел к обеду. Велел передать, что болен. Боюсь, он что-то замышляет.

— Скоро мы займемся этим господином вплотную, — ответил ясновидящий. — А заодно и комнатой с привидением.

— Вы хотите объявить войну полотенцу?

— Разумеется! Там источник зла, и мы должны до него добраться. Если Холявицкий станет мешать — нейтрализуем его силой. Тут уж не до церемоний! Однако прежде мне нужно собрать максимум информации и — самое важное — укрепить психически Лещука и Майю. Тогда мы отправимся в замок и просто уничтожим

полотенце.

— Но это может повлечь за собой непредсказуемые последствия! — воскликнул Сколинский.

— Ничего не поделаешь. Впрочем, посмотрим. Сегодня вечером я проведу один эксперимент, от которого многое зависит.

Сколинский остался с Лещуком, который снова впал в оцепенение и лежал на кровати без движения.

Майя не выходила из своей комнаты. Профессор шагал туда-сюда, полный дурных предчувствий, — он беспокоился за князя и с тревогой думал о внезапном недомогании Холявицкого.

К вечеру вернулся Хинч.

— С этим человеком что-то нечисто, — доложил он Сколинскому результаты своей инспекции. — Его жена не подпустила меня к нему. Не знаю, почему она вдруг стала такой строптивой. Но я навел справки в соседней деревне. Оказывается, Гандрыч приехал сюда из Люблина лет десять назад, уже вместе с супругой. Она из местных, но служила в Люблине, где познакомилась с Гандрычем и вышла за него. Когда ее отец умер, они вернулись, чтобы заняться хозяйством. У Гандрыча родни здесь нет, и толком никто о нем ничего рассказать не может.

— Ах, если бы нам наконец удалось обнаружить этот знак! — простонал историк, озабоченный судьбой князя.

— Профессор, — сказал Хинч, — вечером мы предпримем решающую попытку. Оставайтесь на ужин. Возможно, сегодня завеса тайны приоткроется.

Он питал серьезные опасения по поводу предстоящего эксперимента, который мог закончиться плачевно. Провести спиритический сеанс с Лещуком в качестве медиума? Погрузить его в транс и таким сомнительным путем попытаться получить более четкое представление о силах, которые им овладели… Это была крайне опасная игра, которая могла стоить парню здоровья и даже жизни. Никто не мог предсказать ход такого сеанса. И все же Хинч решился, надеясь пробить брешь в окружившем их мраке. А вдруг эксперимент удастся? Медиумический характер явлений в страшной комнате позволял на это рассчитывать. Вот только, к отчаянию Хинча, придется, за неимением других кандидатов, прибегнуть к помощи дамочек. Ясновидца пробирала дрожь при мысли, что эти дурочки будут участвовать в столь рискованном предприятии.

После ужина он предложил:

— Ну что? Пожалуй, устроим небольшой сеанс. Чтобы скоротать вечерок.

— Ах! — воскликнули докторша и Гнетунская.

А последняя еще и добавила:

— Я охотно буду медиумом.

— Нет, у меня есть медиум получше. Я потому и предлагаю сеанс, что чувствую: Лещук — превосходный медиум. Мы попросим его поучаствовать.

Гнетунская с докторшей были на седьмом небе от счастья. Сеанс, да еще и с Лещуком!

Они выбрали уютный угловой кабинет с круглым столом. Задернули шторы, сбоку поставили неяркую лампу — таковы были скромные, но столь волнующие приготовления.

Хинч объяснил Лещуку, что́ собирается с ним сделать. Тот не возражал. Хинч даже не подозревал, до какой степени Лещук испугался, услыхав, что находится во власти каких-то таинственных сил. Эта новость, которая могла бы потрясти и более образованного человека, простого паренька прямо-таки раздавила. Значит, в него вселился дьявол? В тонкости Лещук не вдавался. Если потусторонние силы — значит сам дьявол. Он не верил. Не мог поверить. Но все свидетельствовало в пользу этого предположения. Так или

иначе, в нем сидело что-то ужасное, Лещук это чувствовал.

И отвращение, смешанное со страхом перед самим собой, лишило его последних сил.

Майя не станет участвовать в сеансе — ее присутствие было невозможным из-за Лещука.

— Приготовьте все, какие только сможете раздобыть, средства для того, чтобы можно было привести человека в чувство и перевязать раны. И ждите в соседней комнате, — распорядился Хинч.

— Раны?

— Да. Неизвестно, что может произойти.

Все расселись вокруг стола. По правую руку от Лещука — Хинч, по левую — профессор, далее обе дамы и молодая пара. Приготовили бумагу и блюдце. Хинч подходил к делу очень осторожно. Для начала он решил провести обычный сеанс с блюдцем.

— О-о-о, движется, — прошептала перепуганная докторша, увидев, как после четверти часа нервного ожидания блюдце дрогнуло и заскользило по бумаге.

Если докторша относилась к этому с благоговейным страхом, то панна Гнетунская, напротив, в глубине души была убеждена, что все это «ли-

па», «фокусы» и «обман», и потому всячески гримасничала и презрительно надувала губы.

Однако блюдце двигалось по бумаге все быстрее и решительнее. Вдруг оно остановилось, указав нанесенной Хинчем черточкой на букву Я. За ней очень скоро последовали М, А.

— Яма, — шепотом прочитала докторша.

— Не подсказывайте, — одернул ее ясновидящий.

А блюдце все повторяло одно и то же слово. Оно бесновалось. Металось по бумаге, выскальзывая из пальцев участников сеанса, и твердило:

– *Ямаямаямая…*

— Как тебя зовут? — спросил Хинч.

Резкое движение блюдца.

– *Фрая.*

— Фраер, — насмешливо передразнила Гнетунская.

– *Яфрама*, — простучало блюдце.

— Повтори! — приказал Хинч, который с напряженным вниманием пытался вникнуть в смысл этого бормотания.

– *Фраяма*, — ответило на этот раз блюдце и тут же добавило: — *Нет.*

— Не хочешь говорить?

– *Нет.*

— Почему?

– *Свинец,* — сообщило блюдце и замерло.

— Упрямится, — прошептала докторша.

— Даже если оно снова начнет двигаться, то все равно ничего нам не скажет, — проговорил слегка охрипшим голосом профессор, — потому что черточка стерлась.

— Как так?

Это была правда. Черточка, которую Хинч нарисовал карандашом на блюдце, почти стерлась.

— Свинец, — повторил Хинч и встал. — Подождите-ка, я принесу карандаш.

— У меня есть карандаш, — сказала Гнетунская.

Но Хинч, словно не слыша ее, вышел и спустя мгновение принес небольшой черный карандаш. Провел им новую черточку на краю блюдца, и все снова склонились над столом.

Тут докторша вдруг перепугалась:

— Я ухожу!

— Не разрывайте цепь! — грозно воскликнул ясновидящий. И в тот же миг блюдце снова пришло в движение. Словно взбесившись, оно металось по столу, дергалось, съезжало на самый край, грозя упасть и разбиться. Это была ярость. Неистовство столь безрассудное и в то же время

очевидное, что у всех возникло ощущение, будто перед ними находится какой-то охваченный паникой зверек.

В этот момент Сколинский сказал:

— Он спит.

Все взглянули на Лещука. Он и в самом деле уснул — лицо было мертвенно-бледным, на лбу выступили капельки пота, — и сон этот был глубоким. Губы его сделались сизыми, почти черными.

— Не разрывайте цепь, — тихо приказал Хинч.

Впрочем, слова были излишни. Никто не шевелился. Все завороженно ждали. В комнате слышался треск электрических разрядов. Блюдце поднялось в воздух на полметра, а затем упало и вдребезги разбилось.

— Кто ты? — спросил ясновидящий.

Этот странный вопрос имел под собой основания. Черты Лещука совершенно изменились. Нос заострился, лицо стало худым и чужим, окутанным аурой страшной ненависти. Почерневшие губы раздвинулись, обнажив зубы, тело начало *пульсировать*. Не дрожать, а именно пульсировать — так, по крайней мере, казалось в полумраке наблюдавшим это участникам сеанса.

— Ты хочешь знать? — спросил Лещук голосом, который не был его голосом. — Хорошо. Хорошо. Я тебя прощу. Увидишь. Сейчас увидишь. Сначала себя, потом тебя.

Он вырвал руку и поднял ее, проведя пальцем себе по горлу:

— Вот так я тебя прощу! Вот так прощу себя и тебя!

Он вырвал вторую руку, встал, шатаясь, и начал обеими руками совершать странные движения. Как будто что-то засовывал себе в рот. А затем лицо его побагровело, и он рухнул на пол. Захрипел…

У докторши сделался нервный припадок, она упала со стула. Молодые супруги попросту сбежали. Хинч и профессор бросились на помощь Лещуку. Но как ему помочь? От чего спасать? Лещука душило что-то незримое — казалось, здесь ничего невозможно сделать.

Хинч лихорадочно пытался разбудить Лещука. И наконец, когда все уже думали, что он умер, усилия ясновидящего возымели действие: парень очнулся и тут же перестал задыхаться. Теперь он дышал глубоко и ровно.

— Где я? — прошептал Лещук.

Его перенесли наверх. Дом словно вымер. Пе-

репуганные постояльцы пансиона укрылись в своих комнатах.

— Где Майя? — вдруг спросил профессор. Они начали звать ее, но девушка не откликалась. Она должна была ждать в маленькой гостиной. Хинч обнаружил ее лежащей на полу без сознания.

Девушку быстро привели в чувство.

— Что с вами?

— Я упала в обморок.

Она ничего не помнила. Только то, что сидела здесь, как ей и велели. Больше ничего. Хинч с облегчением выдохнул, осмотрев небольшие ранки, которые Майя получила при падении.

— Ну, могло закончиться и хуже — для вас обоих.

— Ваш эксперимент удался? Вы что-то узнали?

— Тихо, тихо. Отдохните немного, а мы тем временем все обдумаем.

Хинч зашел к Лещуку, который, совершенно измученный, лежал на кровати. Он ни о чем не спрашивал. В его глазах, широко открытых и неподвижных, застыли смертельные, почти животные тоска и тревога. Хинч попытался сказать ему несколько успокаивающих слов, но юноша нервно проговорил:

— Молчите. Не хочу знать. Ничего не хочу!

«Плохо дело, — подумал ясновидящий. — Долго он так не выдержит».

Они с профессором, не отходя от дверей комнаты, подробно обсудили сеанс.

— Мне кажется, дорогой профессор, — говорил ясновидящий, — что мы присутствовали при некой сцене, которая разыгралась в старой кухне. Лично у меня почти нет сомнений. В Лещука вселился Франек.

— Разве такое возможно? — прошептал профессор.

— Да, подобное случается во время сеансов. Впрочем, не стоит сразу относить случившееся к области сверхъестественного. Мы не знаем, как это происходит, потому что не до конца понимаем свойства собственной психики, но на сеансах через посредство медиумов порой проявляются другие личности. В данном случае это Франек.

— Да. Такое можно было предвидеть.

Профессор достал фотографию. В самом деле, Лещук теперь напоминал Франека.

— По-моему, мы уже знаем, что случилось в тот роковой день в старой кухне, — продолжал Хинч, — и, думаю, вы со мной согласитесь. Мы присутствовали при последнем разговоре Франека с князем; разговоре, во время которого юноша

совершил самоубийство. Он покончил с собой при помощи того самого полотенца — засунул его себе в рот и обмотал им шею, мы все это видели. То есть задушил себя полотенцем на глазах у несчастного князя. Это объясняет движения Лещука во время сеанса. Почему князь не помешал ему? Быть может, его парализовал ужас? А может, он физически не сумел этого сделать?.. А вот этот жест, когда Лещук провел пальцем по горлу, — вдруг задумчиво произнес ясновидящий, — как вы думаете, не тот ли это знак, который мы ищем?

Но профессор лишь пожал плечами:

— Я тысячу раз испробовал этот жест с князем и Зюлковской — никакого результата. И потом, это ведь не было знаком прощения. Скорее угрозой.

И профессор повторил жест Франека, но внезапно замер.

— Нет, не совсем так, — пробормотал он.

— Он сделал это иначе, — подтвердил Хинч, в свою очередь пытаясь воспроизвести жест Франека-Лещука.

— Нет, не так.

— А как же?

Оба стояли в растерянности. Вдруг Сколинский воскликнул:

— Левой рукой!

Да, в этом заключалась разница. Был ли Франек левшой? В любом случае такой жест Сколинский еще не пробовал.

— Я еду к Зюлковской! — воскликнул профессор. — Нужно это проверить.

— Я поеду с вами. — Хинч не слишком доверял проницательности профессора.

— Не лучше ли вам быть здесь? Оставить их вдвоем — после такого потрясения?..

Но ясновидящий не разделял опасений Сколинского.

— Мы поедем на бричке. За час обернемся. Если уж они благополучно пережили сеанс, пока им ничего не угрожает.

На всякий случай Хинч дал Майе подробные инструкции, велев следить за Лещуком, но ни в коем случае не заходить в его комнату.

Непосредственный надзор за больным он поручил Марысе. После этого профессор с Хинчем отправились в сторожку, где остановилась экономка. По дороге они обсуждали оставшиеся невыясненными моменты сеанса.

«Яма»? Что за яма, о которой твердил Лещук? О какой яме шла речь? И почему потом медиум дополнил это слово слогом «Фра»? «Фра» — то

есть Франек? Была ли это какая-то яма Франека? Хинч и профессор терялись в догадках. *Яма — Фраяма — ямая*… Какой смысл крылся в этой тарабарщине?

— «Я Майя», — сказал Хинч. — Но почему «Фра»? А может… Фраяма… «Фра» — Франек. «Я» — то есть он, Лещук. «Ма» — Майя. Погодите, погодите… Неужели медиум хотел таким образом подчеркнуть связь между этими тремя персонажами? Фраяма — то есть существо, состоящее из них троих: Майя, Лещук и Франек, вместе взятые? Можно толковать так, можно иначе. До чего же мало мы знаем о мире и о себе самих!

Зюлковскую дома они не застали. Пришлось довольно долго ждать, пока экономка — в черной шали и огромной шляпе — не вернулась наконец из Копшивы. Увидев профессора, она с отвращением сплюнула.

— Что? Опять вы с этими знаками? Я ничего не помню! — вскричала она. — Оставьте меня в покое, ради бога!

— Минуточку! А это вы помните?

Профессор сделал жест.

— Нет! — крикнула она. — Не помню! Еще чего! И зачем только я сюда приехала?!

— Попробуйте вспомнить. Может, что-то по-

хожее?

— Ага, как же! В огороде бузина, а в Киеве дядька!

Им ничего не оставалось, кроме как сесть в бричку и уехать. Профессор был раздосадован, а Хинч не слишком поверил Зюлковской.

— Экономка что-то скрывает. Вы заметили, как она растерялась в первое мгновение? И потом, если она тогда несла поднос с едой, то, скорее всего, держала его правой рукой. Значит, свободна была только левая, и если она сделала какой-то жест, то именно левой рукой.

— Я выйду здесь, — сказал профессор, когда они добрались до дороги, ведущей к замку. — Самое время возвращаться на дежурство. Но кто это там? Гжегож?

В свете луны они увидели бегущего к ним и машущего руками Гжегожа. Профессор с ясновидящим выскочили из брички.

— Что-то случилось?

— Я вас повсюду искал. Даже в Полыке побывал.

— Что произошло? При этом господине можешь говорить свободно.

— Плохи дела! Да хранит нас Бог! Я бежал предупредить, потому что все очень плохо.

— Да что плохо-то?

— Пан секретарь всю ночь в старой кухне просидел!

Эта новость ошеломила Сколинского и Хинча. Холявицкий — и в старой кухне?

Гжегож в нескольких отрывистых фразах изложил ситуацию:

— Еще вчера я заметил, что с паном секретарем что-то неладно: он все бродил по замку да улыбался, а к князю даже не наведался.

Ночью я заглянул к нему в комнату, а там пусто. Ну, я подумал, что он куда-то отлучился или еще чего… Под утро снова зашел — постель не тронута и никого нет. А сейчас меня что-то дернуло проверить старую кухню. Смотрю — постель смята, будто кто-то на ней лежал.

— Ну?!

— Я сразу к секретарю, а он только рассмеялся, но как-то так… странно… Кажется, будто совсем рехнулся! «Ты, Гжегож, мне не мешай, — говорит, — мне счеты свести надо». А потом велел подать коня и был таков. Я подумал — надо к пану профессору в Полыку бежать скорее, потому что плохи дела! Но встретил тут одного мужика, и он сказал, что господа, мол, по этой дороге поехали, вот я вас и ждал. Надо срочно что-то делать, не то

беда будет! Князь один в замке остался!

Хинч и профессор переглянулись.

— Неужто он совершенно лишился рассудка? — пробормотал профессор.

— Все возможно! — сказал Хинч. — Хуже всего то, что все возможно! Вы с Гжегожем немедленно возвращайтесь в замок. Берегите князя. Я еду в Полыку. Плохо, что мы оставили их одних.

— Что вы задумали?

— Если Холявицкий начнет пакостить, придется его связать. Надо попасть в замок и войти в старую кухню. Мы выбросим это полотенце, сожжем его, уничтожим, чего бы это ни стоило, ибо другого выхода нет! Так дальше продолжаться не может! Я больше не позволю шантажировать себя этой тряпкой, пускай даже в ней засел сам дьявол!

Хинч стегнул лошадь, и бричка понеслась в Полыку. Он не знал, чего ожидать, но был готов ко всему.

Ясновидящий приехал в усадьбу около одиннадцати вечера. Его удивило, что собак еще не спустили.

— Где панна Майя? — спросил Хинч у служанки.

— Панна Майя уехала с паном Холявицким и

велела передать вам это письмо.

Хинч вскрыл конверт.

Уважаемый пан Хинч, прошу меня не искать. Вернусь утром.

Майя

— Долго пан Холявицкий здесь пробыл?

— Нет, недолго. Поговорил с барышней в саду, а потом барышня уехала с ним на линейке. Да, еще старая госпожа из Варшавы приехала!

Тут в дверях и в самом деле появилась пани Охоловская — печальная, с синяками под глазами.

— Не могли бы вы объяснить мне, что здесь происходит? — спросила она.

Только сейчас Хинч заметил всеобщий переполох. Прислуга тащила чемоданы. В глубине дома мелькнули Гнетунская, докторша и Шимчик — все в дорожном платье.

Пани Охоловская развела руками.

— Я только четверть часа как из Варшавы, — сообщила она. — Ездила туда из-за этой ужасной истории с Малиняком. Майю не застала, приехала обратно. Говорят, вы ее привезли. Но что же тут творится? Все хотят покинуть пансион, причем немедленно, ночным поездом! А где Майя? Вы бы, — обратилась она к подошедшим

чиновнице, докторше и советнику, — хоть до завтра подождали.

— Исключено! — отрезала Гнетунская. — Я получила срочное известие. Вынуждена ехать немедленно!

— А я составлю вам компанию! — воскликнула докторша.

— А я позабочусь о вас обеих, — добавил советник.

Молодые супруги тоже собирались в путь. Никто не желал оставаться на ночь в Полыке.

— Паника, — констатировал Хинч, безуспешно пытаясь подыскать для пани Охоловской какое-нибудь приемлемое объяснение. — Боюсь, это я виноват, — признал он наконец. — К сожалению, людей пугают мои… ну, некоторые мои особенности, о которых вы, вероятно, слыхали. А кроме того, я был настолько неосторожен, что после ужина устроил небольшой спиритический сеанс. Вероятно, это и вызвало массовый исход ваших постояльцев.

— Где Майя? — повторила пани Охоловская, словно не слыша Хинча.

Тот же самый вопрос терзал и ясновидящего.

Глава XX

Если до сих пор Майя с недоверием относилась к предположениям Хинча, которые казались ей невероятными и даже абсурдными, то после сеанса она изменила свое мнение. Прежде она в глубине души была убеждена, что Лещук либо просто сошел с ума, либо притворяется безумным, опасаясь наказания за содеянное. Однако теперь девушка и в самом деле начинала верить, что он одержим, что им завладела какая-то потусторонняя сила. Все его действия были явно связаны с той комнатой. Лещук оказался заражен какими-то неведомыми флюидами!

Но ведь коли так, то все возможно! Значит, он по природе своей не таков, каким она его представляла, значит, и это убийство, и его прежние странные поступки связаны с воздействием некой внешней силы? А может, он вообще не убивал Малиняка? Может, старика убило все то же зло? Но тогда получается, что Лещук не лгал, обвиняя ее в убийстве? А если он обвинял ее, то… то вдруг именно эта мысль заставила его бежать из Варшавы, вдруг именно из-за нее, Майи, он по-

грузился в безумие, поддался влиянию комнаты?! А это могло означать, что он ее любит. Однако…

Майя, терзаясь, шагала из угла в угол. Идти к нему или нет? Больше всего девушку мучило, что Лещук с той роковой ночи не выносил ее присутствия, что они оказались разделены. Идти или не идти? А вдруг это ему навредит, вдруг у него снова случится припадок? Но Майя чувствовала, что должна попытаться. Была уверена, что только она сумеет вылечить юношу.

Если он ее любит… Вот бы он ее любил — вот бы действительно именно из-за нее впал в такое состояние! Это бы означало, что его спасение в ее руках и что она для него лучшее лекарство!

И Майя нажала на ручку двери.

Лещук лежал на кровати и даже не дрогнул, когда она вошла. Они молча смотрели друг на друга. Майе стало не по себе.

Каково это — находиться во власти чужой силы? Когда тобой управляют непонятные приступы и в тебе заключен кто-то, могущий в любой момент овладеть твоей душой? Значит, ты ни за что не несешь полной ответственности? Что за ужас, что за нелепость!

— Вы правда думаете, что это я убила Малиняка?

Лещук молчал, но его взгляд оставался тупым и растерянным. Как его убедить? Что ему сказать?

Ей чудилось, будто юноша совершенно перестал ее замечать.

— Может, и не вы, — сказал он наконец, — но мне все равно.

О, эти испуганные, остекленевшие глаза!

— Как же так? — прошептала Майя.

— Ну да. Я все равно пропал, погиб окончательно.

— Я не виновата…

Лещук приподнялся на кровати.

— Вы не виноваты? А кто же тогда виноват? Разве не вы меня искушали всеми возможными способами? Я вам уже сто раз это повторял! Я не от карандаша заразился злым духом, а от вас. Это в вас он сидел с самого начала! Когда вы украли портмоне у Шулька. Когда меня подговаривали. Только из-за вас я подло повел себя в том матче, так что нечего теперь удивляться, что Бог меня покарал.

Майя не знала, что ему ответить. Он был прав. Какой ужасный взгляд! Если бы ее совесть была чиста! Но она, вместо того чтобы приподнять Лещука любовью до своего уровня, презирала его, не доверяла — и сталкивала все ниже.

Как наивно он все объясняет. Мол, это все дьявол, просто дьявол… Хотя, возможно, это и есть самый точный ответ.

Однако больше всего Майю поразило то, что он сказал о бумажнике Шулька.

— Так, по-вашему, я обокрала Шулька?

Майя была близка к тому, чтобы поверить, что это ее рук дело. Она уже ничего не понимала. Значит, он и в этом ее обвиняет?

Но невыносимее всего было его равнодушие! Эта апатия! Этот животный ужас в глазах!

— Не говорите так! — крикнула она. — Это неправда! А впрочем, я вас люблю. Люблю вас! Вы тоже меня любите, я это знаю!

Любой ценой она хотела вырвать его из этого состояния. Неужели она потеряла над ним власть?

— Уйдите, — сказал Лещук медленно. — Не время сейчас для любви. Во мне *это* сидит, а может, и в вас тоже. Если во мне, то и в вас. Откуда я знаю, вы сейчас со мной говорите или… Я не знаю… точно ли это… вы… Знаете что? Я об одном прошу: приведите ко мне священника, я хочу исповедаться.

Майя вышла.

И не сразу осознала, что это было.

Он обвинял ее — ни больше ни меньше! — в том, что и в ней засело «зло». Злой дух. Так он себе это представлял. Подозревал ее. Боялся. А она боялась его. Не могла преодолеть ужас. Они боялись друг друга.

Майя чувствовала, что Лещук понимает это слишком наивно и буквально. И все же столько чудес и аномалий взвихрилось вокруг нее в последнее время, что девушка уже ни в чем не была уверена.

Они боялись друг друга, и этот страх, черный, суеверный, убивал всякую возможность спасения!

Лещук хочет исповедаться… А вдруг это и есть самое мудрое решение, единственно возможное в их ситуации? Позвать священника… Майя не могла поверить, что на самом деле так думает.

Она упала на колени в коридоре и впервые за много лет стала горячо молиться. Девушка не сумела бы объяснить, кому и о чем она молилась. Но она отчаянно взывала о помощи, умоляла кого-то сжалиться над ней и Лещуком.

Воля Майи была полностью сломлена. Беспомощная мысль ухватилась за одно-единственное желание — чтобы все это наконец закончилось. Не важно как, просто довольно этой муки! Она

стояла на коленях в темном углу, спрятав лицо в ладонях. Не замечала, как между пальцами струятся теплые слезы. Затем на нее накатила страшная апатия — столь глубокая, что почти напоминала покой.

Дом, казалось, спал, погрузившись в тишину. Лампа в коридоре светила уже не так ярко.

Что это было? Сон или видение наяву?.. Внезапно Майе показалось, что кто-то поднимает ее и ведет куда-то, ведет сквозь мрак и безмолвие. В пустоте перед ней беззвучно открывались некие двери и тут же захлопывались за ее спиной. Майя догадывалась об этом по тому, как то сгущалась, то рассеивалась тьма. За обступавшими ее стенами все явственнее слышался шум. То ли зов раскачивающихся ветвей, то ли тяжелые волны дождя, бьющие в окно. Все это было одновременно призрачно и реально. Протяни она руки — коснулась бы мокрых стен. Майя откуда-то твердо это знала. И шла вглубь таинственных коридоров без колебаний, доверяя тому, кто ее вел, — кем бы он ни был.

Где-то вдали блеснул огонек. Он все увеличивался, становился ярче. Майя поняла, что это витраж, какие иногда встречаются в коридорах старых монастырей. Хаотичная мозаика цвет-

ных стеклышек, собранная без ладу и складу. Сквозь них она должна была что-то разглядеть. Но рисунок трепетал, линии извивались и переплетались, словно змеи. Напрасно девушка напрягала зрение.

В это мгновение Майя поняла, что не спит. Она хотела разбить витраж, но почувствовала, что не может поднять руки. Она держала их возле лица точно так же, как минуту назад, когда молилась. В пальцах пульсировала теплая кровь, они липли к мокрым от слез щекам. Сквозь пальцы Майя ясно видела свет. Но не ровный, как раньше, а разноцветный.

Она точно не спала! Майя даже слышала собственное дыхание, учащенное, иногда прерывающееся судорожным вздохом. И при этом не могла двинуться с места. Словно была парализована.

Тот, кто находился рядом — да, именно он! — наконец сжалился, видя ее борьбу с собственным бессилием. И наверное, толкнул окошко, потому что хаос цветных стеклышек исчез. Майя заглянула в узкое отверстие в толстой стене. Она знала, что увидит там что-то плохое, что-то страшное. Собрала все свои силы, чтобы преодолеть страх. Потому что должна была, во что бы то ни стало должна была увидеть, что там кроется.

Перед ней оказалась словно бы густая завеса. Странное зрелище. Как будто она смотрела на мир откуда-то снизу или сверху, а не как обычно. Да, точно, снизу. По белой комнатке двигались тени каких-то людей в странных ракурсах. Бродили огромные ступни длинных ног. Туловища казались крошечными, а головы будто вовсе отсутствовали. Одно из видений приблизилось к Майе. Наклонилось к ней. Она увидела сквозь завесу очертания лица, будто знакомого и все же настолько изменившегося, что ее пронзила дрожь. (Нет, во сне она бы не почувствовала этой дрожи.)

Кто это был?.. Наверняка Лещук. Кого еще она могла бы здесь увидеть? Глаза, вылезшие из орбит, с огромными белыми яблоками, как у утопленника. Сизое, опухшее лицо, распухшие, черные, как железо, губы.

Ужас.

Две огромные ладони потянулись к Майе. Пальцы, словно кривые когти, хищно сжимались и разжимались. Но не могли схватить. Натыкались на белую завесу. Путались в ней. Рвали ее, дергали — та не поддавалась.

Вдруг в вылезших из орбит глазах блеснул безумный страх. Когти перестали тянуться к ней.

Одной рукой — левой — существо схватило себя за горло, сдавило… Черные губы раздвинулись в ужасной судороге, обнажив зубы. Другая рука трепетала в воздухе, как крыло подстреленной птицы. Призрак пошатнулся. Некоторое время он беспомощно покачивался, а затем внезапно рухнул, лицом к Майе.

Она услыхала слабый, приглушенный крик. Свой крик. Но в нем было больше изумления, чем ужаса. Потому что в этот момент она поняла: жуткий призрак — это не Лещук.

Кто-то знакомый. Кто?.. Боже, кто это был?.. Да ведь это Гандрыч!.. Точно, Гандрыч.

Видение исчезло. И все же лицо призрака еще оставалось в памяти Майи. Она не могла ошибиться, хотя черты его были чудовищно искажены.

Внезапно вся эта странная картина растаяла. Завеса, белая комната, людские тени… Лишь воспоминание о лице Гандрыча не желало уходить. Откуда здесь взялся Гандрыч?

Майя по-прежнему пребывала в каком-то полусне, но не хотела из него вырваться. Ее мучило неутоленное любопытство. Она ждала, не начнет ли перед ней разворачиваться продолжение видения, которое что-то прояснит, дорасскажет. Кто

вел ее, Майю, по этим коридорам? Зачем показал ту комнату — тоже ведь отчего-то знакомую, подобно тому как знакомо было ей лицо Гандрыча?

Но под сомкнутыми веками больше ничто не желало появляться. Зато возвращалось осознание места и времени. Прошло ощущение оцепенения. Снова возникла боль в усталых коленях и сведенных судорогой пальцах. Мысль, окончательно пробудившись, опять начала работать, принеся с собой тревогу.

Если все это не было сном, что означало это видение? Откуда оно пришло к ней?.. Обрывки воспоминаний не могли сложиться в такую логичную цепочку. Впрочем, точно ли это воспоминания?.. Подземный коридор, ведущий в замок, комната, уже когда-то виденная во сне, лицо Гандрыча? Почему именно Гандрыча, а не Лещука? Почему призрак душил неведомую силу своей собственной рукой, причем именно левой?

Майя все бы отдала за то, чтобы рядом оказался человек, который помог бы ей разобраться. Одной ей было не разгадать эту тайну. Усталость, нервное истощение — это могло бы объяснить сон и сонные грезы. Но ведь она не спала… Неужели это было предчувствие, воплотившееся в видениях,

подсказанных разгоряченным воображением?.. Что же оно предвещало?..

«А Лещука там не было! — констатировала она про себя с изумлением. — Хорошо это или плохо?.. Его *уже* не было или он вообще пребывал за пределами этих кошмаров?..»

Прежде чем Майя сумела убедить себя успокоиться и не придавать значения этим видениям, в глубине коридора послышались тихие шаги. Кто-то шел к ней.

— Пан Холявицкий приехал, — услышала она за спиной неуверенный голос Марыси.

Девушка вскочила. Что ему нужно? Принять его или нет? Но вдруг в замке что-то случилось?

Холявицкий извинился, что явился в такой поздний час, но ему непременно нужно поговорить с ней о важном деле.

Глаза у бывшего жениха блестели, как в лихорадке.

— Пойдем в парк, — предложила Майя, и вот они уже стояли среди высоких деревьев, погруженных в темно-синюю бездну неба.

— Прежде всего хочу тебе сказать, — почти беззвучно произнес секретарь, — что я больше не враг вам — ни тебе, ни Лещуку. Я сдаюсь. Я сильно изменился со вчерашнего дня. Сейчас ты в этом

убедишься. Но прошу сохранить все в полной тайне. То, что я скажу, очень важно.

— Хорошо.

— Ты знаешь о старой кухне в замке и о том, что там происходит?

— Знаю.

— Тогда слушай. До сих пор никто не осмеливался остаться там на ночь. Я тоже до недавнего времени не мог на это решиться. Но позавчера — решился…

Холявицкий глубоко вздохнул.

— Теперь я знаю, что происходит с этим полотенцем, — сказал он. — И специально приехал, чтобы сообщить тебе об этом, потому что… это связано… с тобой.

Майя вздрогнула. С ней? Правду ли он говорит? Но откуда ему известно, что она замешана в этом деле? Ведь если он и слышал о болезни Лещука, то не мог знать ее причин. А может, Сколинский проболтался? Нет, невозможно.

Впрочем, достаточно было взглянуть на секретаря. Если раньше Холявицкий напоминал призрака, то теперь он выглядел как сама смерть.

Майя почувствовала, что у нее сжалось горло.

— О чем ты? — нашла в себе силы спросить она.

Но Холявицкий покачал головой.

— Я не могу рассказать, — прошептал он. — Нельзя… не могу. Даже не спрашивай. Скажу только, что это касается тебя и Лещука… Ты должна сама пойти и увидеть!

— Я?

— Да. Потому что никто, кроме тебя, этого не поймет. Это касается тебя и его. Послушай, что это значит?! Неужели это возможно, что ты… что он…

— Что?

— Ничего! Ничего! Иди. Сама увидишь. Но ты должна пойти сегодня. Сейчас же. От этого зависит буквально все! Его жизнь и… больше, чем жизнь!

— Я не понимаю! Объясни мне!

— Не спрашивай! Но если ты не пойдешь туда, его не спасти!

Майя металась между недоверием и ужасом, между яростью и бессилием…

Она не верила Холявицкому. Чувствовала какой-то подвох.

Почему он взял на себя роль их ангела-хранителя — ее и Лещука? Майя знала, насколько ревнив ее бывший жених.

Но откуда ему знать все это? Может, он хочет

заманить ее в ту комнату? А может, говорит правду?.. Загадочные, туманные слова Холявицкого сводили девушку с ума… Усиливали ее сомнения!

В конце концов она поняла, что должна пойти в замок и увидеть, что там происходит. Пока она этого не сделает, не знать ей ни уверенности, ни покоя. Она и Лещук так и останутся рабами этой тайны, рабами каждого, кто захочет ими манипулировать… или же рабами собственного разбушевавшегося воображения. Будут бояться друг друга. Ни в чем не смогут быть уверены. Если раньше недоверие убивало в них любовь, то что же станется с ними теперь, когда они и в самом деле не знают, кто они такие?

Итак, пойти, увидеть и наконец выяснить, *что это такое*, — да, только так она сможет спасти себя и его! Но что, если Холявицкий намеренно заманивает ее? Вдруг она увидит там то, чего не сумеет выдержать? А может, там ничего и нет, может, отвергнутый жених задумал отомстить? Достаточно взглянуть на него, на его безумные глаза и лицо…

— Ты хочешь, чтобы я пошла туда прямо сейчас, с тобой?

— Да, сейчас самое время. Завтра может быть

слишком поздно.

Майя улыбнулась:

— Неужели? Ну хорошо. Значит, едем.

Она пошла за пальто.

А оказавшись в своей комнате, снова пережила мгновение дикого ужаса.

Майя прижалась лбом к стене — ей казалось, что она вот-вот лишится чувств. Но девушка пересилила себя. Сознание, что она должна спасти Лещука, что она жертвует собой ради него, придало ей сил.

— Я готова, — спускаясь по лестнице, сказала она Холявицкому, который ждал ее, уставившись в землю.

За всю дорогу они не проронили ни слова. С каждым ударом копыт Майя все больше уверялась в том, что секретарь желает ей зла и готовит месть. Но она больше не могла выносить все это! Бояться той комнаты, зависеть от нее, ничего не знать, жить как в тумане, в какой-то пелене.

Увидеть! Убедиться! Проверить! Узнать, наконец! Собственная судьба стала ей безразлична. Слишком многое она уже пережила.

Майя поняла, что в жизни бывают моменты, когда человек должен найти в себе предельную смелость и решиться на предельный риск, если

хочет спасти свое достоинство и свою душу.

— Сюда, — сказал Холявицкий, ведя ее по анфиладе комнат.

Он открыл тяжелую кованую дверь и посветил фонарем.

— Сюда.

Майя подняла голову.

Она увидела белую комнату — ту самую, которая являлась ей во сне. На крюке — пожелтевшее, запыленное полотенце. Ага, это оно. Да, немного дрожит… едва заметно…

— Ясно… — сказала девушка. И удивилась звуку собственного голоса.

Холявицкий взял ее за плечи.

— Останься здесь, — сказал он. — Присядь вот сюда, на кровать — и жди. Прощай…

Он понизил голос.

— Ты этого не выдержишь, — прошептал он. — Не выдержишь!

Лицо Холявицкого исказилось, превратившись в жуткую, зловещую маску.

Майя хотела оттолкнуть его. Но он сам со всей силы толкнул девушку на кровать, а потом выскочил из комнаты, захлопнул и запер тяжелую дверь.

Нечего было и пытаться ее открыть.

В комнате стало абсолютно темно. А Холявицкий говорил ей через дверь:

— Я еще здесь. Но вот-вот уйду. Уйду и оставлю тебя одну. И тогда ты увидишь — увидишь нечто такое, чего не сможешь выдержать! Если только еще раньше не сойдешь с ума от страха. Ну все, я ухожу. А ты остаешься…

Его шаги затихли вдалеке.

Глава XXI

Хинч бросился наверх к Лещуку.

— Вы не знаете, что случилось с панной Майей?

— А что?

— Здесь был Холявицкий. Похоже, она уехала с ним.

Он был так встревожен ее отъездом, что даже не подумал о том, какое впечатление это известие могло произвести на Лещука. Он подозревал секретаря князя в худшем.

— Я ничего не знаю, — апатично пробормотал Лещук.

Казалось, ничто не могло вывести его из состояния тревожного ожидания.

Хинч уже не слушал. Он позвал Марысю.

— Здесь есть какое-нибудь оружие?

— Есть револьвер покойного хозяина и двустволка.

— Принесите мне их, только чтобы хозяйка не видела. И еще патроны.

Коляску подали к крыльцу, и постояльцы уже собрались было рассаживаться, когда в экипаж

вдруг запрыгнул ясновидец с двустволкой и револьвером в руках и, прежде чем Гнетунская с докторшей успели опомниться, швырнул их чемоданы на землю.

— Гони лошадей! — крикнул он кучеру. — В замок! Двадцать злотых на пиво, если будем там через полчаса!

Они тронулись с места. Но в этот момент к коляске подбежал Гандрыч и вскочил на подножку.

— Я вас ждал. Мне нужно вам кое-что сказать! Целых два часа прождал!

— Садитесь! — сказал Хинч. — Расскажете по дороге. Я спешу.

— Куда вы едете?

— В замок!

— Ага, это хорошо, потому что у меня в голове как раз и вертится кое-что, связанное с замком.

Он рассказал Хинчу, в чем дело. С тех пор, как этот пан начал его преследовать, ему все время что-то мерещится… Словно он хочет что-то вспомнить, но никак не может. Как будто с ума сходит. Это что-то связанное с замком. Вот только все никак не вспоминается. Жене рассказал — так она его отругала и погнала работать, но он вместо этого решил пойти в Полыку и посоветоваться,

потому как что-то тут нечисто…

— Послушайте, а вы левша? — неожиданно спросил ясновидец.

— Чего?

— Ну, вам удобнее левой рукой работать?

— Да, левая у меня более справная.

Гандрыч немного удивился вопросу. Но Хинч больше ничего не сказал.

Они уже подъезжали к замку. Однако прежде чем коляска подкатила к воротам, из ночной тьмы выступили две фигуры — Сколинский и Гжегож.

— Нет сомнений, — сказал профессор, — они оба в замке. Крестьяне их видели. Но Холявицкий запер ворота! Внутрь не попасть.

— Пойдемте через подземный ход.

— Это слишком далеко. Да он и там наверняка как-нибудь преградил путь.

Они стояли в растерянности. Вдруг из окна угловой башни раздался голос секретаря:

— Вы с визитом, господа?

Холявицкий смеялся. Злорадствовал!

— Панна Майя в замке?

— Как вы угадали?!

— Я хочу с ней поговорить. Немедленно.

— Это невозможно! Панна Майя сейчас в старой

кухне! Сама захотела! Решила выяснить, что там происходит, и просила ей не мешать! Так что, к сожалению, я не могу вас впустить.

— Я хочу поговорить с князем.

— Князь спит.

— Откройте, или мы выломаем ворота.

— Ах, даже так? Увы! Панна Майя приехала сюда добровольно и, как я уже сказал, велела ей не мешать. А в замок я вас потому не впущу, что князь запретил.

— Дайте мне поговорить с князем.

— Что ж, ладно! Вот вам князь.

И через мгновение в окне действительно появился Гольшанский.

— Прошу вас уйти! — закричал старик, размахивая руками. — Никого не впущу! Запрещаю! Это мой замок! Прочь! Прочь!

Профессор выступил вперед.

— Князь! — воскликнул он. — Ведь это же я! Ваш гость! Я ведь живу у вас в замке! Впустите меня, прошу вас.

Но старика точно подменили. Он продолжал неистово махать руками.

— Прочь отсюда! Прочь! Не позволю! Франек запретил! — вдруг прокричал он, словно в каком-то экстазе. — Франек! Нельзя сюда никого впускать!

И седенькая, птичья головка резко исчезла, как если бы князь рухнул на пол. В окне снова появился Холявицкий.

— Как видите, господа, князь не изменил свое решение, — заявил он официальным тоном.

— Послушайте, — обратился к нему Хинч, — давайте не будем играть в эти детские игры. Вы не хуже меня понимаете, в каком князь состоянии. У нас есть основания полагать, что вы злоупотребили доверием панны Майи. Вы хотите, чтобы мы применили силу?

— Ах вот как? Что ж, в таком случае я готов поговорить с вами, но наедине, без свидетелей. Подойдите к воротам — побеседуем через глазок.

Хинч подошел к воротам, и в маленьком окошке, в полумраке, показались губы Холявицкого.

— Сударь, — насмешливо говорили эти губы, — как видите, закон на моей стороне, ведь у меня есть официальный запрет князя, а Майя приехала сюда по собственной воле. Бедняжка захотела самолично проверить, что за привидение живет в старой кухне, ибо вообразила, будто эта нечистая сила овладела ею и ее парнем. Кажется, вы немало поспособствовали тому, чтобы она начала так думать.

— Да не о том сейчас речь. Мне ведь тоже важ-

но, чтобы она провела ночь в этой кухне.

— Видите ли, — продолжали губы, — я уже отказался от сокровищ и от любви Майи. Однако у меня есть к ней счеты, и я надеюсь, что та комната за меня поквитается.

— Предполагаю, что так оно и будет, ибо профессор тоже провел ночь в старой кухне и рассказал мне, что там происходит.

— Профессору удалось сбежать, а она не сбежит. И имейте в виду — если вы доведете меня до крайности, я возьму револьвер и убью ее, князя и себя! Могу вас заверить, что жизнь больше не представляет для меня ценности. Решение за вами. Хотите, чтобы я ее убил, — штурмуйте ворота. Но, по правде говоря, я предпочел бы избежать столь радикальных мер. Я рассчитываю, что за меня отомстит комната и мне не придется самому марать руки. Ну так как? Что вам подсказывает ваш здравый смысл? Если вы спокойно подождете, шанс есть: выйдет Майя из той кухни живой — я ее выпущу, атакуете — участь и девушки, и князя предрешена.

— Зря вы думаете, что таким образом избежите наказания, — сказал Хинч.

— О, никто ничего не докажет, — беззаботно ответили губы. — Ведь она черным по белому

написала, что идет в замок добровольно. Я ее не похищал. И то, что князь не разрешает вас впускать, — не моя вина. Правда, должен сознаться, я наконец-то отгадал знак… Князь теперь в моей власти. Что ж, до свидания, милостивый государь.

И Хинч услышал язвительный отрывистый смех и звук удаляющихся шагов.

Ясновидец вернулся к профессору в совершенном отчаянии. То, что они оказались абсолютно бессильны, буквально убивало его.

Ждать?! Ждать, пока Майя поплатится жизнью или здоровьем за свой безрассудный поступок?! Ждать, пока Холявицкий отомстит князю, послушному его воле?! Безвольно ждать, пока он сталкивает их обоих в какую-то пропасть, откуда нет возврата?!

— Как она могла?! — в отчаянии шептал профессор. — Как она могла?!

— Вот бы пробраться туда и обезвредить секретаря или даже застрелить, прежде чем он исполнит свои угрозы… — бормотал Хинч. — Это ужасно. Она там одна! Одна!

— Я был в той кухне. Знаю, что это такое. Она не выдержит. Особенно сейчас, когда она истощена, ослаблена психически из-за стольких пережива-

ний. Храни ее Господь!

Освещенный луной замок подавлял их своей мощью. Стены уходили ввысь, в черно-фиолетовое небо. Двое безумцев — и Майя с ними…

— Если Холявицкий покажется в окне, стреляйте, — приказал Хинч, заряжая двустволку.

Он ненадолго закрыл глаза.

Мысль о том, что Майя и старый князь находятся во власти этого сумасшедшего, что мерзкая сила белой комнаты сделалась орудием в руках негодяя, который в своей безумной ревности окончательно утратил человеческий облик, была ужасна. Что же делать?!

В это мгновение он увидел Лещука, который стоял среди деревьев, опираясь на велосипед. Боже, еще один ненормальный!

Неожиданное появление юноши очень не понравилось Хинчу. Несмотря на темноту, было видно, что Лещук бледен как смерть.

— Что вы здесь делаете? Возвращайтесь в Полыку! Вам здесь не место!

— Она в старой кухне? — спросил юноша дрожащими губами. Велосипед упал на землю.

— Ну и что с того? Да! Но вы только помешаете! Уезжайте!

Лещук посмотрел на Хинча:

— Зачем она туда пошла?

— Уезжайте!

— Нет. Она там. Она нарочно пошла туда, чтобы все выяснить. Нельзя ее бросать. С ней будет то же, что со мной, или даже хуже.

— Мы ее спасем, — ответил Хинч, хотя и сам не верил в то, что говорит.

— Нет, — глухо возразил Лещук, — потому что Холявицкий мстит. Это все из-за ревности. Я вижу только один выход. Пусть он запрет меня вместо нее. У него и ко мне есть счеты. Я для него более ценная добыча, чем Майя.

И парень вышел вперед.

— Эй, вы! — крикнул он.

Тишина…

— Эй! — повторил Лещук.

— Что еще? — Секретарь предусмотрительно не показывался в окне. — Кто это говорит?

— Выпустите панну Майю, а я войду в ту комнату.

— Как это?

— Дайте слово, что выпустите ее, — и я останусь у вас. Я тоже хочу посмотреть, что там происходит. Договорились?

Воцарилось молчание.

Лещук справедливо предполагал, что секретарь

ненавидит его даже больше, чем Майю. Предложение было заманчивым.

— Нет! — ответил наконец Холявицкий. — Вы хотите пробраться сюда, чтобы напасть на меня. Не верю!

— А если эти господа свяжут меня? Да, пускай они меня свяжут. Вы сможете это проверить — они свяжут меня здесь, перед воротами, на ваших глазах. А потом отойдут, и вы сможете втащить меня в замок и делать со мной все, что пожелаете.

— Дурак! — прошептал Хинч. — Это безумие! Он схватит тебя, а ее не выпустит. Ты этого не выдержишь!

— Выдержу, — упрямо ответил Лещук. — Если она выдержит, то и я тоже!

Хинч, Сколинский и Гжегож окружили его. Они были уверены, что у Лещука опять припадок безумия. Но нет, парень прекрасно отдавал себе отчет в том, что намеревался сделать.

— Разумеется, он ее не выпустит, но это не важно. Если он запрет меня в комнате, Майя по крайней мере будет там не одна! Вдвоем всегда легче! Пускай даже я не смогу ей помочь, ей все-таки будет не так страшно!

Лещук говорил быстро, горячо, желая как мож-

но скорее убедить Хинча и профессора.

— Неизвестно, что ей может там привидеться! Я хочу быть рядом! А если он меня сразу прикончит, значит так тому и быть! Лучшего выхода все равно нет. Если у вас имеется другой вариант, говорите!

Хинч вынужден был признать, что другого варианта нет. Они были абсолютно бессильны.

— Если вы его как следует свяжете здесь, перед воротами, на моих глазах, — раздался голос Холявицкого, — а потом отойдете на двести шагов… Тогда ладно, согласен. Не возражаю. Хочет геройствовать — пускай, я не против.

— Свяжите меня постромками, — сказал Лещук, ложась на землю.

Гжегож бросился к нему:

— Вы что! Да разве можно?! Связать его и отдать, как свинью на убой! Это все равно что убить своими руками! Пусть кто-то другой его вяжет, а я не стану!

— Ни в коем случае! — шептал Сколинский, оттаскивая Хинча. — Не забывайте, что Лещук уже заражен! Если Холявицкий запрет его вместе с Майей в страшной комнате, последствия могут быть непредсказуемыми!

— Давайте же, вяжите меня! — терял терпение

Лещук. — Вяжите! Я не боюсь! Если она осмелилась, то и я осмелюсь! Я не страшусь ни его, ни привидений! Вот вам крест, не страшусь! Я справлюсь! Говорю вам — справлюсь! Пусть хоть сам дьявол… Я не боюсь, и ничего он мне не сделает! Ничего!

Хинч провел рукой по лбу.

Эта затея казалась столь же безумной, сколь и безнадежной. Отдать этого парня, связанного и беззащитного, на растерзание разъяренному сопернику?

Кто знает, что он с ним сделает? Предположим, запрет в кухне вместе с Майей — и тогда у Лещука непременно случится новый приступ. А вдруг секретарь разобрался в тайнах белой комнаты лучше их, вдруг его расчеты вернее?

Нет, лишь последняя степень отчаяния могла породить подобную идею! И все же… он начинал верить, что Лещук сможет поддержать и спасти Майю.

Юноша словно бы изменился… Это был уже не тот прежний Лещук, деревенский парень, напуганный духами и чертями и покорно ожидающий новых припадков безумия. Откуда в нем эта перемена?

Хинч оглядел юношу, лежавшего на земле и

дожидавшегося, пока его свяжут. Да! Лещук перестал бояться! Было очевидно, что он не боится и не станет бояться, что бы ни случилось. Он не боится! Он дошел до той грани, за которой человек готов на все, готов пойти на любой риск, выдержать даже то, что превосходит его силы.

Что же так изменило его?

— Господа! — сказал Хинч. — Берите постромки и вяжите!

И они принялись связывать Лещука. Когда они закончили и отошли на двести шагов, ворота открылись и секретарь втянул Лещука внутрь, точно паук — муху.

Наступила тишина…

Профессор взглянул на часы.

— Почти два, — сказал он.

Что сталось с Лещуком? Запер ли его Холявицкий в комнате? Что с Майей, которая ждала там? Что с князем?

Муки бессилия! Им оставалось только ждать. Время шло. Когда же наступит рассвет?

— Это бесполезно! — убивался Сколинский. — Мы обрекли их на верную гибель! Если даже они выберутся целыми из той комнаты, Холявицкий все равно прикончит обоих. Он не выпустит их живыми! Это исключено!

Но все же существовал крошечный шанс, что Холявицкий не решится на убийство. Если он запер Лещука в старой кухне, то Майя развяжет его, и тогда они смогут оказать врагу сопротивление. Или секретарь одумается, испугается ответственности… А может, случится что-нибудь неожиданное? Если же они попытаются ворваться в замок, то тогда никаких шансов — Холявицкий выполнит свою угрозу.

Поэтому, объятые страхом и тьмой, они ждали, молясь о спасительном рассвете.

Профессор, живо помнивший свои переживания в старой кухне, упал на колени и, закрыв лицо руками, дрожал всем телом.

— А где Гандрыч? — вдруг спросил ясновидец.

Только теперь он заметил, что крестьянин куда-то исчез. Он-то собирался послать его в деревню — звать людей на помощь.

Внезапно тишину разорвал жуткий крик. Они в смятении замерли. Это кричала Майя.

Окна старой кухни не было видно — его загораживала внешняя стена замка, — но этот крик, свидетельство крайнего ужаса, донесся именно оттуда.

И вновь тишина… мертвая тишина.

— Довольно! — крикнул Хинч. Они бросились

к воротам и начали ломиться в них. Створки поддались. Хинч, Гжегож и профессор ворвались в замок и наугад помчались по темным лестницам.

На втором этаже они услыхали стрельбу. Это старый князь палил из револьвера, выкрикивая после каждого выстрела:

— Не позволю! Не позволю! Прочь! Не мешайте! Франек!

Хинч бросился на Гольшанского и повалил его на пол.

Они побежали дальше, к страшной комнате.

Однако дверь, ведущая в маленькое помещение, которое отделяло кухню от остальных частей замка, захлопнулась перед ними, а она была такой же тяжелой и массивной, как и все здешние двери.

Хинч стал колотить в нее кулаками.

Они услышали размеренную, отстраненную речь Холявицкого:

— Погодите! Не торопитесь! Сначала я разберусь с ними, потом с вами, а потом с собой. Отлично…

И секретарь, судя по звукам его шагов, направился в сторону старой кухни. Он не спешил — был уверен, что дверь выдержит, пока он ста-

нет *разбираться* с Лещуком и Майей.

Хинч начал стрелять в дверь из револьвера, а профессор — из двустволки. Это был акт отчаяния. Даже револьверные пули застревали в дереве, что уж говорить о мелкой дроби.

К ним подбежал князь.

— Я запрещаю! Запрещаю! Франек! Франек там! — кричал он. — Франек пришел! Вы хотите его убить! Прочь отсюда, он сейчас выйдет!

Профессор и Хинч как по команде перестали стрелять. Они прислушивались…

Прислушивались — не донесутся ли до них выстрелы Холявицкого или еще какие-нибудь звуки? Что там происходит?..

Время тянулось мучительно.

— Говорю вам, Франек вернулся, он простит! Я видел знак! — бормотал князь.

Вдруг опять раздались шаги — медленные шаги секретаря, и дверь открылась.

Они накинулись на него. Но вместо того чтобы защищаться, Холявицкий тихо, растягивая слова, проговорил:

— Взгляните же, господа… взгляните же… прошу вас…

И, не в силах больше произнести ни слова, он указал в сторону старой кухни.

Тон его был так странен, что все на мгновение замерли.

Дверь старой кухни была полуоткрыта. Хинч, профессор, князь и Гжегож приблизились к ней — и остолбенели.

Майя с Лещуком бесследно исчезли. Вместо них посреди комнаты стоял Гандрыч. Он озирался вокруг, и взгляд его был мутным, словно у человека, который только что пробудился от глубокого сна. И ни намека на полотенце.

— Где они?! — закричал Хинч. — Что вы с ними сделали, убийца?!

Он схватил секретаря за плечи. Но тот — оцепеневший, с вытаращенными глазами — продолжал указывать на Гандрыча, шепча:

— Я ничего не делал!

Внезапно князь упал перед Гандрычем на колени и протянул к нему руки. Лицо Гольшанского было залито слезами.

— Франек, — проговорил он. — Франек!

— Откуда вы здесь взялись? Это вы? Вы — Гандрыч? — спрашивал Сколинский, осознавая всю нелепость своих вопросов.

Но хуторянин ничего ему не отвечал и только, неуверенно обводя взглядом стены, говорил, словно сам себе, в глубоком смятении:

— Я… я уже был здесь… был… когда-то…

А потом он потерял сознание.

Но не успело еще его тело коснуться пола, как Холявицкий с безумным воплем выскочил из старой кухни.

Хинч, профессор и Гжегож застыли тремя немыми знаками вопроса.

Глава XXII

…Майя даже не пыталась стучать в дверь, которую захлопнул Холявицкий. Не умоляла, не кричала. Она знала, что это бесполезно. Девушка села на кровать и сидела неподвижно, в ожидании…

Чего?

В комнате было темно… Майя не могла разглядеть ту отвратительную штуку, что шевелилась на крюке, но знала, что она там есть — и движется.

Сначала Майе казалось, что все не так страшно, как говорил Сколинский и как она себе навоображала. Она даже была рада, что наконец разберется в том, что тут происходит. Ей мнилось, что она готова ко всему.

Время шло. Сидя в потемках, Майя чувствовала, как движение полотенца делается все более интенсивным, как растет бьющаяся на крюке неведомая ярость.

Девушка упорно пыталась размышлять, строя все новые догадки о том, что же это такое.

Напрасно всей силой воли Майя пыталась от-

влечься от полотенца, стараясь думать о вещах рациональных и конкретных. Душу ее терзал вопрос: что будет дальше? Что родится из этого движения? Набросится ли на нее это *нечто*? Или просто *покажется*, потому что одного его вида достаточно, дабы сломать человека навсегда? А может, это *нечто* войдет в нее? Заразит, овладеет ею, как Лещуком, и тогда она…

Да вдобавок еще эта уверенность в том, что не будь Холявицкий абсолютно убежден, что она этого не выдержит, он бы не запер ее здесь, не привел бы сюда…

Мрак.

За окном послышались голоса. Майе показалось, что один из них принадлежит Хинчу, но она не была уверена… а подойти к окну сил уже не хватило. Угол, где шевелилась тряпка, был совсем рядом. Девушка чувствовала, что слабеет. Напрасно она повторяла себе, что пришла сюда по собственной воле, что способна преодолеть животный ужас, что от этого зависит и ее судьба, и судьба Лещука.

Вместо того чтобы собраться с силами, она теряла их в этой тьме и уже чувствовала, как дрожит лицо, как выступает на лбу холодный пот, как надвигается смертельная паника.

Майю удерживали на плаву лишь остатки гордости. Нет, она не сдастся. Выстоит. Не позволит этому, шевелящемуся на крюке…

Но зубы у нее уже стучали. А судорожные движения там, в углу, явно становились интенсивнее.

— Боже! Боже!

Вдруг она услышала, как приближается Холявицкий, — но шаги его были тяжелыми и он что-то говорил. Сам себе?

Дверь отворилась. Майя бросилась к порогу. Она уже готова была умолять Холявицкого, чтобы он ее отпустил.

Но тут что-то больно ударило ее и упало на пол, а когда она в ужасе отпрянула, бывший жених уже захлопнул дверь. Сказал только: «К тебе гость! Развлекайтесь!» — и шаги его стихли вдалеке.

Майя никак не решалась заговорить. Наконец она услышала прерывистый, будто захлебывающийся голос… Лещука.

— Это я.

Собрав всю свою волю в кулак, девушка прошептала изумленно:

— Но откуда?

— Развяжите меня, — услышала она вместо

ответа.

Майя наклонилась к нему, и Лещук, пока она возилась с узлами, шепотом объяснил, что случилось и почему он позволил связать себя.

Майе казалось, что здесь нельзя разговаривать, что звук человеческого голоса тревожит *нечто* в этой комнате, провоцирует его…

С одной стороны, появление Лещука вырвало ее из оцепенения — все же теперь с ней, в этом бесчеловечном месте, был человек, и это успокаивало. Но вот с другой… Стоя рядом с ним в темноте, девушка боялась, что он от страха сойдет с ума и набросится на нее, или сделает еще что-нибудь, или забьется в припадке, — и это только усиливало ужас.

Если она боялась, то что уж говорить о нем!

Майя не видела Лещука. Не могла понять, в каком он состоянии.

Оба молчали.

— Где это? — вдруг спросил юноша. — В какой стороне? Там?

Он взял ее за руку и указал направление.

— Да.

— Оно двигается?

— Двигается.

Они продолжали молчать. И снова — бес-

предельное отвращение, ужас, нарастающее в тишине безумие, судорожные подергивания полотенца. Майя думала, что именно теперь, раз он оказался здесь, все и начнется: между ними обязательно должно что-то произойти, этого не избежать! И его присутствие в темноте не успокаивало, а пугало еще больше. Вдруг в следующее мгновение его охватит безумие и случится что-то чудовищное? Да, видимо, так уж им обоим суждено!

Прижавшись к стене, она не смела пошевелиться. Ждала. И не решалась ни о чем спросить, потому что была уверена: если услышит в его ответе хотя бы толику страха, то не выдержит и рухнет в бездну ужаса! Она была уверена, что перепуганный Лещук не в силах двинуться с места, не в силах заговорить.

И вдруг услыхала:

— Ну и что? Ерунда какая… Я-то думал, тут и правда что-то необычное творится…

Майя судорожно схватила его за руку:

— Вы не чувствуете?.. Как оно двигается? Двигается!

Лещук рассмеялся:

— Да ничего я не чувствую! Вам кажется! Чтó там может двигаться! Если хотите, я выброшу эту

тряпку в окно, и дело с концом!

Он что, с ума сошел? Забыл, где находится? Тон Лещука показался Майе непростительно легкомысленным.

— Тише!

Но парень уже сделал несколько шагов вглубь комнаты.

Майя обмерла. Сейчас! Вот сейчас он дотронется до этого полотенца! И что-то непременно случится! Нельзя, нельзя его трогать! Ей казалось, что-то лопнет, застонет, явится…

А Лещук тем временем возился в страшном углу. И насвистывал! Да-да, тихонько насвистывал!

— Никак не могу нащупать. Ага, вот оно! На крюке висит? Да обычное полотенце — и больше ничего! Чушь собачья. Все, долой его!

Майя увидела силуэт Лещука на фоне окна — и движение руки, которой он вышвырнул полотенце. Ей показалось, что его волосы выглядят как-то странно.

— Конец нашим страхам! А если этот Холявицкий сунется сюда, я ему морду набью. Надо просидеть здесь до утра, а потом…

Он не договорил.

Железная плита печи, стоявшей у стены, при-

поднялась и, сорвавшись с петель, с грохотом ударилась о каменный пол. Будто что-то взорвало печь изнутри.

Майя вскрикнула.

Там, внутри, что-то копошилось, двигалось и дышало — какая-то масса.

Наконец тускло вспыхнула спичка. И в ее свете Майя увидела высокую, статную фигуру Гандрыча, который медленно вылезал из развалин печи. Он хотел что-то сказать, но в этот момент где-то вдалеке раздались выстрелы.

— Бегите туда! — крикнул Гандрыч. — Здесь есть проход! Живо!

Майя и Лещук скрылись в провале печи, а крестьянин остался в кухне. Он озирался вокруг с лицом сосредоточенным и скорбным.

— Я здесь уже был, — шептал Гандрыч.

Эпилог

— Итак, — говорил Хинч, входя вместе с профессором Сколинским в старую кухню, — мы можем примерно реконструировать трагедию, которая здесь когда-то произошла.

Было светло. За окном щебетали птицы. Без полотенца помещение выглядело мирно и уютно.

— Давайте же представим себе, — продолжал ясновидящий, — события той последней ночи, когда Франек дошел до крайнего предела ярости. Князь, как всегда, стоял под дверью и умолял простить его. Франек отвечал насмешками. «Я тебя прощу!» — кричал он, проводя пальцем по горлу, что означало: он зарежет и себя, и отца. Видите эту щель в двери? Сквозь нее князь и приметил жест Франека. Затем в приступе ярости несчастный парень схватил полотенце и принялся душить себя, сунув его в рот и обмотав вокруг шеи. Князь лишился чувств. А когда очнулся, обнаружил мертвого Франека.

Они склонились над печью.

— Да, — сказал профессор, — внизу пробито отверстие, своего рода дымоход, который ведет в

подвал. Вероятно, когда-то здесь что-то пытались перестроить, но не довели дело до конца.

— Я вижу, как это происходит! — Хинч прикрыл глаза. — Князь, очнувшись, окончательно теряет рассудок. Врывается в кухню, не зная, что делать с телом, хочет скрыть от себя и других ужасное происшествие, в спешке, в приступе безумия, засовывает тело в печь — и оно проваливается вниз!

Профессор высунул голову из печи.

— Ага! Теперь я понимаю, почему князь устроил себе то святилище в подземелье. Это было место, куда, по его расчетам, упали дорогие ему останки.

— Он не знал, что этот дымоход соединен с подземным ходом, ведущим за пределы замка. Не знал, что Франек не задохнулся, а лишь потерял сознание. Ему просто в голову не пришло, что задушить себя подобным образом практически невозможно. И разумеется, он не знал, что Франек, выбравшись из замка, вследствие нервного потрясения полностью потерял память.

— Удивительно, что никто из местных не признал в Гандрыче Франека, — заметил профессор.

— Я спрашивал его об этом, — ответил Хинч. — Он рассказывал, что очнулся спустя несколько

недель в Люблине, больной тифом. К счастью, о нем позаботились. Ну а потерю памяти списали на болезнь. Там он встретил свою нынешнюю супругу. Вернулись они сюда лишь спустя много лет. Жена единственная догадывалась, что ее Гандрыч имеет какое-то отношение к слухам о Франеке и к замку, но, конечно же, молчала. А князь? Князь, как это случается с безумцами, цепляясь за последнюю надежду, внушил себе, что этот жестокий жест Франека был знаком прощения! И ждал, что Франек простит его, как обещал.

— Значит, Холявицкий просидел здесь до утра, но ничего не увидел. Откуда же он тогда узнал о знаке?

— От Зюлковской. Экономка вступила с ним в сговор и рассказала о том, что мы выяснили во время сеанса. В кухне он и впрямь ничего не увидел, хоть и провел здесь всю ночь. Полотенце двигалось сначала сильнее, а потом слабее. Но больше ничего не произошло.

— Значит, никакой нечистой силы здесь не было? — разочарованно уточнил Сколинский.

— Не было. Только полотенце колыхалось.

Они покинули старую кухню и вышли во двор.

Солнце припекало. Яркий полуденный свет

обнажил мрачное запустение древнего замка. Пучки трав, выросшие между расшатавшимися камнями фундамента, потрескавшаяся штукатурка, рыжие пятна замшелого кирпича, серые потеки, зеленый лишай на стенах…

— Через несколько лет все это придет в окончательный упадок, — с грустью пробормотал Хинч.

— Поглядим.

— Вы хотите отремонтировать эту развалюху?

— Моя договоренность с князем пока такого не предусматривает. Ведь наследник — Гандрыч, а я — всего лишь хранитель замка, да и то это слишком громко сказано. Мое дело — позаботиться о движимом имуществе, провести экспертизу, передать ценные предметы в музеи…

— Замок скоро превратится в руины, — напомнил Хинч.

— Будущее покажет. Конечно, если никто о нем не позаботится, он обязательно рассыплется. Но у князя еще есть время все обдумать.

— Вы так полагаете?

— Я вижусь с ним каждый день и считаю, что он возвращается к жизни. Старик был похож на свой замок. Его психика словно бы покрывалась паутиной и пылью. И негодяй Холявицкий внес в это свою немалую лепту. Он мучил князя,

издевался над ним, то разжигая надежду, то насмехаясь, а то и угрожая и запугивая. Секретарь умело использовал стариковскую манию, хоть и не понимал ее причин. Подлец, холодный, расчетливый подлец.

— Но в конце концов он сам запутался в своих подлостях.

Профессор задумчиво сшибал тростью огромные лопухи и колючий чертополох, разросшиеся у стены.

— Таков конец любой подлости.

— И что? Выкарабкается он?

— Откуда? А, вы имеете в виду ранение?.. Наверняка. Врачи сразу сказали, что оно легкое. Доктор утверждает, что так стреляются два типа самоубийц: либо комедианты, либо трусы. Пуля в грудь?.. Ну да, ну да… Два сломанных ребра, порванные мышцы… Впрочем, пуля в этом старинном стволе действительно сидела огромная. Но секретарь выживет.

— Князь ничего не знает?

— Ничего. Он еще не пришел в себя, когда мы увозили Холявицкого. Гжегож не проговорится, хотя бы из привязанности к старику. Гандрыч тоже.

— Франек. А что Франек говорит о княжеских

планах?

— Кажется, ничего не имеет против.

— Значит, в конечном итоге вы, профессор, свою партию выиграли. Замок останется в руках князя и Франека, а движимое имущество отправится доживать свой век в музеях? Как вы и мечтали?

— Надеюсь. Но мне бы хотелось, чтобы и замок не пропал. Эти старые стены могут простоять еще много лет. Снаружи — развалины, но сердцевина крепкая. Сплошной камень. Надо только заменить перекрытия, полы, укрепить фундамент, заново оштукатурить — это воскресило бы мертвеца.

— Так же, как мы воскресили князя.

— Ну, здесь понадобится куда больше трудов. Потребуются немалые усилия и немалые вложения. Но я позабочусь о том, чтобы деньги нашлись. Да они и окупятся, ведь в этих старых покоях столько всего можно разместить! Приют, школу, музей… Да можно даже не вывозить здешние сокровища, а оставить их в замке, создав правильные условия хранения.

Они обходили по периметру мрачные стены, шли вдоль замкового рва, спотыкались на разбитых плитах двора, проваливались в заросшие

бурьяном ямы.

— Просто иллюстрация к сказке о спящей красавице, — радовался профессор, указывая тростью на башню, возвышающуюся над словно пораженными проказой стенами и трухлявыми зубцами.

— Но здесь уже пробуждается новая жизнь. Взгляните, профессор. Гжегож открывает окна, жена Гандрыча что-то стряпает на кухне, а Франек командует новыми работниками. Скоро все тут изменится.

— Злые чары рухнули. Роль отравленного яблока сыграло…

— Полотенце, — совершенно серьезно закончил Хинч. — Оно должно валяться где-то здесь, если, конечно, его за это время никто не подобрал.

— Вот тут, — сказал профессор, ведя Хинча вдоль стены. — Вон окно старой кухни.

— Где же оно? Ага, вот и наш фокусник! — Хинч указал на белеющую в траве тряпку.

Выброшенное Лещуком полотенце лежало у самой стены и совершенно не выглядело опасным. Однако оба господина смотрели на него недоверчиво и держались на расстоянии.

Профессор сглотнул. Несмотря ни на что, он ощущал жуткое отвращение к этому куску ткани, который, казалось, по-прежнему трепетал и

сжимался, хоть и почти незаметно.

— Надо его сжечь, — сказал он с омерзением.

— Ну уж нет! — возразил ясновидящий. — Полотенце и карандаш — единственное, чего мы во всей этой истории так и не сумели понять. Я заберу его в Варшаву и отдам ученым. Пускай они хорошенько его исследуют. Посмотрим, что это такое! Какая энергия им движет.

— Только будьте осторожны! Помните, что с подобным нельзя играть безнаказанно!

— Ох! — сказал Хинч. — Чем дольше я размышляю над здешними тайнами, тем больше склоняюсь к мысли, что безумие Лещука лишь в малой степени вызвано флюидами полотенца, — впрочем, несомненно существующими. Загадка тут есть, не спорю. Но истинной причиной сумасшествия юноши была Майя. Видите ли, — продолжал ясновидящий, — когда в человеческой жизни присутствует некий явный необъяснимый и таинственный элемент, мы склонны списывать на его счет буквально все. Но это большая ошибка. Да, вне пределов наших знаний о мире, безусловно, существует множество сил и явлений, однако же не стоит преувеличивать их влияние на жизнь человека. Он сам кует свою судьбу. Решающее значение имеют

характер, сознание, вера, а не слепые, темные флюиды. Каждая человеческая жизнь непременно заключает в себе долю неясного и загадочного. Мы существуем в мире, устройство которого еще не до конца объяснено. Но того, что мы знаем, для человека доброй воли достаточно. — Он понизил голос: — И я не боюсь механического воздействия этой тряпицы. С этим мы всегда справимся, даже если наши губы почернеют, как уголь. Кстати, — добавил он небрежно, — не знаю, заметили ли вы, что карандаш Лещука был… чернильным.

Профессор с любопытством взглянул на него.

— Не важно, — сказал Хинч, — это все равно ничего не объясняет. Повторяю, мы тщетно пытались понять все до конца. Наша жизнь проходит в полумраке. Вероятно, многие тайны мы сумеем объяснить с научной точки зрения, однако непременно останется некий минимум, не поддающийся разгадке. Так уж устроен мир. Впрочем, кое-что мы знаем точно: в старой кухне ничего не происходило. Просто ночью полотенце двигалось сильнее, вот и все. Люди лишались рассудка от страха и игры собственного воображения, а такое случалось с самого начала времен.

— Но я бы в любом случае предпочел не трогать это руками, — возразил профессор, осторожно

подцепив полотенце палкой.

Хинч снисходительно улыбнулся:

— Для ученого в вас слишком мало скепсиса, профессор.

— О, не будь я свидетелем тех безумств, которые натворила эта тряпка… Бр-р! Как вспомню ту ночь, что провел с ней наедине!..

— Оказывается, даже в мозгу ученого воображение может взять верх над способностью к рассуждению.

— Несомненно. Но позвольте вам сказать, что для человека, более близкого к сверхчувственным явлениям, чем я, обычный homo sapiens, вы несколько перебарщиваете со скептицизмом.

— Что вы имеете в виду?

— Если почернение губ Лещука вы приписываете тому, что карандаш был чернильным, так, может, попробуете объяснить мне, почему полотенце колыхалось? А оно ведь колыхалось — это факт, а никакая не иллюзия, не игра воображения.

— Скептик сказал бы, что, вероятно, тряпку шевелил сквозняк. И поискал бы щель в стене там, где висело полотенце.

Профессор разразился деланым, нарочитым смехом.

— Ну да, теперь все ясно… Никаких загадок не осталось… В таком случае, дорогой мой, раз здравый смысл восторжествовал над вымыслами, не соблаговолите ли вы еще раз продемонстрировать свой критический скептицизм и собственноручно запихнуть эту мерзость в свой чемодан?..

Хинч закусил губу. Нахмурился.

— Не сердитесь, — продолжал профессор серьезно. — Мне сейчас не до шуток. Так вы понимаете, о чем я?

— Да, — пробормотал Хинч.

И медленно склонился над полотенцем. Но в ту же секунду профессор схватил его за руку и оттащил в сторону.

— Довольно! — воскликнул он. — С меня хватит…

— Хватит — чего?

— Во-первых, даже вы засомневались и помедлили, хотя не боитесь, как вы выразились, механического воздействия этой тряпицы. Ведь так вы сказали? А во-вторых, вы все же решились. Очень любопытный эксперимент для исследователя человеческой психики.

— А вывод?

— Что вы все же не скептик. Как и я.

— Дорогой мой профессор, — похлопал его по плечу Хинч. — Стоит ли быть чистым скептиком, без всяких примесей? Ведь это лишило бы жизнь множества иллюзий, что придают ей столько красок. Исследовать тайны приятно, но ради познания, а не ради торжества неверия. Разве отрицание способно доставить такое удовольствие?..

— Да здравствует романтика, — съязвил профессор. — Что ж, предлагаю на этом остановиться и потому… воспользоваться палкой, а не руками, чтобы упаковать полотенце.

Они запихнули его в маленький чемоданчик и отправились обратно в Полыку.

— Вы виделись с Майей? — спросил Сколинский, когда они выходили из коляски.

— Нет. Не успел еще с ней поговорить. Но у меня есть для нее новость. Мне звонил следователь по делу Малиняка. Знаете, кто убийца? Маркиза. Обнаружилась щель в стене, через которую племянница протянула веревку. Все окончательно прояснилось, когда следователю в руки попал детективный роман «В сетях вампира». Оказывается, маркиза буквально скопировала ключевую сцену из этой книги. Петля укладывается за кроватью таким образом, чтобы для удушения

жертвы достаточно было потянуть за веревку. Маркиза, разумеется, сделала все приготовления до того, как Малиняк лег спать, это объясняет, как она сумела его убить при запертой изнутри двери. Какая изощренная жестокость! Если бы Лещук не стал случайным свидетелем убийства и если бы Майя не открыла окно, чтобы впустить его, никакая сила не спасла бы девушку от ложного обвинения. Тсс… Вот и она. Профессор, ни слова о том, что у нас в чемодане полотенце, не будем подвергать ее выдержку новому испытанию. Отнесите-ка эту дрянь в дом.

Увы! Профессор заторопился — и случилась катастрофа! Он задел чемоданчиком за перила, тот открылся — и полотенце упало в двух шагах от Майи, которая как раз подходила к их коляске.

Она застыла как вкопанная.

— Все в порядке! — закричал Хинч, пытаясь заслонить собой полотенце.

Девушка рассмеялась.

— Не беспокойтесь, — сказала она, — меня это больше не пугает.

И слегка поддела опасную тряпку ногой.

— Вы не боитесь? — спросил профессор изумленно.

— Абсолютно. Ведь Лещук выбросил ее в окно,

и с ним ничего не случилось.

— Браво! — воскликнул Хинч взволнованно. — Значит, вы побороли страх? Полотенце больше на вас не действует?

— Нисколько. А знаете почему, господа?

Майя указала на Лещука, который шел к ним по аллее.

— Вот почему, — сказала она.

Они изумленно вскрикнули. Лещук был абсолютно сед!

Возвращаясь тогда вместе с ним из замка, они этого не заметили. Но теперь, при дневном свете, голова его белела, как молоко, и юноша выглядел так, будто его околдовали.

— Тут требуется понимание женской души, — принялась объяснять Майя, вроде бы в шутку, но на самом деле волнуясь, когда они втроем уселись на скамейку возле теннисного корта. — Одна в комнате я ужасно боялась, но перепугалась еще больше, когда рядом со мной оказался Лещук. В темноте я его не видела. Я думала, что он тоже струсил, и потому начала бояться — как бы это сказать? — за двоих, и за себя, и за него. Но потом, когда он, насвистывая, выбросил полотенце в окно, я вдруг поняла, что он совершенно спокоен. И это было еще хуже. Я решила, что он попросту

слишком туп, слишком недалек, чтобы бояться. После этого его появление в старой кухне потеряло для меня всякую ценность. Если раньше мне казалось, что он жертвует собой ради меня, то теперь я решила, что ему это ничего не стоит. Я ведь совсем его не знала. Он был для меня темнее, чем та страшная комната. Мне думалось, что он другой, не такой, как я. И только сегодня утром, увидев, что он поседел, когда насвистывал рядом с этим полотенцем, — я поняла…

Майя запнулась и покраснела.

— Он отыскал в себе эту силу, потому что вы решились пойти в ту комнату. Он заразился вашей смелостью и решимостью, — сказал Хинч, не скрывая радости. — Но у меня есть для вас новость. Теперь известно, кто убил Малиняка.

— Меня это не интересует.

— Как так?! Вам неинтересно?

— Нет. Я точно знаю, что не он. И не я. Видите ли, — продолжала Майя медленно, окидывая взглядом старый двор и постройки в его глубине, — мы долго сомневались друг в друге, но раз уж теперь обрели взаимное доверие, то никакая, даже самая дикая история не заразит нас сомнением. И никакие флюиды к нам не пристанут. Мы защищены.

— Слава богу! — воскликнул Хинч. — Наконец-то вы это поняли! В этом мире, полном неясностей и загадок, мрака и тумана, чудес и ошибок, существует только одна непреложная правда — правда характера!